

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

ISSN 0132-0831

10
1990

Москва в преддверии рыночных отношений. Статью «Защищен ли покупатель!» читайте на стр. 8.

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ
МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ СССР
И СОЮЗА ЮРИСТОВ СССР

№ 10 (238). Октябрь 1990. Издаётся с января 1971 года

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

В НОМЕРЕ

3

ПУБЛИЦИСТ РАЗМЫШЛЯЕТ

Ю. ИДАШКИН. Единственное оружие 3

8

ПЕРЕСТРОЙКА: ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ И ПРАВО

В. КУЧЕР. Защищен ли покупатель? Несколько суждений о кризисной ситуации в сфере обслуживания 8

Б. ПЛЕХАНОВ. Пятна на мундире. История о том, чем обернулась борьба с очковтирательством 18
РЕДАКЦИИ ОТВЕЧАЮТ 16, 22
Комментирует Пресс-центр МВД СССР 23

26

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

В. ЗАВЬЯЛОВ. Моя точка зрения. Размышление о взаимоотношении человека с законом 26

А. ПЕРЕВАЛОВ. Есть ли будущее у обвинительного уклона? Мнение работника прокуратуры 31

Е. МАРТЫНЧИК. Советский суд присяжных 33

39

ПРЕСТУПНОСТЬ: ОРГАНИЗАТОРЫ И ИСПОЛНИТЕЛИ

А. ГУРОВ, начальник Управления по борьбе с организованной преступностью МВД СССР. Криминальный бизнес 39

51

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВСЕОБУЧ: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ

НОВОЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
С. ТАРАСОВ. Пенсии военным 51

В. ПРОЗОРОВ. Кооператорам на заметку 56

НА КОЛЕСАХ И ПЕШКОМ
Г. КРУГЛОВ. Либо водитель, либо любитель 61

ЮРИДИЧЕСКИЙ ПРАКТИКУМ 62, 128

Как бы вы поступили? 63

Азбука дорожного движения 64

ОТ «А» ДО «Я»
В БОЖЬЕВ. Частное обвинение 66

КОНСУЛЬТИРУЕТ
ПРИЕМНАЯ «ЧпЗ»

С. ЗАЙОНЧКОВСКАЯ. На действительную срочную... Обзор читательской почты в канун осеннего призыва 69

ПО ПРОТЕСТУ ПРОКУРОРА 75

76

Ю. СВЕРДЛОВ. **Блудные дети.** Очерк нашего корреспондента о тех, кого называют «хиппи»

76

90

СОБЕСЕДНИК

Е. ИЩЕНКО. **Талантам надо помогать**

90

СУДЕБНАЯ ХРОНИКА

Ю. МОРОЗОВА. **«Выгодная» находка**

95

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК «ЧнЗ» 96

99

Валерий ПОВОЛЯЕВ. **Бой в нишлане.** Повесть. Окончание

99

126

КРОССВОРД

Знаете ли вы право?

126

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ

У работников столичного ГАИ — новая форма. Ею уже экипировано одно из московских подразделений

На снимке: офицеры милиции А. ПОДКОЛЗИН и В. СУРОВЦЕВ на Тверской улице.

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

Главный редактор В. М. СИРЕНКО

Редакционная коллегия:

В. А. АБОЛЕНЦЕВ,

Г. К. БОЛЬШАКОВА (заместитель главного редактора),

В. Н. ЖБАНКОВ, В. А. ЖУРАВЛЕВ (ответственный секретарь),

И. В. ИЛЬИН, В. Д. ПОВОЛЯЕВ,

И. С. САМОЩЕНКО, П. И. СЕДУГИН,

Ю. С. СЕМЕНОВ, Е. В. СМИРНОВА,

А. Я. СУХАРЕВ, А. А. ТРЕБКОВ,

А. М. ФИЛАТОВ, И. Ф. ШИЛОВ

Технический редактор Л. С. АЛЕКСЕЕВА

Фото в номере В. С. ЗИМИНА

ЕДИНСТВЕННОЕ ОРУЖИЕ

Ушло в историю лето 1990 года. Оно не было жарким, оно было опалющим. Нет, не температурой воздуха, а буквально испепеляющим накалом страстей, бушевавших на десятках и сотнях съездов, конференций, сессий, митингов, уличных шествий. Начавшись беспрецедентным эпизодом на Первомайской демонстрации в Москве, летний политический сезон закончился бурными дебатами в парламентских комитетах, вобрав в себя и такие пики напряжения, как первый Съезд народных депутатов РСФСР, учредительный съезд Компартии РСФСР и наконец XXVIII съезд КПСС.

Вряд ли есть смысл рассуждать здесь об историческом значении минувшего лета. Оно очевидно. Да и в полной мере оценить его смогут, видимо, лишь потомки: во-первых, мы слишком опалены азартом борьбы, радостью побед и горечью поражений, а во-вторых, истинный масштаб происшедшего и его роль в отечественной истории прояснятся только тогда, когда процессы станут приносить результаты. Будут ли они непременно положительными? Да ведь это зависит от того, кто как понимает положительное и отрицательное. Пока же ясно, что призывы к гражданскому согласию звучат тем громче и чаще, чем нагляднее обнаруживается его отсутствие, чем резче происходит поляризация сил. Более того. По моим наблюдениям, к гражданскому согласию особенно настойчиво начинает призывать та из сторон, которой удалось добиться определенного успеха. На первый взгляд это естественно: победитель должен быть великодушным. Но не скрывается ли за этим великодушием и лукавое стремление не допустить реванша проигравшей стороны? Ведь будем откровенны, хотя сегодня едва ли не все политические силы выступают от имени народа, подлинное мнение народа еще ни разу не выявлялось в сколько-нибудь прямой форме. То мы не можем провести референдум, так как нет закона о нем. То мы не можем принять этот закон, так как времени для его разработки нет. То мы оспариваем репрезентативность выборов с представительством от общественных организаций, то не соглашаемся с результатами выборов, проведенных без такого представительства... Поэтому-то те, кто добился частичного успеха, стремятся на этом и закончить борьбу, ибо совершенно неизвестно, каким будет исход очередной пробы сил.

Но не забываем ли мы о том, что мнение народа — допустим, мы выявим его с достаточной степенью достоверности — может разделиться в соотношении 60 и 40. Или даже 55 и 45. Представьте себе: 45 процентов людей, имеющих право голоса в стране, могут категорически не согласиться с решением, которое приобретает силу закона! И что тогда? Гражданская война? А ведь я взял случаи, когда определенного, четко выраженного мнения придерживается 60 или 55 процентов выборщиков. На практике же, особенно в условиях нашего — многонационального, с разным уровнем регионального раз-

вятия, без навыков политического плюрализма, но с сильным потенциалом социальной нетерпимости — государства, этого ожидать трудно. Весьма вероятна значительная дробность мнений и позиций, при которых абсолютного большинства ни одна из предложенных платформ может не получить. Значит, гражданское согласие не красивый лозунг, а жизненная необходимость, у которого лишь одна альтернатива — гражданская война, грозящая перейти в войну всех против всех.

На какой же основе может быть достигнуто гражданское согласие? Думаю, нет необходимости рассматривать конкретные позиции, программы или лозунги. Во-первых, потому что они постоянно меняются, уточняются. А во-вторых, и это главное, потому, что даже самая привлекательная программа в наши дни вряд ли получит поддержку подавляющего большинства населения до тех пор, пока не начнет приносить осязаемые плоды в социально-экономической сфере. А такие плоды могут появиться лишь при условии осуществления программы, что требует как минимум нескольких лет. Причем относительно спокойных. Не безмолвных, конечно, и не исключающих серьезную политическую борьбу, агитацию и пропаганду, а допускающих и независимую прессу, и митинги, и демонстрации, и даже забастовки, но все это в строгих рамках закона.

Строжайшее соблюдение законности и есть та единственная основа гражданского согласия, которая только и может обеспечить мирное и свободное развитие всех политических, экономических и иных общественных процессов в стране.

Но если мы хотим подлинной демократии, то нам надо ответить на один острый вопрос. Можем ли мы происходящие в стране общественные процессы назвать свободными, если они ограничены определенными рамками — рамками социалистического выбора. И имеет ли смысл в таких условиях создавать партии, которые намерены законным путем постепенно добиваться изменения существующего общественного строя?

Убежден, сегодня в нашей стране нет и почти наверняка в ближайшем будущем не будет таких реальных политических сил, которые мирным путем добились бы изменения общественно-политической системы. И можно было бы считать вопрос о рамках социалистического выбора чисто теоретическим и практически неактуальным, если бы не та критическая ситуация, в которой оказалась наша страна. И если бы не те, пусть даже менее глобальные, чем социалистический выбор, проблемы, которые неожиданно выросли в непосредственную угрозу для демократии и законности.

Действительно, в наши дни одним из самых распространенных обвинений в адрес политических оппонентов стало: «Они рвутся к власти!» Но почему, собственно, рваться к власти, чтобы реализовать свою социально-политическую программу, менее нравственно, чем цепляться за власть, стремясь удержать ее в своих руках? И разве не вралась к власти партия большевиков в 1917 году? Вспомним знаменитое ленинское «есть такая партия!»...

Весьма значительное число коммунистов сегодня, включая признанного лидера перестройки М. С. Горбачева, видят партию в будущем не парламентской, а авангардной, что, конечно, не исключает парламентских форм ее деятельности. Что ж, дай Бог, как говорится. Только признать партию авангардом народа, руководителем масс может лишь сам народ, отдавший ей подавляющее большинство голосов, и, как показал опыт истории, мандат на такую роль

вручается не навечно. Его можно и утратить. И сейчас, впервые после разгона Учредительного собрания, возникает вопрос: готова ли партия каждые 4—5 лет подтверждать на свободных выборах свою авангардную роль? Если готова, то может вернуть доверие большинства народа и увлечь его к достижению своих программных целей. Но если не готова, если будет цепляться за власть, за свою прежнюю роль в обществе, то ее вытеснение с политической авансены, видимо, неминуемо.

В нашем обществе есть силы, которые тщатся нарушить нормальное развитие многосложного не только в социально-политическом, но и в психологическом отношении процесса. Одним не терпится начать охоту на коммунистов, другие надеются с помощью танков «заморозить» политические процессы. И надо признать, что наше государство, долгое время бывшее тоталитарным, наши имеющие отнюдь не безоблачную историю правоохранительные органы, увы, оказались совершенно неготовыми к тому, чтобы строго, но законными методами охранять конституционный порядок.

Да, конечно, в жизнь вошли такие ситуации и коллизии, которые ни действующей конституцией, ни другими законами и подзаконными актами не регулируются по той простой причине, что в прежнем, сталинско-брежневском государстве ничего подобного вообще происходить не могло.

Взять хотя бы первомайскую демонстрацию нынешнего года. Ведь, с одной стороны, она прошла в рамках действующей Конституции, а с другой — очевидно, что происшедшее, как признал Председатель Моссовета Г. Х. Попов, не может и не должно повторяться в таких формах. Стало быть, нужно новое законодательство, соответствующее нынешнему этапу состояния общества.

Или вызвавший такую бурную реакцию эпизод с переносом телевизионного выступления Председателя Верховного Совета РСФСР Б. Н. Ельцина. Многие народные депутаты и телезрители не поверили объяснениям Председателя Гостелерадио СССР М. Ф. Ненашева, заверявшего, что это решение принял лично он, без всяких указаний «сверху». И, думаю, напрасно не поверили. Хорошо, что по настоянию Б. Н. Ельцина Съезд народных депутатов РСФСР направил письмо Президенту СССР. Думаю, что М. Ф. Ненашев поступил так, как он поступил, не потому что получил от кого-то приказ. Он, насколько известно, не относится к числу бездумных и угодливых исполнителей. У него были свои резоны. Но беда в том, что резоны и расчеты М. Ф. Ненашева никакого отношения к законным интересам народа не имели. Стало быть, проблема состоит в том, чтобы исключить возможность для должностных лиц, тем более высокого ранга, действовать в соответствии с личными, групповыми и даже классовыми интересами, когда они выполняют свой конституционный долг. В отношении радио и телевидения после Президентского указа это, видимо, станет возможно.

Особенно наглядно эта проблема проявилась при обсуждении в обществе возможности деполитизации армии и правоохранительных органов. Дополнительный стимул обострению дебатов на эту тему дало выступление генерала А. М. Макашова на Учредительном съезде компартии РСФСР, который в момент его выступления еще был Российской партконференцией.

Не секрет, что и в зарубежной — вполне открыто и широко — и в нашей — правда, более глухо и сдержанно — печати обсуждается вопрос о том, не будет ли покончено с перестройкой путем военного

переворота: В конце июня Ленинградское телевидение показало документальный фильм об Учредительном съезде Российской компартии. В фильме есть такой эпизод: проходя по холлу Дворца съездов, М. С. Горбачев шутливо бросает группе оживленно беседующих генералов: «А, товарищи военные, заговор плетете...» Отдадим должное спокойствию, уверенности и чувству юмора нашего Президента. Но ведь ни муссировались бы слухи об угрозе военного переворота, не было бы и этой мимоходом брошенной шутки.

Генерал Макашов уже был знаком десяткам миллионов телезрителей по своему выступлению на третьем Съезде народных депутатов СССР, где перед выборами Президента в чрезвычайно резкой, чтобы не сказать, грубой форме требовал не избирать М. С. Горбачева, пока тот не пройдет через горнило военных сборов и не вкусит соленого от пота солдатского хлеба. Конечно, тогдашнее выступление генерала произвело отталкивающее впечатление своей бестактностью, но как офицер запаса, прошедший множество военных сборов, могу добавить, что оно бессмысленно и по сути, ибо уже десятки лет сборы запасников являются не чем иным, как переводом огромных государственных средств, ничего не дающим ни Вооруженным Силам, ни самим офицерам.

И вот генерал А. М. Макашов вновь оказался на трибуне. На этот раз для того, чтобы выразить категорическое несогласие с внутренней и внешней политикой правительства страны, которой он присягал. Не стану вдаваться в анализ многих тезисов и аргументов генерала, не стану оценивать уровень его общей и полемической культуры. Достаточно вспомнить его намеки на то, что политический курс правительства «рассчитан на слабоумных» и «не видеть такого может только слепой или злоумышленник», или то, как он одним махом оскорбил сразу пятерых народных депутатов СССР, один из которых возглавляет Совет многомиллионного города, а еще одного народного депутата СССР, популярнейшего советского писателя назвал «некий Б. Васильев».

Но оставим все это. Со страниц печати и с разных трибун нам уже многократно, в том числе и вновь избранный Первый секретарь ЦК Компартии РСФСР И. К. Полозков, разъяснили, что генерал А. М. Макашов, конечно, резковато и не совсем удачно сформулировал свои мысли, зато был прав по существу. Поэтому, раз и навсегда поняв, что генерал — человек резкий и требовать от него обязательной для других корректности не стоит, обратимся к существу его высказываний.

В чем же оно состоит? Да в том, что генерал от имени коммунистов Армии и Флота отверг возможность деполитизации Вооруженных Сил, предупредив, что армейская парторганизация возмущена «бездействием ЦК, Политбюро и правительства по отношению к своим защитникам» и «не собирается идеологически сдаваться». Итак, впервые за годы Советской власти прозвучала откровенная угроза из уст высокопоставленного военного в советской военной форме. О том, что заявление генерала было понято однозначно, свидетельствует хотя бы тот факт, что с трибуны Съезда народных депутатов РСФСР незамедлительно прозвучал ответ народного депутата В. В. Рюмина, только что снявшего офицерскую форму. Ответ гласил: если генералы отдадут приказ войскам выступить против законной власти, солдаты и офицеры обратят оружие против отдавших такой приказ. Этого добивался генерал Макашов? А ведь до его выступления разговоров на таком уровне в стране не велось,

Насильственные, антиконституционные действия, к которым до сих пор призывали лишь национал-экстремисты или откровенные политические враги Советской власти, после выступления генерала Макашова стали рассматриваться как реальная угроза.

Практика цивилизованных государств знает случаи, когда высокопоставленные военные выступают с заявлениями, расходящимися с официальным политическим курсом. Но в этих случаях следуют либо добровольная отставка, либо увольнение от должности. Думается, что государственные структуры страны не могут и не должны сохранять в подобных случаях нейтралитет. Это ведь выходит далеко за рамки политического плюрализма, который один из военных делегатов съезда Российской компартии откровенно назвал «болотом».

Вопрос тут, разумеется, не в антиармейских настроениях, которых в обществе в целом не было и нет. Вопрос в том, будут ли Вооруженные Силы, МВД, КГБ, суд, прокуратура служить партии, которая отождествила себя с государством, или государству, переставшему быть монопартийно-тоталитарным. В том, что при многопартийной системе политорганы в их нынешнем виде и первичные организации одной партии в общегосударственных структурах подобной важности становятся практически неконституционными. «Вооруженные Силы нигде и никогда не были деполитизированы, они не могут быть вне партии, ибо служат государству, а оно — политический институт», — поддерживают генерала Макашова. Полно! Неужели неясно, что речь идет именно о превращении армии и правоохранительных органов в государственные и ни от кого, кроме государства, не зависящие структуры. От партии, от одной из, а затем и от многих партий необходимо отделять их, а отнюдь не от государства...

Поэтому-то государство не может быть безразличным не только к угрозам генерала Макашова, встреченных аплодисментами значительной части зала и едва ли не всех делегатов в военной форме, но и к его концепции классовой армии, к его намекам на приоритет определенного классового происхождения, к его поразительной формулировке: «Нас изгоняют без боя из тех стран, которые освободили наши отцы». Видимо, генерал всерьез считает, что наши отцы освобождали народы Восточной Европы для того, чтобы навсегда сохранить там политическое устройство, которое до сих пор нравится генералу, но перестало нравиться народам этих стран. Если бы дать волю генералу, он бы «без боя» войска не вывел. Его не смущает даже официальное признание нашей партией и государством недопустимости вооруженного вмешательства в Чехословакию в 1968 году.

Так, может быть, следует ввести какие-то новые законы или изменить текст воинской присяги с тем, чтобы люди с оружием служили своей стране, а не своим субъективным представлениям о ее благе?

Словом, законность и только законность есть то единственное оружие, которое нам можно и нужно применять для защиты святого дела перестройки. Если не защитим ее — погибнем.

Юрий ИДАШКИН

ПЕРЕСТРОЙКА:

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ И ПРАВО

ЗАЩИЩЕН
ЛИ ПОКУПАТЕЛЬ?
?

Сфера обслуживания, торговля, общественное питание, служба быта, коммунальное хозяйство... Их единственное назначение — облегчить нам жизнь, избавив от многих житейских забот. Но меньше ли становится у нас этих забот, воспользуясь мы услугами того или иного предприятия сферы обслуживания? Какие чувства мы при этом испытываем? Удовлетворения? Исключительно редко. Случается — досаду, иногда — трепет, еще реже — надежду. Чаще всего — тихую ненависть, грозящую перейти в злобу. И немудрено. Вот только несколько фактов и только по одной отрасли сферы обслуживания — торговле.

Народным контролем в Татарской АССР выявлено и направлено в торговлю скрытых от продажи 1411 тонн товарных ресурсов. В Костромской области на контейнерной площадке обнаружено 14 тонн импортной ветчины. В Горьковской области — 4 вагона с мандаринами, вагон с мукой, вагон с сахарным песком, 4 вагона с мясом птицы. Чудеса торговли от места и времени не зависят и за истекший год ничуть не поблекли.

Возникает вопрос: а можно ли бороться с нарушениями всех прав и правил в сфере обслуживания теми средствами, которые свойственны для правового государства? Уверен, что можно. Однако правовое государство мы еще только начали строить, нам предстоит пройти нелегкий и долгий путь. А что же делать сегодня, сейчас? Многие, если не большинство, отвечают на этот вопрос примерно так: «Раз потребитель страдает, значит, его интересы не защищены. Нужен закон, который защитил бы нас от произвола работников сферы обслуживания».

Уповать на принятие новых законов как универсальный метод решения всех проблем стало чуть ли не правилом. Но так ли уж беззащитен потребитель? И закон ли виноват в том, что нас обвешивают, обсчитывают, обманывают, что мы не можем получить ту или иную услугу по твердо установленным ценам, без добавок «сверху» продавцу, мастеру и другим «благотельям»? Попробуем разобраться.

Входя в магазин, мастерскую, приемный пункт, покупатель либо заказчик «вооружен» основательно. В попытке сделать почти невозможное — купить нужную вещь или получить необходимую услугу — он опирается прежде всего на нормы гражданского законодательства. «Тыл и фланги» обеспечивают все существующие виды юридической ответственности работника сферы обслуживания — материальная, дисциплинарная, административная и уголовная. По ту сторону прилавка на обеспечение интересов потребителя направлены финансовые, трудовые, административно-управленческие и другие правовые нормы, регулирующие функциони-

рование сферы обслуживания, так сказать, ее внутреннюю жизнь.

Поскольку покупателя или заказчика эта сторона деятельности сферы обслуживания вряд ли интересует, обратимся к мерам воздействия, носящим по отношению к ней как бы внешний характер, то есть к ответственности за нарушение прав и законных интересов потребителя. Попробуем оценить степень его правовой защищенности (или незащищенности), о которой так много говорят, на примере торговли, с которой каждый из нас сталкивается намного чаще, чем с другими видами обслуживания населения.

В цивилизованном обществе торговля производится на основе некоторых твердых правил и принципов, нарушение которых может поставить под угрозу само ее существование. Такие правовые принципы, как эквивалентный характер, добровольность и добросовестность сделки (купли-продажи), как раз и отличают торговлю от неправомερных форм «перераспределения материальных благ» — грабежа, кражи, мошенничества и т. п. Честность продавца и покупателя в цивилизованной купле-продаже противопоставлена давно известному на Руси лозунгу: «Не обманешь — не продашь».

Но дефицит практически всех товаров и услуг в условиях государственной собственности на товарную массу обусловил и специфические нарушения в сфере торговли — обман покупателей, сокрытие товаров и продажу их из подсобных помещений за дополнительную плату либо в обмен на различного рода «услуги», родственникам, знакомым. При достатке товаров такое вряд ли возможно по причинам экономического характера — продавец рискует остаться без работы, потеряв покупателей. Ведь чем больше продашь, тем выше будет прибыль, зарплата, премия. Главная проблема — побольше продать, привлечь покупателей.

У нас же, увы, проблемы иные. То мизерное количество товаров, которое поступает в магазины, все равно будет продано до последнего килограмма, штуки, литра и т. п. И «прибыль» продавца останется при нем, даже если покупатели будут чем-то недовольны — все равно раскупят, никуда не денутся. Потому что деваться действительно некуда: уровень неудовлетворенного покупательского спроса только в Москве, например, в 1989 году составил около 8 миллиардов рублей. В текущем году, по прогнозу Мосгорторга, ситуация не изменится в лучшую сторону. Так что все, что выделит плановое распределение, при любых обстоятельствах будет продано. Чуть раньше или чуть позже — не имеет значения. Выполнение плана по реализации товаров, а следовательно, и премия зависят не от работы магазина, а от планирующего «дядю». Если же товар продать по повышенной цене, обманув покупателя или «честно» взяв за продажу «из-под прилавка», получишь возжеленную прибавку к жалованью, и довольно приличную — хватит и себе, и на подарок упомянутому «дяде», закладывающему основу будущей официальной премии.

Понятно, что наиболее надежный метод борьбы с подобными перекосами в торговле — экономический. Насыщенный товарами рынок сам избавит себя от многих негативных явлений. Но это, судя по всему, дело не столь близкого будущего. Сегодня же, как и двадцать лет назад, мы можем противопоставить нежелательным явлениям в торговле только одно — запретить те или иные действия под страхом наказания — дисциплинарного, административного, уголовного.

Итак, что же ждет нарушителя правил торговли?

Как и любое нарушение служебных обязанностей, нарушение правил торговли влечет ответственность в дисциплинарном порядке, определяемом нормами трудового законодательства. Основы законодательства Союза ССР о труде [ст. 56] и кодексы законов о труде союзных республик [ст. 135 КЗоТ РСФСР, соответствующие статьи КЗоТ других союзных республик] в качестве мер дисциплинарного взыскания предусматривают замечание, выговор, строгий выговор, перевод на нижеоплачиваемую работу сроком до 3 месяцев или смещение на низшую должность на тот же срок, увольнение в порядке пункта 3 статьи 33 КЗоТ РСФСР и соответствующих статей КЗоТ других союзных республик за систематическое неисполнение возложенных на работника обязанностей. Как видим, администрации предприятия предоставлен достаточно широкий выбор средств борьбы с нарушителями трудовых обязанностей — от простого замечания, по сути своей сходного с мерами морального воздействия, до весьма ощутимого материального воздействия.

Поскольку нарушения правил торговли относятся к серьезным проступкам, дисциплинарная ответственность за них может сочетаться (что обычно и имеет место) с другими мерами воздействия, чаще всего — лишением премии или вознаграждения за выслугу лет. Кроме того, материалы о нарушении могут быть переданы на рассмотрение товарищеского суда или иной общественной организации.

Крайней мерой является увольнение работника, что особенно чувствительно для любителей поживиться за счет покупателя, так как они лишаются своего «привилегированного положения» в доступе к товарам. Причем работники, непосредственно обслуживающие товарные или денежные ценности, — продавцы, кассиры, официанты и другие лица, производящие расчеты с покупателями и ведающие передачей товаров, могут быть уволены по такому основанию, как **утрата к ним доверия со стороны администрации**. Поводом для этого может послужить среди прочих проступков обман покупателей, сокрытие товаров и другие нарушения правил торговли.

Работники, несущие дисциплинарную ответственность в порядке подчиненности, могут быть уволены и за **однократное грубое нарушение трудовых обязанностей**. В системе торговли к этой категории относятся руководители предприятий и организаций, их заместители и помощники, заведующие магазинами, складами, базами, заведующие отделами, производствами, цехами предприятий торговли и общественного питания, пользующихся правами производственного предприятия, и некоторые другие. Вопрос о том, носит ли нарушение характер грубого, решается в каждом случае с учетом конкретных обстоятельств. На практике в качестве грубых проступков рассматриваются обычно серьезные нарушения правил советской торговли, выпуск в продажу недоброкачественных товаров и т. д.

Применение мер дисциплинарной ответственности и упомянутых сопутствующих мер — дело администрации торговых предприятий и организаций. Конфликт с законом в этом случае остается, так сказать, «в семейном кругу». В лучшем случае сообщает жалобщику, что сведения подтвердились и виновные наказаны. Однако чаще поводом для такого взыскания являются материалы ведомственных проверок. Они могут использоваться как для «внутреннего» разбирательства, так и для более независимого и, видимо, более объективного рассмотрения в правоохранительных органах — ОБХСС, прокуратуре. Если, конечно, будут туда направлены.

Но не будем закрывать глаза на то, что ведомственный контроль в сфере обслуживания сегодня, мягко говоря, не на высоте. Поэтому в поле зрения правоохранительных органов попадают злоупотребления в торговле, выявленные проверками ОБХСС и рабочего контроля. И здесь уже непосредственным виновникам не удается отделаться выговором или лишением премии. Приходится нести административную или даже уголовную ответственность.

Так, в части 1 статьи 146 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях предусмотрено взыскание в виде штрафа в размере от 30 до 100 рублей за нарушения правил торговли, которые касаются устройства торгового зала и подсобных помещений, оформления витрин, хранения товаров, отпуска их покупателям, денежных расчетов с покупателями, содержания и использования несоизмерительных приборов, времени работы торговых предприятий, некоторые другие ущемляющие права покупателей действия. Особо выделена продажа товаров со складов, баз, из подсобных помещений торговых предприятий, а также сокрытие товаров от покупателей лицом, не являющимся должностным. За такое нарушение в части 2 статьи 146 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях предусмотрена повышенная ответственность — штраф в размере от 100 до 500 рублей.

Конечно, бюджета дельцов от торговли такими штрафами не подорвешь, но ведь и сама административная ответственность рассчитана не на злостных нарушителей. Работнику же, только попытавшему встать на скользкий путь, она может послужить серьезным предупреждением. Думается, что главный действующий фактор административной ответственности в данном случае заключается не в размере штрафа, а в том, что оценка правонарушителю дается от имени государства, а не системы торговли, в которой он работает. Его проступок — уже не просто нарушение трудовой дисциплины, стоящее в одном ряду с пятиминутным опозданием на работу или грубым обращением с покупателями, а общественно вредное деяние. И хотя в данном случае оно и не достигает «уровня» преступления, но уже приближается к нему.

Наиболее опасные нарушения правил торговли определяются законом как преступления, за совершение которых виновные несут ответственность по статьям 156 (Обман покупателей и заказчиков), 156² (Получение незаконного вознаграждения от граждан за выполнение работ, связанных с обслуживанием населения), 156³ (Нарушение правил торговли), 157 (Выпуск в продажу недоброкачественных, нестандартных и некомплектных товаров) УК РСФСР (соответствующим статьям УК других союзных республик).

Наиболее распространенным среди них является обман покупателей.

Статья 156. Обман покупателей и заказчиков

Обмеривание, обвешивание, обсчет, превышение установленных розничных цен, а также цен и тарифов на бытовые и коммунальные услуги, оказываемые населению, или иной обман покупателей и заказчиков в магазинах и иных торговых предприятиях или в предприятиях общественного питания, бытового обслуживания населения и коммунального хозяйства, —

наказывается исправительными работами на срок до двух лет, или штрафом до четырехсот рублей, или лишением права занимать

должности в торговых предприятиях или предприятиях общественного питания, бытового обслуживания населения и коммунального хозяйства на срок от двух до пяти лет.

Те же действия, совершенные по предварительномуговору группой лиц, или в крупных размерах, или лицами, ранее судимыми за те же преступления,—

наказываются лишением свободы на срок от двух до семи лет с конфискацией имущества или без таковой, с лишением права занимать должности в торговых предприятиях или предприятиях общественного питания, бытового обслуживания населения и коммунального хозяйства на срок от двух до пяти лет.

Как видим, среди способов совершения данного преступления статья 156 УК РСФСР (соответствующие статьи УК других союзных республик) называют обмеривание, обвешивание, обсчет, превышение установленных розничных цен и тарифов, а также иной обман покупателей и заказчиков в предприятиях торговли, общественного питания, бытового обслуживания и коммунального хозяйства. В законе названы лишь основные способы совершения преступления, дающие представление о характере действий, относимых к обману покупателей. Суть же его состоит в том, что покупатель умышленно вводится продавцом в заблуждение относительно тех или иных свойств товара и порядка купли-продажи — его количества, качества, цены, соответствия оплаты стоимости и т. п.

Наряду с перечисленными видами назван и «иной обман», поскольку фантазия дельцов от торговли неистощима и установить все возможные способы обмана практически невозможно. Наиболее часто в юридической практике встречаются фальсификация, замена части товара более низким по качеству и дешевым, пересортица, махинации с оценкой товаров.

Характерная особенность обмана заключается в том, что размер ущерба покупателю в каждом отдельном случае обычно невелик — от нескольких копеек до нескольких рублей при продаже дорогих товаров или большого их количества. Казалось бы, о таких суммах не стоит и говорить. Однако «разовых обманов» практически не бывает — они всегда образуют систему паразитирования за счет покупателя. Раскрываются же лишь единичные случаи. И продавец нередко безнаказанно — и подолгу — получает неплохой «приварок» к зарплате, превышающий ее порой в пять — десять раз.

Скажем, заведующая одной из московских булочных Утешина, получив 600 кексов по цене 1 руб. 50 коп., решила, что такие вкусные и привлекательные на вид кексы можно продать и подороже. Сотрудники ОБХСС подоспели в самый разгар бойкой торговли — 203 кекса были уже проданы по 2 руб. за штуку. Несложные подсчеты позволили определить, что в карман Утешиной должны были перекочевать 600 покупательских «полтинников» — 300 рублей, из них 101 руб. 50 коп. ею уже были получены. И это всего за один день и на одних только кексах.

Какие товары наиболее «популярны» при совершении обмана? Ответить на этот вопрос довольно трудно, так как судебная статистика отражает лишь раскрытые преступления, которые обнаруживаются почти исключительно путем проведения рейдов. Сам же покупатель, увы, не проявляет в этом активности. Кроме того, зафиксировать обман не так-то просто. Поэтому чаще всего обман вскрывается при продаже таких товаров, качество которых можно легко проверить, и при этом достаточно дорогих.

Материалы судебной практики показывают, что преступный бизнес относительно проще раскрывается при продаже вино-водочных изделий, фруктов (апельсины, яблоки), мяса, колбасных изделий — здесь много возможностей для обсчета и обвешивания. Особой любовью фальсификаторов пользуются такие напитки, как пиво и коктейли, несколько меньшей — соки. Применение для их розлива автоматов мало что дает для борьбы с обманом. Умельцы освоили даже импортную технику. Многие наверняка помнят, что некоторое время после появления у нас «Фанты» она была одинакового качества на всех точках продажи. Теперь же нередко в бойких местах под видом «Фанты» из сверкающих никелем автоматов продают лишь слегка подкрашенную воду.

Значительно реже фиксируется обман покупателей при продаже промышленных товаров. Хотя и здесь есть мастера — растягивают ткани при отмеривании, подделывают ярлыки, используют «универсальный» обсчет при оплате и т. д. Так что можно смело утверждать, что никакой товар сам по себе — упакованный, фасованный, продающийся автоматически — не гарантирует нас от обмана. Там, где работают люди, все зависит от их честности. Но и она нынче в дефиците.

Кстати, обманывают покупателей при всех видах продажи — и обычной, в общем зале магазина, и при получении заказов, и даже при незаконной продаже — из подсобных помещений. В роли обманутых выступают не только обычные покупатели, но и «товарищи по оружию» — спекулянты. Доходит при этом до курьезов. То двоих представителей южных национальностей обсчитали на пятьдесят с лишним рублей при покупке «с черного хода» пяти ящиков апельсинов по заранее оговоренной повышенной (наверное, за конспирацию) цене. То официант дал заядлому курильщику всего 406 пачек сигарет, а не 466, как договорились, да еще обсчитал на 10 рублей, не говоря уже о превышении розничных цен на 20 процентов. Вот уж воистину: «Вор у вора дубинку украл».

Особенно часто обман покупателей совершается при выездной торговле — с лотков, по предприятиям и т. д. Это и понятно: обстановка повышенного спроса, снижение контроля со стороны администрации, потеря бдительности покупателей создают возможность, помимо обычных обсчета и обвеса, применять еще и разнообразные махинации с ценами. Немало этому способствует и внедрение новых видов торговли — кооперативной, по договорным ценам, реализации продукции колхозами и совхозами и др. Это привело к существованию 3—4 вариантов цен одновременно на одни и те же товары. Рядовой покупатель теперь вообще подчас не в состоянии разобраться в ценах, да и прекратил всякие попытки это сделать.

В отличие от обмана покупателей, известного уголовному законодательству уже давно, получение незаконного вознаграждения от граждан за выполнение работ, связанных с обслуживанием населения, и нарушение правил торговли путем сокрытия товаров от покупателей и продажи их со складов, баз, из подсобных помещений торговых предприятий «получили статус» преступлений сравнительно недавно — в 1981 году.

Первое из перечисленных деяний предусмотрено ст. 156² УК РСФСР (соответствующими статьями УК других союзных республик).

Статья 156². Получение незаконного вознаграждения от граждан за выполнение работ, связанных с обслуживанием населения

Получение работником предприятия, учреждения или организации, не являющимся должностным лицом, путем вымогательства незаконного вознаграждения от гражданина за выполнение работы или оказание услуги в сфере торговли, общественного питания, бытового, коммунального, медицинского, транспортного или иного обслуживания населения, входящих в круг служебных обязанностей такого работника,—

наказывается исправительными работами на срок до одного года или штрафом до ста рублей.

Те же действия, совершенные неоднократно или в крупных размерах,—

наказываются лишением свободы на срок до трех лет или штрафом до пятисот рублей.

Не правда ли, данное преступление похоже на взятку, полученную, однако, не должностным лицом, а рядовым хапугой, который непосредственно обязан выполнить те или иные работы или оказать клиенту услуги в сфере обслуживания населения. Такого рода действия признаются преступлением, если налицо вымогательство незаконного вознаграждения — выраженное в более или менее жесткой форме прямое требование «добавить за труды» либо в косвенном виде, например, путем затягивания сроков и уклонения от выполнения работы. Предлог в таких случаях, как правило, отсутствие материала, инструментов, запасных частей и т. п., которые как по мановению волшебной палочки появляются сразу же после обещания «не обидеть мастера».

В основном получение незаконного вознаграждения путем вымогательства совершается в бытовом, транспортном и медицинском обслуживании. Что касается торговли, то для нее это преступление не столь характерно. Заметим, что вымогательством такого рода обычно занимаются «околоторговые» работники — швейцары, грузчики и некоторые другие, чья деятельность связана с дополнительными к продаже товаров услугами. Обусловлено это тем, что обычно продажа товаров происходит при большом стечении народа, когда продавцу «договариваться» с отдельным покупателем трудно и небезопасно. К тому же товар, лежащий на прилавке, для вымогателя интереса не представляет, так как не продать его попросту нельзя. Другое дело — припрятанный товар, позволяющий диктовать условия покупателю. Но сокрытие товаров от покупателей, которое лишь могло бы стать способом вымогательства, уже само по себе уголовно наказуемо.

Статья 156³. Нарушение правил торговли

Продажа товаров со складов, баз, из подсобных помещений предприятий [организаций] торговли или общественного питания, а равно сокрытие товаров от покупателей, совершенные должностным лицом предприятий [организаций] торговли или общественного питания с использованием своего служебного положения,—

наказываются лишением свободы на срок до одного года, или исправительными работами на тот же срок, или штрафом от пятисот

до одной тысячи рублей, с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Продажа товаров со складов, баз, из подсобных помещений предприятий [организаций] торговли или общественного питания, а равно сокрытие товаров от покупателей, совершенные работниками этих предприятий по предварительному сговору группой лиц, либо совершенные неоднократно должностным лицом,—

наказываются лишением свободы на срок до двух лет с конфискацией имущества или без таковой, или исправительными работами на тот же срок с конфискацией имущества или без таковой, или штрафом от одной до трех тысяч рублей, с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Действия, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные в крупных размерах или лицами, ранее судимыми за те же преступления,—

наказываются лишением свободы на срок от трех до семи лет, или штрафом от трех до пяти тысяч рублей, с конфискацией имущества или без таковой, с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Продажа товаров со складов, баз, из подсобных помещений предприятий [организаций] торговли или общественного питания, а равно сокрытие товаров от покупателей, совершенные в особо крупных размерах,—

наказываются лишением свободы на срок до десяти лет с конфискацией имущества и лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Под крупным размером следует понимать продажу или сокрытие товаров на сумму две тысячи пятьсот рублей и более, а под особо крупным размером — десять тысяч рублей и более.

Как вы могли заметить, уважаемый читатель, наказуема (по этой же статье УК) и продажа товаров со складов, баз, из подсобных помещений торговых предприятий. В общем-то именно сокрытие зачастую является приготовлением к последующей незаконной продаже из подсобных помещений. Но возможно также совершение этих действий и в иных целях, например, для искусственного регулирования выполнения плана товарооборота. Большой частью такая деятельность прямо направлена на снабжение самих работников торговли, а также их родственников, знакомых и других «нужных людей» дефицитными товарами.

Продажа товаров из подсобных помещений, со складов и баз образует самостоятельное преступление независимо от того, имеется данный товар в «открытой» продаже или нет. Не имеет значения и то, был ли товар ранее скрыт от покупателей, либо продается до подачи в торговый зал в пределах срока, отведенного для этого правилами торговли. Больше того, наказание ждет и тех, кто пустил товары «налево» во время доставки с базы в магазин. А таких случаев тоже немало: недобросовестные водители и экспедиторы спешат воспользоваться хотя бы тем коротким промежутком времени, пока находятся рядом с дефицитом. Часть товаров продается ими по повышенной цене, а с магазином рассчитываются по нормальной (ну, разумеется, с некоторыми затратами на поддержание деловых отношений).

Должностные лица несут уголовную ответственность за сокрытие товаров или их продажу из подсобных помещений во всех слу-

чаях. Работники же, не являющиеся должностными лицами,— при совершении таких действий группой лиц по предварительному сговору либо когда ими сокрыты или проданы из подсобных помещений товары на сумму 10 000 и более рублей.

Есть и еще одна норма, призванная охранять покупателей. Это статья 157 УК РСФСР [соответствующие статьи УК других союзных республик], предусматривающая ответственность за неоднократный или в крупных размерах выпуск в продажу заведомо недоброкачественных, нестандартных или некомплектных товаров. Она касается заведующих магазинами, базами, складами, товароведов и бракеров. Преступление это носит «менее корыстный» характер, чем уже рассмотренные, но вреда покупателям может причинить не меньше, особенно в случаях, когда продаются недоброкачественные продукты питания. Поэтому-то и наказывается оно лишением свободы на срок до двух лет, или исправительными работами на тот же срок, или штрафом до трехсот рублей, или лишением права занимать указанные должности. Однако если говорить откровенно, то в наше время всеобщих дефицитов эта норма на практике применяется чрезвычайно редко.

Как видим, правовая защищенность покупателя перед лицом сферы торговли достаточно высока. И тем не менее конфронтация людей, находящихся по разные стороны прилавка, отнюдь не ослабевает. А вместе с ней растет недовольство граждан, усиливается социальная напряженность. Закон может оправдать наши ожидания лишь в том случае, если будет срабатывать всякий раз, как только права и законные интересы покупателя окажутся под угрозой нарушения.

Будем реалистами, уповать в этом только на милицию и другие правоохранительные органы по меньшей мере наивно. При всей добросовестности и высоком профессионализме (который сегодня удастся обеспечить далеко не везде) они просто физически не в состоянии сдержать лавину правонарушений в сфере обслуживания. Наша защищенность перед лицом торговли в решающей степени зависит от активности рабочего контроля, других органов общественности. Наконец, от активности и принципиальности каждого из нас; потому что покупатели и заказчики — это мы.

В. КУЧЕР,
кандидат юридических наук

РЕДАКЦИИ ОТВЕЧАЮТ

Против строительства кооперативом «Подснежник» пункта мойки автомобилей по улице 5-я Доможировская в г. Ногинске было направлено коллективное письмо в редакцию.

По просьбе редакции, а также по поручению Московского областного Совета народных депутатов Ногинский горисполком совместно с заинтересованными службами города, председателем кооперативного пункта и представителями жителей упомянутой улицы внимательно рассмотрели данный вопрос. Было отмечено, что при отводе участка и проектировании пункта мойки санитарные и противопожарные правила были соблюдены. Но, учитывая доводы,

выдвинутые жителями, кооперативу «Подснежник» было дано предписание: во избежание несчастных случаев огородить забором стройплощадку, привести в надлежащий порядок прилегающую к ней территорию, строительство прекратить — до рассмотрения и согласования разрешительной и проектной документации.

Об этом сообщил редакции заместитель председателя исполкома Ногинского городского Совета народных депутатов Московской области Н. Никулин.

* * *

Р. Якупов, пчеловод колхоза «Марс» Краснокамского района Башкирской АССР, написал в редакцию о том, что участковым инспектором, лейтенантом милиции Ф. Басыровым при проверке противопожарного состояния хозяйства незаконно был изъят газорезущий агрегат.

Что же установила проверка жалобы? Начальник Краснокамского РОВД, подполковник милиции У. Каримов сообщает: действия лейтенанта милиции Ф. Басырова правомерны. Р. Якупов, как выяснилось, приобрел технику незаконно — реализация газорезущего агрегата населению категорически запрещена, кислородные баллоны частным лицам не отпускаются и не наполняются. Кроме того, агрегат, используемый для газоплазменной резки металлов, взрывоопасен, для пользования им требуется специальная подготовка, которой у Р. Якупова нет.

Изъятый газорезущий агрегат, пользующийся, кстати, огромным спросом на предприятиях, сдан в один из цехов управления «Башнефтегазпром».

* * *

Б. Кулаев, военный прокурор Военной прокуратуры Краснознаменного Приволжско-Уральского военного округа, сообщает редакции о результатах проверки письма А. Лунченкова о незаконном вселении в его квартиру двух офицеров-сослуживцев.

Проведено расследование: полковник Зейнетдинов, противоправно распорядившийся вскрыть квартиру Лунченкова и поселить в нее двух офицеров, привлечен к дисциплинарной ответственности, квартира освобождена, и в ней сейчас проживает Лунченков.

ПЯТНА НА МУНДИРЕ

ИСТОРИЯ О ТОМ, ЧЕМ ОБЕРНУЛАСЬ БОРЬБА С ОЧКОВТИРАТЕЛЬСТВОМ

В наше бурное, перестроечное время может случиться всякое. Например, такое: кто был всем, вдруг может стать ничем. Вот так, запросто: папку под мышку и чеканным шагом — из президиума, прямехонько к выходу. Иногда под зорким объективом телевизионных камер, а стало быть, на глазах у телезрителей. Видел бы «герой» их лица! Получил по заслугам. Значит, есть правда на свете.

Эта святая вера в Справедливость, порой призрачную (который год буксует перестройка), толкает на бессмысленные, с точки зрения здравого смысла, поступки даже людей практичных. То есть таких, которые в повседневной жизни в облаках не витают. Ну, будто нечистый попутает.

Попутал хвостатый и директора института ВНИПКИлегпродмонтаж М. Скакунова. Судите сами. Михаил Григорьевич — человек не суетный. Доктор технических наук, профессор, заслуженный изобретатель РСФСР. Больше слушает, чем говорит, а если что и скажет, то непременно дельное, взвешенное, продуманное. В общем, производит впечатление человека интеллигентного, разумного, а в историю влип. Да в какую историю — судом теперь свою честь отмывает.

Для суда ведь что важно? Не прошлые заслуги, в виде орденов и медалей, в том числе и золотых (на счету Скакунова — более 200 научных работ и изобретений!), а дела нынешние.

Тоже ничего удивительного. Насмотрелись мы на иных орденосных, знаем, каким боком их «награды» народу выходят. Так, может, и здесь — поделом?

Давайте-ка разберемся.

Чего, собственно, человеку надо, если он и так в почете, зарплата, как вы сами понимаете, дай Бог каждому? Что еще желать? Так нет же, справедливость ему подавай — не меньше. Он, видите ли, без нее, родимой, на мягкой подушке уснуть не может, все кручинится: почему это трест «Союзстекломонтаж» по завышенным расценкам работает? Странно как-то: для агропрома по одним ценам прокладывают стеклянные трубопроводы — не выше 3,91 рубля за метр, а если берется за дело «Союзстекломонтаж» — выкладывай 11,9 рубля за тот же метр? И ведь как ловко для себя выгодный ценник протянули — минуя ВНИПКИлегпродмонтаж, головной по этой проблеме институт. Это же, простите, не иначе, как грабеж среди бела дня. И кого? Своего же родного государства!

Маялся так Скакунов, маялся и — не стерпеть. Поделится «кромальными» мыслями с тогдашним секретарем партбюро института В. Каптеловым. А тот, как на беду, тоже правдолюбом оказался — скоренько отправил письмо в партком Минмонтажспецстроя СССР. Так, мол, и так, налицо — прямой обман. С заказчиков много лет (с 1980 года!) берут лишние деньги. Приглядитесь, дескать, благополучие-то и треста, и самого Главлегпродмонтажа, возглавляемого Г. Миловидовым, показное. А ордена и медали коллективу — не по заслугам.

Взрослые люди, а рассуждают, как малые дети! Да где это видано, чтобы «патриоты» ведомства свои кровные интересы поставили ниже какой-то там абстрактной любви к Отечеству?

Два месяца ждали ответа — молчит партком министерства, будто воды в рот набрал. Тогда неугомонный Каптелов явился к секретарю парткома Н. Щербакову сам. И без всяких там обиняков спрашивает:

— Подтвердились факты по припискам?

— По каким припискам? — недоуменно вскинул тот брови.

Пришлось популярно объяснять, что, если трест предоставляет услуги по заведомо завышенным расценкам, это ведет к припискам.

— А-а., — будто бы прозрел Щербаков, — ну да, конечно. Но это еще надо перепроверить...

На «перепроверку» ушел еще один месяц, но факты, как и следовало ожидать, «не подтвердились».

«Как же так? — недоумевал Скакунов. — Институт, который он лично возглавляет, является ведущим по разработке технологии, организации и механизации, а также средств монтажа стеклянных трубопроводов. И только этому институту дано право определять, каковы должны быть расценки. Они этим правом воспользовались и пришли к выводу: расценки завышены более чем в два раза. Подготовили соответствующий документ, отправили в министерство... Неужели не читали?»

Конечно же, читали! И прекрасно понимали: согласиться с учеными, значит, «подставить» монтажников.

Ну, хорошо, ломал голову Скакунов, строители борются за «вал» — им это выгодно. А министерству-то какой резон? Почему пошли у строителей на поводу? Вплоть до отстранения института от этой работы, а «крамольный» вопрос с расценками поручили тресту «Союзстекломонтаж»? Неужели не догадывались, что сами себя те сечь не станут, цену же на монтаж в лучшем случае уменьшат на треть, да и то за счет совершенствования ее структуры.

Как в воду глядел Скакунов. Строители пошли именно по такому пути. В результате их «деятельности» стоимость монтажа трубопроводов даже выросла в среднем на 13 копеек за каждый метр. Тресту это даст более 30 тысяч рублей строймонтажного «вала» в год.

Что делать? Сдаться? А как же справедливость? Она же должна восторжествовать. И стал стучаться во все двери. А толку? Коль за одной из них — в кресле заместителя министра уже восседал Г. Миловидов — тот самый, что в свое время возглавлял Главлегпродмонтаж, в прямое подчинение которого входил трест «Союзстекломонтаж» — верный страж завышенной расценки. Так что теперь любые комиссии неизменно натыкались на его твердокаменное: расценка правильная.

Влияние Миловидова оказалось столь велико, что даже специалисты Главного управления экономики и совершенствования хозяйственного механизма Госстроя СССР пришли к тому же выводу, что и эксперты самого Минмонтажспецстроя СССР: оснований для пересмотра действующей расценки не имеется.

В общем, оставался последний шанс — обратиться за помощью в Прокуратуру СССР. Как-никак, а речь о приписках в 100 миллионов рублей — только по монтажу стеклянных трубопроводов. Если же посчитать приписки по капитальному ремонту — перевалит за 3,5-миллиарда!

И что вы думаете? Нашлись-таки в нашей стране объективные

эксперты. Ими оказались специалисты Промстройбанка СССР. И как, заметьте, деликатно работали: попросили руководителей треста «Союзстекломонтаж» самим назвать конкретные объекты, где можно сделать выборочную проверку. Трест назвал. Каков же результат? Расценка действительно не соответствует фактическим затратам труда и материалов! А если еще точнее, то в конце восьмидесятых годов главк и трест трудились на технологическом уровне монтажа, утвержденном чуть ли не двадцать лет назад. Благодаря этому маневру трест успешно «перевыполнял» план, занимал классные места и... регулярно получал незаработанные премии. Собственное же благополучие упрочил не только Миловидов, но и его «правая» рука А. Ивочкин, ставший начальником объединения «Агросоцлег-продмонтаж», а также И. Медведовский, занявший место главного инженера «Союзстекломонтаж».

Защитники строительного «вала» не дремали: как же поставить на место зачинщика бесконечных проверок, этого правдолюбца Скакунова? А тут и случай представился.

С первого января 1988 года институт ВНИПКИлегпродмонтаж перешел на полный хозрасчет. Люди в подчинении Скакунова разные: одни взялись за дело сразу же, другие не дали. Нерасторпность работников ряда отделов в новых экономических условиях обозначилась четко. Столь четко, что Скакунов стал перед проблемой: либо ликвидировать отстающие отделы, либо их перепрофилировать. Ни то, ни другое удовлетворить сотрудников этих отделов не могло, возникли трения. Мог пропустить такой благоприятный момент Ивочкин? Да ни в коем случае!

Заранее зная решение Минмонтажспецстроя СССР о создании объединения на базе института — в связи с предстоящей ликвидацией Главлегпродмонтажа, а также о том, что начальником этого объединения назначат именно его, Ивочкин без промедления налаживает связь с недовольными из числа отстающих отделов института. Те, естественно, быстро смекают, что, навалившись на директора, они спасут в первую очередь себя.

Живенько сколотили «инициативную группу» (чего от времени отставать, коль «инициативные группы» нынче в моде?) и, не дожидаясь решения партийного бюро, провели открытое партийное собрание «московских отделов института».

Повестку дня придумали хлесткую: «О недоверии партбюро института» и, разумеется, «О морально-психологическом климате». Но партбюро-то при чем? А при том, что его нынешний секретарь И. Григорьева была против шельмования Скакунова и имела неосторожность сказать об этом вслух. И хотя из 39 коммунистов на то собрание явилась лишь половина, места в зале не пустовали. Пригласили беспартийных (среди них тоже были недовольные хозрасчетом, то бишь Скакуновым) и лиц, в институте вообще не работавших. Им-то в первую очередь и дали возможность выступить, сказать честно все, что у них «на сердце наболело». Дирижировали спектаклем сам Ивочкин и инструктор Бауманского РК КПСС А. Булкатов. И хотя Скакунова на собрании не было (болел), разыграли все, как по нотам. «Выразили недоверие» не только партбюро и директору института, но и чохом: аттестационной комиссии, конкурсной комиссии и даже... совету трудового коллектива во главе с его председателем.

Уже через четыре дня назначили отчетно-выборное (просто «выборное», поскольку отчетов не было) партийное собрание, на кото-

ром и свершилось то, ради чего все это и затевали: «сформировали» новое партийное бюро.

Ну а дальше все пошло, как по маслу. Завели на Скакунова «персональное» дело. Словом, этот наивный поклонник столь эфемерной справедливости в наш прагматичный век был фактически поставлен перед выбором: или согласиться с оговорами в свой адрес и клеветой, или через суд попытаться защитить свою честь и достоинство. Тем более что атака была мощной: тут и якобы незаконное получение квартиры, и написание диссертации Скакунова другими сотрудниками, и даже... склонение к сожительству своей бывшей секретарши.

Суду пришлось нелегко. Сведения, порочащие честь и достоинство истца, на партийной конференции в июне 1988 года, как показывали свидетели, действительно распространялись, но затем как неподтвердившиеся из справки, приготовленной для райкома партии, были исключены. Лишь после долгих, тщательных выяснений суд пришел к выводу: клеветали беззастенчиво, поэтому честь и достоинство истца действительно нуждаются в защите. А посему, решил суд, необходимо обязать виновных — работников института А. Феклисова и В. Грачева принести публичные извинения Скакунову на общем собрании института в месячный срок.

С тех пор миновал не один месяц, а публичных извинений профессор Скакунов так и не дождался. За это время Мосгорсуд успел отменить решение районного народного суда и отправил дело на новое рассмотрение в ином составе. Не будем вмешиваться в работу судей — не в нашей это компетенции. Поговорим лучше о том, как ловко можно приспособлять в корыстных целях даже гласность и демократию.

Вот один лишь факт. С августа 1988 года профессор Скакунов уже не работает в системе Минмонтажспецстроя СССР, поскольку по целому ряду надуманных «просчетов в работе» он с поста директора института смещен. Ивочкин не постеснялся даже отменить приказ покойного начальника Главлегпродмонтажа сразу же, как только занял освободившееся место, то есть два года спустя! В вину Скакунову поставили и «незаконность» получения приработка в размере 615 рублей, хотя перерасчет этого приработка сделан был по инструкции, поступившей в институт через два месяца, как деньги были выплачены... Эти, да и другие, мягко говоря, «нестыковки» почему-то не смутили министра Б. Бакина: приказ об увольнении Скакунова он подписал недрогнувшей рукой.

Но даже в такой, казалось бы, безысходной ситуации хочется надеяться на лучшее. Надеется и профессор Скакунов. Основания вроде бы есть: Генеральный Прокурор СССР А. Сухарев в «Известиях ЦК КПСС» (№ 8 за 1989 год) опубликовал результаты проверки по фактам очковтирательства, где упоминается и жалоба бывшего директора М. Скакунова. Не ошибся Михаил Григорьевич: распоясались очковтиратели, годами занимаясь приписками себе во благо и государству во вред. Так не пора ли власть употребить? К примеру, той же Прокуратуре СССР? И восстановить в законных правах профессора М. Скакунова. Тем более что Химкинский народный суд иск министерства признал необоснованным, так как премия в сумме 615 рублей получена на законном основании.

**Б. ПЛЕХАНОВ,
полковник юстиции**

«РУКА ДЛЯ УДАРА»

В судебном очерке под таким названием, опубликованном в № 3 за 1990 год, поставлены актуальные вопросы о недопустимости какого бы то ни было местного влияния на отправление правосудия и осуществление прокурорского надзора, хотя, наверное, и не со всеми сделанными выводами можно согласиться. Прокуратура республики, в частности, считает, что бывший председатель Сокулукского райпотребсоюза Н. Ф. Лаптев в 1970 году осужден в соответствии с требованиями закона и оснований к пересмотру его дела не имеется. Вместе с тем жанр очерка, видимо, дает автору право на собственную оценку тех или иных фактов, тем более что они базируются на судебных документах. Отсюда всякая полемика, казалось бы, должна быть беспредметной, и все же в интересах истины представляется совершенно необходимым сообщить редакции о следующем.

Из частного определения, имеющегося в другом уголовном деле, приводится цитата о том, что в августе 1983 года прокурор района В. Ф. Лайс, его заместитель Ж. А. Мукашов и нарсудья К. Ж. Жороев при посещении бани совместно с осужденными впоследствии Акматалиевым и Джурукбаевым распивали спиртные напитки. В своих показаниях Джурукбаев утверждал, что он дал Лайсу взятку, а следователь В. Р. Эль дело по взяточничеству прекратил только потому, что якобы находился в подчинении Лайса. Однако постановлением Президиума Верховного суда республики от 31 мая 1990 года все эти сведения признаны не соответствующими действительности и из частного определения исключены.

Кроме того, хотелось бы обратить внимание и на допущенную в публикации неточность: по делу Еременко и других первым заместителем прокурора республики Э. А. Акматовым действительно приносился протест, но не на снижение меры наказания, а по другим основаниям. Наказание осужденным было снижено по инициативе Верховного суда.

Г. ИВАНЦОВ,
прокурор Киргизской ССР

РЕДАКЦИИ ОТВЕЧАЮТ

Жители улицы Нижняя в г. Иваново лишены возможности смотреть телепередачи — телеэкраны светятся, но изображения нет. Обращались жители к соответствующим службам, но результата нет. Объяснили: телевизионный сигнал не проходит.

Таково содержание письма нашего читателя из Иванова Ю. Косухина. Оно было направлено на проверку в исполком Ивановского городского Совета народных депутатов. Зампред Ивановского горисполкома А. Щенников сообщает редакции: письмо Ю. Косухина рассмотрено на заседании горисполкома. Принято решение в ближайшее время «выполнить работы, связанные с установкой дополнительной коллективной антенны по обеспечению устойчивого теле сигнала в жилых домах по улице Нижняя».

КОММЕНТИРУЕТ ПРЕСС-ЦЕНТР МВД СССР

**Ведет рубрику полковник внутренней службы,
кандидат юридических наук Б. МИХАЙЛОВ**

Напряженная обстановка, сложившаяся вследствие обострения межнациональных отношений в ряде регионов страны, сопровождавшаяся массовыми беспорядками, погромами, поджогами, убийствами и увечьями ни в чем не повинных людей, полной или частичной дестабилизацией положения, продиктовала необходимость привлечения к охране общественного порядка частей и подразделений внутренних войск МВД СССР.

За последние более чем два года (начиная с известных событий в Сумгаите, февраль 1988 г.) войска применялись в 13 регионах страны со сложной оперативной обстановкой. По данным Главного управления внутренних войск МВД СССР, по состоянию на конец первого полугодия, военнослужащими задержано за различные преступления и нарушения около 24 тысяч человек, изъято более 4 тысяч единиц огнестрельного оружия, свыше 73 тысяч боеприпасов, около 500 взрывных устройств. По-видимому, нельзя переоценить и большую стабилизирующую роль самого присутствия войск в городах и населенных пунктах.

За этот период личным составом сотни раз применялось оружие. Делалось это только в тех случаях, когда по-другому обеспечить конституционные права, личную безопасность граждан и общественную безопасность не представлялось возможным. Все случаи применения оружия признаны правомерными.

В ходе столкновений с вооруженными экстремистами, защищая людей, воины внутренних войск несли потери. Их обстреливали из всех видов огнестрельного оружия, в них бросали самодельные взрывные устройства и гранаты, бутылки с зажигательной смесью. Их захватывали в качестве заложников, устраивали засады, осыпали градом бульжников, подвергали моральным унижениям. Выполняя свой воинский долг, погибли 10 солдат и сержантов, один курсант, 4 офицера, около 100 военнослужащих получили тяжкие телесные повреждения, более тысячи травмировано. Пропало без вести 4 военнослужащих.

При отражении нападения экстремистов героически погиб подполковник внутренних войск В. Чекмарев. Как установлено, его, получившего тяжелое ранение, можно было спасти, если бы он вовремя был доставлен в госпиталь. Однако дорогу заблокировали груженными самосвалами, а боевые машины, на которых транспортировали раненых, забросали бутылками с зажигательной смесью. В результате в госпиталь раненые были доставлены спустя почти 3 часа.

Как известно, внутренние войска охраняют исправительно-трудовые учреждения, военнослужащие внутренних войск работают непосредственно в них контролерами, выполняют и другие функции.

Подразделения внутренних войск привлекаются для пресечения общественных беспорядков в учреждениях ИТУ. Так было и в горо-

де Челябинске, где летом в следственном изоляторе произошли массовые беспорядки. А события развивались так.

При возвращении с прогулки 9 арестованных напали на контролеров, отобрали ключи от камер и выпустили содержащихся в камерных помещениях заключенных. Несколько сотен человек вышли во двор. Некоторая часть из них пыталась автопогрузчиком протаранить ворота и совершить побег. При попытке к бегству контролерским составом по охране изолятора было применено оружие. Один заключенный убит, двое ранено. Заключенные предъявили требования о смягчении режима содержания в изоляторе, увеличении количества продуктовых передач и свиданий с родственниками, установлении в камерах телевизоров и т. п.

В ходе беспорядков были разгромлены медсанчасть и пищеблок изолятора. В результате переговоров, в которых участвовали представители партийных и советских органов, руководители УВД, УКГБ, прокуратуры, священнослужители, захваченные в качестве заложников контролеры были освобождены. Многие из них были избиты заключенными.

Для пресечения продолжающихся беспорядков на территорию следственного изолятора были введены сводный отряд внутренних войск и отряд милиции особого назначения. В результате их профессионально грамотных и четких действий обстановка была нормализована. Все заключенные водворены в камеры. Из числа военнослужащих и работников милиции никто не пострадал. Прокуратурой возбуждено уголовное дело. Все виновные ответят по закону.

Служба, связанная с выполнением обязанностей по пресечению нарушений общественного порядка массового характера, иных антиобщественных действий, представляющих угрозу жизни граждан, дезорганизующих работу предприятий, организаций и учреждений, потребовала четкой, законодательно закрепленной регламентации прав и обязанностей военнослужащих внутренних войск.

В этих целях был разработан и принят Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 июля 1988 года «Об обязанностях и правах внутренних войск Министерства внутренних дел СССР при охране общественного порядка». Этот документ впервые регламентировал обязанности и права войск, определил порядок применения оружия, закрепил ряд других необходимых моментов и на первом этапе выполнения войсками поставленных задач сыграл положительную роль.

Вместе с тем практика показала некоторые слабые стороны этого документа. В частности, недостаточно четко в нем определялся порядок привлечения войск к выполнению возложенных на них обязанностей по поддержанию общественного порядка; в более ясной регламентации нуждалось обоснование и порядок применения специальных средств. Кроме того, Комитет Верховного Совета СССР по вопросам законодательства, законности и правопорядка пришел к выводу, что такая специфическая сфера деятельности внутренних войск МВД СССР, как участие в охране общественного порядка, должна регламентироваться на более высоком законодательном уровне.

С учетом этого, а также практики действий войск разработан и принят «Закон об обязанностях и правах внутренних войск Министерства внутренних дел СССР при охране общественного порядка», в котором нашли отражение изменения в правовом статусе внутренних войск в связи с выводом их из состава Вооруженных Сил СССР,

четко определено, что руководство войсками осуществляет министр внутренних дел СССР, а непосредственное управление — командующий внутренними войсками. Нашел свое законодательное решение и порядок применения войск как мощных мобильных сил общественной безопасности. В настоящем законе сказано, что решение о привлечении внутренних войск для пресечения антиобщественных действий принимается министром внутренних дел СССР по просьбе Совета Министров соответствующей союзной или автономной республики либо во исполнение Указа Президента СССР. В закон введена новая статья, определяющая порядок использования имеющихся на вооружении войск специальных средств. Уточнен и порядок применения оружия в качестве крайней меры. Предоставлено право личному составу войск в определенных ситуациях применять оружие без предупреждения. Уточнены обстоятельства, запрещающие использование оружия в отношении определенной категории граждан.

Законом предусмотрена возможность наряду с общим порядком призыва в войска должности солдат и сержантов комплектовать на добровольной основе по контракту. В целях скорейшей реализации этой возможности в войсках проводится соответствующий эксперимент. Степень и сроки реализации его будут во многом зависеть от финансовых и материальных возможностей.

Конкретная зарплата «контрактников» пока не определена. Предусматривается такой порядок, чтобы она увеличивалась в зависимости от срока службы и ее качества. На фоне средней зарплаты рабочего в ведущих отраслях — 290 рублей (кооператоров — свыше 400 рублей) с учетом риска, нерегламентированного рабочего дня и т. д. рядовым и сержантам потребуется не менее 400 рублей в месяц, прапорщикам и офицерам — соответственно больше. Об этом свидетельствует и практика других стран.

Следует отметить, что закон об обязанностях и правах внутренних войск носит промежуточный характер. Сейчас ведется работа над более широким и фундаментальным проектом закона о внутренних войсках МВД СССР.

Самое непосредственное отношение к войскам имеет и Закон «О правовом режиме чрезвычайного положения», введенный в действие Постановлением Верховного Совета СССР 3 апреля 1990 года. Он регламентирует их деятельность в условиях чрезвычайного положения. Непосредственно войск касаются две статьи. В частности, в ст. 11 говорится о том, что в исключительных случаях по решению Верховного Совета СССР или Президента СССР для ликвидации последствий чрезвычайных обстоятельств, охраны общественного порядка и обеспечения безопасности граждан наряду с внутренними войсками могут привлекаться воинские части Вооруженных Сил СССР и КГБ. Привлекаемые части руководствуются при выполнении поставленных задач воинскими уставами и законодательством Союза ССР об обязанностях и правах внутренних войск МВД СССР.

В статье 12 закона речь идет о создании совместного оперативного штаба трех ведомств — Министерства обороны, МВД и КГБ СССР и назначении коменданта от одного из них. Оговорено, что комендант издает приказы, регламентирующие вопросы поддержания режима чрезвычайного положения.

Вступление в силу названных законов позволит войскам более уверенно выполнять свои обязанности, особенно в экстремальных ситуациях.

МОЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Уважаемая редакция!

Являясь постоянным читателем вашего журнала, решил поделиться своими размышлениями о человеке и законе. Как лично я понимаю взаимосвязь и взаимоотношения человека с законом.

Возможно, вас заинтересует мое письмо.

Немного о себе: 42 года, рабочий, беспартийный, средне-техническое образование.

НЕ ОТ СОВЕСТИ, НЕ ПО СОВЕСТИ

Житейское правило «Прав тот, у кого больше прав» не отыскать ни в одном из наших законодательных кодексов. Хотя буквально с первых дней Советской власти взаимоотношения между людьми регулировались посредством револьвера, диктатуры должностного лица, определялись служебно-секретными циркулярами и телефонными звонками, решались одним росчерком могущественного пера или одной-единственной, непредсказуемой в своем продолжении последствиями, фразой: «Имеется мнение...». Законы игнорировались, в лучшем случае приобретали субъективное толкование. «Закон что дышло, куда повернул, туда и вышло» — это неписаное правило стало содержанием нашей правовой жизни. Если учесть, что до последнего времени народ «у руля» числился номинально, то нетрудно представить, в каких направлениях раскручивался закон.

Глядя по телевизору, как народные депутаты бьются буквально до потери сознания над каждой буквой и запятой в статьях законов, порой даже не знаешь: то ли смеяться, то ли зарыдать в платочек. Потому что, к сожалению, до сих пор «балом» правит чиновник, государственный служащий, для которого в большинстве случаев закон не указ, не руководство к действию, а лишняя головная боль, потому знать его совсем необязательно и даже вредно. Бороться с ним в тоталитарном государстве практически невозможно. Чересчур зарвавшегося аппаратного работника переводят на другую должность или, на худой конец, отправляют в почетную отставку, то бишь на персональный пенсioen.

Безнаказанность развращает, дурной пример заразителен, что способствует в конечном итоге распространению беззакония и произвола.

Очевидный факт: несмотря на демократизацию общества, почти ничем не ограниченную гласность, перестройка пробуксовывает, законы, принимаемые Верховным Советом, не выполняются, теряются в коридорах и искажаются в кабинетах ведомств, учреждений, контор. Неповоротливо-инерционная в принципе, наша административно-бюрократическая команда в данном случае проявляет изворотливость

и приспособляемость. Это и неудивительно — речь идет о жизни и смерти. Тревожит другое: страдает от амбиций бюрократа в первую очередь и в конечном итоге человек, рядовой Страны Советов.

Справедливости ради следует отметить, что во многих конкретных случаях он, получая абсолютно незаслуженные тумачи-синяки, занимает в обороне неверную позицию: будучи пострадавшей стороной, он обычно рассуждает: «Против власти не поперешь». Судиться-рядиться ему невмогуту — считает себя заведомо обреченным на поражение. Подобное душевное состояние можно квалифицировать как синдром правовой ущербности и неполноценности. Запрограммированность на самоунижение напрямую вытекает из опыта повседневного бытия: еще в совсем недавние времена на взбрыкивающих в свободолобивом норове правдоискателей хором и дружно накидывали смирительную узду тюрем, психлечебниц, в лучшем случае представляли их в качестве склочников, кляузников, закоренелых алкоголиков.

Редко у кого найдется достаточно мужества и настойчивости в заранее тенденциозно-неблагоприятных обстоятельствах отстаивать свое человеческое достоинство, бороться против попрания своих гражданских прав.

Да, административный нажим и пресс, внедренный системой во все поры нашей жизни, подмял под себя человека как личность, деформировал его.

Общезвестны примеры, убедительно и наглядно доказывающие, что до сих пор человек используется в роли «винтика». Пример — антиалкогольная кампания и борьба с нетрудовыми доходами ТРУДЯЩИХСЯ.

Виноградники сметались бульдозерами с лица земли с завидной производительностью труда, беспощадно и подчистую.

Рентабельности спецмедвытрезвителей могли позавидовать лучшие фирмы Запада, очереди в лечебно-трудовые ПРОФИЛАКТОРИИ выстраивались гораздо длиннее, чем в элитарные лечебницы IV управления Минздрава.

До сих пор люди проявляют энергию и настойчивость в организации приступа винных лавок, большую, чем при штурме Зимнего.

Благодаря гласности люди (к сожалению, не все) остро и с огорчением осознали, что наша якобы самая демократичная страна в мире на самом деле является чуть ли не единственной страной, в которой присутствуют рабовладельческие признаки. Правда, они завуалированы, замаскированы, но оттого что раба словесно провозгласить господину, его статус полной зависимости от власти наделенных не изменится. В сущности, человек у нас — заложник административно-командной системы, собственность государства. А так как собственник оказался на деле нерадивым хозяином, то отсюда и вытекли все наши беды и печальные рекорды: низкая продолжительность жизни, аховое состояние здравоохранения, поголовная нищета относительно современного мирового среднего уровня жизни и т. д. А также слабая правозащищенность граждан.

Сейчас мы находимся в начале пути по созданию правового государства. И я надеюсь, что в недалеком будущем право на труд не будет ущемляться грубым самоуправством должностного лица, которому чем-то не угодил или проявил строптивость, право на жилище не будет бесконечно удлиняться вплоть до гробовой доски различными субъективными причинами.

Перед законом все равны — вот к чему мы должны стремиться

на практике. Законы должны быть понятные и доходчивые не только для избранных и специалистов. Ведь до чего дожили: у простого смертного при виде милиционера порой подкашиваются ноги оттого, что в подсознании живет виноватость, даже если чист как стеклышко, все равно в глубине души гложет червоточина: а вдруг опростоволосился где-либо — милиция беспричинно не подойдет. Причем доказывать властям, что ты не верблюд, довольно-таки затруднительно и зачастую без толку. Так что перестройка психологии населения требует определенного и, очевидно, немалого времени.

Заканчивая общие рассуждения о своем правосознании и правовом мироощущении, логично было бы привести примеры, взятые из личного опыта разрешения конфликтных ситуаций. Может быть, некоторым читателям они покажутся незначительными, не требующими к себе пристального внимания, но в ответ можно возразить: все великое складывается из малого, а в гигантомании идей и проектов терялся и обезличивался их творец — Человек.

Любой, даже самый законопослушный гражданин хоть раз в жизни попадает в ситуацию, где он оказывается не только пострадавшей стороной, но и обиженной, причем правота сторон приобретает спорный вариант. В этом случае судьей должен выступить закон и только закон, а не вариации в толковании закона.

К великому сожалению, административные восторг, рвение вносят в реальную жизнь существенные коррективы.

Бескомпромиссные трения и нервные конфликты часто возникают буквально на ровном месте. На дороге с асфальтовым покрытием.

13 октября прошлого года я на личных «Жигулях» выезжал от магазина «Автомобилист» на кольцевую дорогу. Уже собираясь набрать скорость, затылком почувствовал тревогу, а боковым зрением разглядел сотрудника ГАИ, прытко вынырнувшего из-за какой-то засады и бешено отмахивающего жезлом, дабы привлечь мое внимание.

«Ну, — думаю, — очевидно, заднее колесо вот-вот отвалится. Или проше? Подвезти куда надо? Они такие: любят с ветерком. Работа у них такая — малоходячая».

Остановившись и дисциплинированно жду. Подходит и строго по инструкции козыряет. Далее, с той же «инструктированной» улыбкой, очень вежливо сообщает, что я нарушил одно из Правил дорожного движения, пересек при выезде сплошную линию. Глазастый, однако, зорче цейсовского бинокля. Я ему напрямик, без утайки, как на исповеди, отвечаю: «Не пересекал». Он, еще дружелюбнее шурясь, убеждает меня, что ему виднее. Всмотриваясь в его неподкупно честные глаза, вижу в их бездонности свой червонец, который для меня никогда не лишний. И тут я заупрямился: уперся ногой в тормоз — не сдвинуть. Надоело по поводу и без повода выплачивать штрафы. В общем, наотрез я отказался признавать вину, которой не было.

Старший лейтенант составил протокол, конфисковал мои водительские права до лучших времен и с обворожительной улыбкой пожелал мне счастливой дороги.

Отъехав от злополучного поворота с километр, я остановился, чтобы унять нервный озноб — впереди предстояла дальняя дорога, которая не терпит взвинченного состояния духа.

Ганшника понять можно: может быть, у них план горит по числу выявленных нарушителей. Хотя сознаюсь: по каким показателям их работа оценивается, не знаю.

«Взялся за гуж, не говори, что не дюж» — пришлось написать жалобу. Ответная реакция не заставила себя ждать: в недрах Управления госавтоинспекции г. Москвы родился новый документ, над которым, по всей вероятности, поработала рука опытная и искусная. Обычная профилактически-предупредительная остановка превратилась в — цитирую: «нарушение правил дорожного движения, повлекшее за собой создание аварийной обстановки». Штраф, естественно, возрос до двадцати рублей. Как бы в назидание, чтобы впредь ясно представлял, с кем тягаться вздумал.

Каждый водитель знает, что создание аварийной обстановки — это обязательно сломанные ноги и искорканные кузова, но оно предполагает по крайней мере визг тормозов и шальные глаза, то есть всегда присутствуют свидетели инцидента. А в данном случае как раз их-то и нет, да и быть не может, так как представленное событие — вымысел от начала до конца, для чего не требуется богатого воображения — вполне достаточно листа бумаги и бойкого пера, защищающего ведомственные интересы.

Передергивание факта меня заело не на шутку и принудило написать письмо — аж! — самому министру МВД. Читатель, конечно, догадался, что последнее письмо, проштампованное исходящими и нисходящими номерами, благополучно добралось до моих «обидчиков». Азбучная волокита, живучая и неистребимая, как канцелярская пыль.

Моя необычная настойчивость, очевидно, надоела управленцам из ГАИ. Уже в местном владимирском отделе госавтоинспекции меня решили доконать измором: пока не выплачу штраф, водительские права на руки не выдавать.

Дело не в двадцати рублях, дело — в принципе. Черное мы будем принимать за белое до тех пор, пока правовой дальтонизм не уступит свое место справедливой однозначности — закону. Надо мной же конкретно чинили пусть небольшой, но произвол. И что примечательно: кто чинил? Блюстители правопорядка и законности.

Был у меня и еще случай: в абсолютно безопасном для посторонних месте, сдвая назад, вследствие гололеда и глубокой рытвины, машина пошла юзом и слегка ударилась бампером в дерево. Так как автомобиль застрахован, то при обращении в Госстрах требуется предоставление справки, заверенной ГАИ, которая, в свою очередь, незамедлительно и радостно (благо сам приехал) накладывает на меня штраф — на этот случай инструкция имеется. Все автомобильные штрафы целиком идут, предполагаю, на благоустройство дорог. Возникает закономерный вопрос: почему служба, отвечающая за безопасное для эксплуатации состояние автодорог, практически никогда не несет ни моральной, ни материальной ответственности?

Для госавтоинспекции, к примеру, при разборе дорожного происшествия колдобина, замаскированная лужей, как главный источник опасности и непосредственный виновник аварии — слабый оправдательный аргумент. Водитель, по ее твердому убеждению и существующим правилам, должен предвидеть все. А если уклон на повороте наперекор всем нормам дорожного строительства направлен в противоположную сторону и неопытного водителя вместе с автомобилем центробежная сила вышвыривает в лесопосадку исключительно ради увеличения запасов стратегического сырья, то есть металлолома? Тоже шоферское ротозейство и бесшабашный недогляд? По-моему, в Правилах дорожного движения существуют изъяны и

недоработки, над которыми стоит серьезно подумать. Чтобы грехи наши делились по справедливости.

А то можно договориться до того, что в смерти людей, погибших при землетрясении в Армении, виноваты только сами жертвы и никоим образом не причастны к трагедии, в частности, строители. Так же насчет Чернобыля: пеняй на себя — сам, мол, виноват, что проживаешь в особо опасной зоне.

Еще один поучительный случай из личной практики. Как-то на автозаправочной станции в левую переднюю дверцу моих «Жигулей» совершенно безбоязненно, можно сказать, уверенно воткнулся автомобиль прокурора, за рулем которого находилась его жена. Естественно, шум и гам на всю заправочную и бурно-обличительный натиск на мою персону. Свидетелей невпроворот, и все в один голос говорят правду. Мирно, по-джентльменски разойтись жена прокурора воспротивилась и пожелала мне в дорогу управу найти.

По канонам Госстраха страховку должен возмещать виновник ущерба. Но узнав, кто именно проявил бесстрашие и совершил таран, Госстрах выказал свое малодушие и явную беспомощность — с прокуроршей судиться безрезультатно, заведомо бесполезно.

«Незнание закона не освобождает от ответственности» — напоминание гражданину о том, чтобы он впросак не попал. А знание законов дает право их нарушать и произвольно трактовать?

Я не юрист и в тонкостях юриспруденции, конечно, не разбираюсь. В жизни руководствуюсь разумом, здравым смыслом, совестью.

До 1862 года в стране функционировал совестный суд, который разбирал именно гражданские дела. Очевидно, на нем судьбы людей решались по СОВЕСТИ. Мне кажется, что совесть — это тот самый нравственный критерий, который даже у абсолютно разных людей имеет общий знаменатель. Совесть людей объединяет и примиряет, она в человеке воспитывает милосердие и терпимость, в конце концов человеку озвереть не дает. Испокон веков наилучшая хвала человеку — живет по совести, и ничего горше в жизни не было, как услышать вслед презрительную хулу: совсем потерял совесть.

Я уверен: «Тот прав, у кого больше прав» — это не от совести и не по совести. Мои унижительные хождения по инстанциям, бесполезная, в сущности, переписка (только занятых людей отвлекал от насущных злободневных проблем), вся первная канитель были и есть плод-урод механизма административно-командной власти, при которой любой чиновник вынужден надевать на свою совесть намордник.

Иногда я иронизировал над собой: «Ну, почему я не жена прокурора?».

Заканчивая свое повествование на серьезной ноте, приходится с огорчением констатировать: соблюдение прав человека, в частности рядового гражданина страны, нередко оказывается на обочине законности, а иногда, к несчастью, в кювете.

Плюрализм мнений, демократизация общественной жизни активно исправляют допущенные ранее ошибки, искажения и извращения в правовых взаимоотношениях людей. Создание правового государства — дело чести и совести не только законодателей, но и всех без исключения членов общества. Хочется очень верить, что эта благородная и благоразумная цель не окажется очередной отечественной маниловщиной. Осуществится на практике, в жизни. В нашей советской действительности.

ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У ОБВИНИТЕЛЬНОГО УКЛОНА?

Наконец-то свершилось! Нет грубой политизации законодательной и просто политизации правоприменительной деятельности, все следствие — самостоятельная организационная структура, адвокат с реальными правами и обязанностями допущен к подозреваемому и обвиняемому, суд независим и подчиняется только закону, функции прокурора — надзор и ничего более...

Красиво. Настолько красиво, что даже неудобно вторгаться в эту идиллическую картину с таким прозаическим вопросом: а останется ли обвинительный уклон в деятельности следователя, будет ли следователь (я имею в виду непреднамеренные действия, а именно они составляют большую часть) в состоянии исключить этот уклон в своей работе, исключить, то есть избавиться от него раз и навсегда?

Полагаю, что нет. Почему? Попытаюсь объяснить.

Каждый из нас, внимательно взглядевшись в себя, заметит, что профессия наложила на его личные качества отпечаток, который, в свою очередь, влияет на осуществление самой профессиональной деятельности. По мнению психологов, такое явление приводит к двум противоположным последствиям: положительному — совершенствованию психических свойств, необходимых в той или иной работе, и отрицательному — профессиональной деформации, размеры которой зависят от насыщенности профессии факторами, отрицательно воздействующими на психику.

Думаю, никто не будет возражать, что таких факторов в работе следователя больше чем достаточно. Это отсутствие в обществе необходимого убеждения в важности и ответственности выполняемой следователем социальной роли, знаний об особенностях выполнения ее, стремления помочь следователю в осуществлении этой социальной роли. Это постоянные психические перегрузки, переутомление, неритмичность работы, конфликтные ситуации, эмоциональные срывы. Это постоянное восприятие отрицательных свойств людей, с которыми приходится сталкиваться в процессе общения. Это отсутствие условий для работы, а порой и жизненных. Это... много еще таких «это», а что в итоге?

Усиливающаяся самоуверенность, переоценка своего профессионального опыта, использование в работе не всех возможных, а только некоторых приемов, методов, средств, психологическая инерция, дефекты мышления, отставание от всего нового, снижение активности, интереса, развитие пассивного, формального отношения к работе, к принятию решений, неаккуратность, необязательность, кажущаяся бесконтрольность, воспроизведение в своей манере поведения, в своих личных качествах тех черт, которые часто присущи лицам, вступившим в конфликт с законом: грубости, неуважительного отношения к людям, раздражительности и срывов в общении.

Конечно, весь этот набор психических изменений не присущ ни одному из следователей, но в том или ином варианте, в той или

иной степени такие изменения происходят у каждого, достаточно долго проработавшего. И избежать этого невозможно.

Но здесь не сказано еще об одном немаловажном, а точнее, основополагающем факторе: нацеленность всей работы следователя — найти виновного, доказать вину. И эта цель останется, сколько бы закон ни требовал от следователя выявления обстоятельств, оправдывающих обвиняемого.

Что же теперь, выписать индульгенцию следователю? Нет, не нужно, ему это ни к чему. Лучше посмотрите на него как на себя, как на человека, со всеми присущими ему как человеку психическими свойствами.

В процессе работы следователь должен воспринимать и обрабатывать множество данных, и, выполняя эту работу, он бессознательно старается упростить ее, прибегая к помощи стереотипов. Стереотипные же толкования в каждом конкретном случае могут быть и недостаточными, и глубоко неправильными, они препятствуют поискам объяснений поступков подсудимого, особенно если эти поступки не укладываются в общепринятые рамки. Каждый из нас, и следователь не исключение, воспринимая других людей, оценивает их ситуативно, то есть в зависимости от цели общения с ними (напомню: у следователя эта цель — добывание доказательств вины).

Человек устроен так, что, сосредоточившись на одном, он с трудом воспринимает другое, видит, слышит не в полную силу, пропускает важные детали. Главное особенно часто ускользает от внимания в состоянии сильного внутреннего напряжения, а такое состояние у следователя почти ежедневно.

Следователю нельзя испытывать сильный интерес к объекту исследования (в газетах часто звучит: хороший следователь — это следователь-исследователь), ибо он может стать жертвой иллюзий. Но неправильный результат может быть получен и вследствие незаинтересованности. Вряд ли кто-то практически способен найти «золотую середину» между названными полюсами отношения к делу.

И как быть следователю, если он, собрав достаточное количество данных, подтверждающих определенный вывод, в итоге оказавшийся ошибочным, чувствует, будь он хоть трижды исследователь, свою безусловную, именно безусловную, правоту (в психологии это называется «эффект ожидания»)?

Что делать следователю, если спешка, а попробуйте не спешить, когда в производстве находится десяток, пятнадцать, а то и больше уголовных дел, заставляет его останавливаться на том, что лежит на поверхности? Не спешить? Но законом отпущен двухмесячный срок, и все. А пока следователь в цейтноте, он спешит, он использует стереотипы. Лимит времени не позволяет следователю самому, непосредственно, близко и достаточно долго знать подсудимого: возникает «эффект ореола». У следователя, в силу специфики работы, этот эффект, как правило, со знаком «минус», а от человека, создавшего о себе отрицательное впечатление, мы постоянно ждем подвоха, глядя на него недоверчиво и приписываем ему грехи, которых он не совершал.

Работа следователя — это работа с людьми, со свидетелями. Я не буду вести речь о тех, чья позиция определяется фразой: «Ничего не видел, стоял задом». Хотя их много. Есть и другие, но ведь и они такие разные.

Кто-то не спешит раскрыть себя в глазах окружающих или даже сознательно искажает свой истинный облик. Одни запоминают все сразу, с большими подробностями, и в состоянии воспроизвести запомнившееся. Другие запоминают не столько подробности, сколько суть дела. Третьи быстро воспринимают факты, но относятся к событию эмоционально, по-своему интерпретируя его вплоть до бессознательной лжи, носящей характер творческого акта.

Некоторые факты могут стереться в памяти людей в результате психологического шока, вызванного преступлением. Ошибка в восприятии у свидетелей, потерпевших может быть тем больше, чем более значимо для них то или иное событие, ибо сознание человека часто стремится принять желаемое за действительное.

Информация мужчин о числе участников событий более точна, чем такая же информация, полученная от женщин, но женщины запоминают больше подробностей и дают более точные, чем мужчины, ответы на вопросы о внешности людей, цвете, форме вещей и транспортных средств. В то же время женщины, дети, особенно школьники, более подвержены постороннему внушению.

И как тут следователю самому и в работе с людьми обойтись без постоянной помощи психолога, так как, только познав психологические особенности отдельного человека, можно определить, как он воспринял ту или иную ситуацию и — что еще существеннее — как он действовал. Но такой постоянной помощи психолога у следователя нет. Вряд ли в ближайшие десятилетия будет, а если и будет (еще один штрих к той радужной картине, которая была нарисована в начале этих размышлений), то она, повысив качество расследования преступлений, не изменит цели следствия.

Пусть каждый выполняет свою работу: следователь ищет доказательства вины, адвокат — доказательства невиновности, и уже в стадии предварительного следствия они состязаются между собой, суд на «весах Фемиды» определяет, чьи доказательства более значимы, а прокурорский надзор пусть находится НАД этим процессом, а не внутри его, и следит за точным и неуклонным исполнением законов всеми участниками процесса. Пусть это будет законченная система, нацеленная только на одно — законное и обоснованное решение, и чтобы звенья этой системы выполняли свои, строго определенные и не перемешанные между собой функции. Чтобы она — эта система — не походила на пальто, которое рекламировалось в одном из «Домов одежды» таким образом: «Пальто может быть столь уникального покроя, что его принадлежность к спортивной или другой категории решает головной убор».

А. ПЕРЕВАЛОВ,
работник прокуратуры

УЛЬЯНОВСКАЯ ОБЛАСТЬ,
г. ДИМИТРОВГРАД

СОВЕТСКИЙ СУД ПРИСЯЖНЫХ

О суде присяжных мечтали А. Н. Радищев и лидеры декабристского движения, А. И. Герцен и революционеры-разночинцы. Потребовались долгие годы борьбы за суд присяжных, который в России ввели в ходе судебной реформы 1864 года. Просуществовал он немногим более полувека и как институт царской судебной системы

был упразднен декретом о суде № 1, принятом СНК РСФСР 24 ноября 1917 года. И хотя В. И. Ленин в суде присяжных видел одну из главных форм участия народа в судопроизводстве, неоднократно защищал его от нападок реакционеров, первое в мире пролетарское государство начисто отказалось от идеи и возможности использования такого суда. Поэтому-то в процессе кодификации советского законодательства, которая проводилась в 1922—1923 гг., вопрос о создании суда присяжных ни теоретически, ни тем более практически и не возникал. А когда накануне кодификации 1958—1961 гг. появились предложения о его создании в СССР, их не поддержали и в жизнь не воплотили. И еще тридцать с лишним лет понадобилось для того, чтобы Верховный Совет СССР провозгласил: «В порядке, установленном законодательством союзных республик, по делам о преступлениях, за совершение которых законом предусмотрена смертная казнь либо лишение свободы на срок свыше десяти лет, вопрос о виновности подсудимого может решаться судом присяжных (расширенной коллегией народных заседателей)» (ч. 1 ст. 11 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о судостроительстве). Хотя в проекте Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о судостроительстве опять же и упоминания не было о суде присяжных. (В таком виде проект и был представлен на рассмотрение второй сессии Верховного Совета СССР.)

Все эти детали мы воспроизвели для того, чтобы показать нелегкий, трудный путь создания советского суда присяжных. К тому же с сожалением добавим, что в течение этих долгих лет ученые-юристы все свое внимание сконцентрировали лишь на том, нужен ли нам суд присяжных вообще, оставляя без должной проработки вопросы о статусе этого суда, его численном составе, подсудности, компетенции и т. д. В результате случилось так, что законодательное решение вопроса о суде присяжных на второй сессии Верховного Совета СССР в ноябре 1989 года теоретически не было обеспечено и идею об этом суде Верховный Совет закрепил в довольно общей форме.

Ведь если внимательно прочитать часть 1 статьи 11 Основ о судостроительстве, нельзя не заметить здесь противоречивости изложения, незавершенности мысли, да и попросту вещей необъяснимых. В самом деле, трудно понять, почему законодатель говорит о суде присяжных, а в скобках как бы на всякий случай уточняет: расширенная коллегия народных заседателей, то есть ставит знак равенства между ними. А между тем не каждая расширенная коллегия народных заседателей тождественна суду присяжных. Последний действует как самостоятельный орган правосудия, как отдельная коллегия наряду с профессиональным судьей или судьями, в то время как расширенная коллегия народных заседателей образует единое целое вместе с профессиональным судьей, совместно с которым решает все вопросы факта и права, постановляет по делу приговор или решение. Присяжные же, как прямо сказано в законе, могут решать лишь вопрос о виновности подсудимого. Зачем же законодателю понадобилось так неоднозначно определить статус суда присяжных, имея в виду, что названный суд и расширенная коллегия народных заседателей якобы одно и то же? На этот счет можно выдвигать и обосновывать различные гипотезы, но вряд ли таким путем мы приблизимся к истине.

О неспродуманности и противоречивости формулировки «суд присяжных (расширенная коллегия народных заседателей)» свидетель-

стует и то, что по буквальному смыслу части 1 статьи 11 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о судостроительстве присяжные рассматривают только и исключительно перечисленные в ней категории уголовных дел. В то время как расширенной коллегии народных заседателей могут быть подсудны не только уголовные, но и гражданские дела.

Или другой пример. Статья 11 Основ устанавливает, что присяжные заседатели могут решать вопрос о виновности подсудимого по делам о преступлениях, за совершение которых законом предусмотрена смертная казнь или лишение свободы на срок свыше десяти лет. Но в таком случае правомерен вопрос: а почему присяжным не подсудны дела о преступлениях несовершеннолетних, которым по закону может быть назначено лишение свободы 10 лет? Да и вообще, можно ли отказать в рассмотрении судом присяжных дел о преступлениях лиц, которым по закону может быть назначено наказание в виде лишения свободы на 8, 9, 10 лет? На наш взгляд, нет, тем более несовершеннолетним. Ведь Конституция СССР, конституции союзных республик гарантируют гражданам право на судебную защиту. А важнейшая гарантия последнего — рассмотрение дела судом присяжных.

Но как бы там ни было, а благодаря народным депутатам СССР суд присяжных получил в нашей стране «вид на жительство». И это, несомненно, важный шаг на пути судебной реформы. Теперь же необходимо в законодательном порядке ликвидировать те «противоречия», «неточности», о которых шла речь, поскольку все эти положения относятся не к сфере так называемого схоластического теоретизирования, а в полном смысле слова врываются в живую судебную практику, затрагивают охрану жизненных ценностей и благ человека, личности. Необходимо также урегулировать и такие вопросы, как субъекты, порядок и условия формирования коллегии суда присяжных заседателей для рассмотрения конкретного уголовного дела, пределы заявления и порядок разрешения отводов, заявленных присяжным, кто руководит их деятельностью, и особенно в совещательной комнате, какое решение они постановляют, простым или квалифицированным большинством его принимают, в каком акте отражаются и отражаются ли вообще итоги голосования присяжных при вынесении приговора, имеют ли они право на особое мнение, каким процессуально-правовым значением обладает решение суда присяжных по делу, может ли оно быть опротестовано, обжаловано и т. д. При решении всех этих вопросов решающее значение приобретает полное и четкое представление о том, каким надлежит быть советскому суду присяжных заседателей как новому органу правосудия, видение его с точки зрения науки и практики. Иными словами, имеются в виду стремление и необходимость выработать пусть и не идеальную, но все же приближенную к жизни правового государства модель советского суда присяжных. Некоторые существенные стороны его модели мы попытаемся осветить, не претендуя на всестороннее изложение столь многоплановой научно-практической проблемы.

Итак, в связи с принятием 13 ноября 1989 года Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о судостроительстве в советской судебной системе просматриваются следующие различные по составу и компетенции судебные звенья: суды, рассматривающие дела в составе судьи и расширенной коллегии народных заседателей; суд присяжных заседателей.

Каждый из названных составов суда должен быть различен в численном отношении, о чем следует четко сказать в законе. В связи с этим необходимо в законодательном порядке решить две группы вопросов. Во-первых, статью 154 Конституции СССР и соответствующие статьи конституций союзных республик дополнить положениями о том, что, с одной стороны, наиболее сложные гражданские и уголовные дела могут рассматриваться расширенной коллегией народных заседателей, а с другой — предусмотренные законом категории уголовных дел рассматривают суды присяжных заседателей. Во-вторых, в общесоюзном и республиканском законодательстве установить, что расширенная коллегия состоит, например, из 8 народных, а суд присяжных — из 12 заседателей.

Теперь о статусе присяжных заседателей. Они составляют самостоятельное звено советской судебной системы и призваны при рассмотрении уголовных дел ответить на вопрос о виновности подсудимого. Решение его присяжные осуществляют самостоятельно, без участия профессиональных судей.

По своему статусу присяжные заседатели и народные заседатели — это принципиально различные структуры судебной системы, которые недопустимо отождествлять. У тех и других различны подсудность и компетенция. Словом, речь идет о двух корпусах заседателей: присяжных и народных. Данное обстоятельство налагает свой отпечаток на порядок и условия их выдвижения, избрания и призыва для исполнения долга, формирования, на численный и персональный состав, на требования, соответственно предъявляемые к кандидатам в присяжные и народные заседатели, и т. п.

Поэтому регламентации всего комплекса организационно-правовых вопросов, связанных с формированием судов присяжных, необходимо посвятить отдельные разделы законов о судостроительстве союзных республик. Наряду с проверенными жизнью требованиями, предъявляемыми к кандидатам в народные заседатели, в отношении присяжных целесообразно установить дополнительные. В частности, решить вопрос о более высоком возрасте присяжных. Скажем, чтобы они были не моложе 35 лет, так как им предстоит принимать решение о виновности подсудимого по самым сложным категориям уголовных дел.

Для того чтобы исключить какое бы то ни было профессиональное влияние и тем более давление на присяжных заседателей, хорошо бы запретить выдвижение и избрание в состав присяжных заседателей лиц, имеющих юридическое образование. Суды присяжных заседателей следует избирать для каждого звена судебной системы Союза ССР и судебной системы союзных республик, то есть для Верховного суда СССР, военных трибуналов, Верховных судов союзных и автономных республик, краевых, областных, городских и районных народных судов.

В каждом из перечисленных звеньев судебных систем надо создать совет присяжных заседателей, который осуществлял бы руководство ими, повышение уровня правовых знаний и т. п. К компетенции названных советов следует отнести также приглашение присяжных заседателей к выполнению судейских обязанностей, формирование коллегии присяжных для рассмотрения конкретного уголовного дела. Кроме того, в законе целесообразно предусмотреть срок, на который призываются присяжные заседатели. Скажем, раз в год, но не более чем на один месяц, кроме случаев, когда для рассмотрения дела требуется более продолжительное время. Отвод при-

сяжным заседателям может быть заявлен только мотивированный и должен рассматриваться и разрешаться присяжными заседателями в полном составе.

А теперь о ряде важных, на наш взгляд, процессуально-правовых вопросов, относящихся к компетенции суда присяжных. В части 1 статьи 11 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о судостроительстве она очерчена так: присяжные решают вопрос о виновности подсудимого. Подобная регламентация не согласуется со статьей 160 Конституции СССР, в силу которой суд одновременно решает вопросы о виновности и наказании; положительно либо отрицательно. Исключения из этого правила для суда присяжных конституционное законодательство пока не установило, хотя думать над решением возникшего вопроса надо, учитывая специфику деятельности суда присяжных в СССР.

В связи с этим хочется сказать, что решение судом присяжных вопроса о виновности подсудимого нельзя свести к трафаретным формулировкам типа «да, виновен» или «нет, не виновен».

Думается, что положительное решение вопроса о виновности подсудимого не должно исчерпывать компетенцию присяжных заседателей. В определенных законом пределах им необходимо предоставить право высказывать свое мнение также о наказании виновного в совершении преступления. Вот один из вариантов возможного решения: «Да, виновен. Подлежит наказанию и не заслуживает его смягчения». Либо: «Да, виновен,—приходят к выводу присяжные,—но подлежит наказанию с учетом обстоятельств, смягчающих ответственность». Или такой вариант: «Да, виновен в совершении преступления, однако в силу амнистии, истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности подлежит освобождению от отбывания наказания».

Иначе говоря, как орган правосудия суд присяжных следует наделить правом решать вопрос как о виновности, так и о возможности наказания либо освобождения от него подсудимого по предусмотренным законом основаниям. В этом мы видим специфику компетенции советского суда присяжных, которую следует отразить в конституционном и текущем законодательстве.

Нельзя пройти и мимо того, кто призван осуществлять руководство заседанием суда присяжных, решающих вопрос о виновности подсудимого по конкретному уголовному делу. Представляется целесообразным, чтобы коллегия присяжных заседателей из своего состава избирала декана, старшину либо президента, на которого закон возлагал бы осуществление руководства заседателями, составление процессуальных документов, вердикта — решения и вручение их профессиональному судье, который постановит приговор. Необходимо предусмотреть, что решение или вердикт присяжные заседатели принимают, скажем, не менее чем двумя третями участвующих в разбирательстве уголовного дела. Никто из присяжных заседателей не вправе отказаться от участия в принятии решения (вердикта). Оставшиеся в меньшинстве присяжные вправе изложить свое особое мнение, которое приобщается к вердикту.

Очевидно, нельзя исключить и то, что при вынесении вердикта присяжные могут столкнуться и с рядом нестандартных ситуаций. Например, необходимо возобновления судебного заседания с целью дополнительного исследования определенных обстоятельств или доказательств по делу, вызвавших у них сомнения. Не риторическим является и вопрос о том, обязаны ли присяжные постановить

лишь обвинительный либо оправдательный вердикт, или могут приять и иные решения, скажем, о направлении дела на дополнительное расследование, об оправдании подсудимого по одним предъявленным ему обвинениям и признании виновным в совершении других преступлений, изменении квалификации деяния на менее тяжкую и т. п. Представляется, что решение перечисленных и иных вопросов должно входить в компетенцию суда присяжных, о чем необходимо сказать в будущем уголовно-процессуальном законодательстве союзных республик.

Касаясь различных аспектов названия и формы решения присяжных заседателей, просто невозможно не сказать о его содержании. Что имеется в виду, когда речь идет об этих атрибутах и качестве решения присяжных? Следует ли предъявляемые к нему требования зафиксировать в законе? Готовых решений на этот счет нет и быть не может, но попытаться найти их непременно надо.

Известно, что законодательство цивилизованных стран не требует от присяжных заседателей или их жюри выносить такие вердикты, в которых каждый вывод и решение были бы мотивированными, обоснованными. По этой причине всегда вердикты присяжных рассматривали как безотчетные решения, обоснованность и справедливость которых невозможно проверить. Хотелось бы, чтобы советский законодатель не прошел мимо данного обстоятельства и учел его при разработке и регламентации требований, предъявляемых к решению суда присяжных по вопросу виновности подсудимого. Думается, что здесь можно выработать более рациональный вариант регламентации, чем те, которые известны практике и праву других государств.

Представляется, что вердикт или другое решение присяжных о виновности подсудимого не должно подлежать опротестованию либо обжалованию. Оно является основанием для постановления обвинительного или оправдательного приговора. В вынесении его присяжные заседатели не вправе участвовать. Приговор постановляют профессиональный судья или судьи, участвовавшие в рассмотрении дела.

Е. МАРТЫНЧИК,
доктор юридических наук

ПРЕСТУПНОСТЬ:

ОРГАНИЗАТОРЫ И ИСПОЛНИТЕЛИ

А. ГУРОВ,
начальник Управления по борьбе с организованной
преступностью МВД СССР

КРИМИНАЛЬНЫЙ БИЗНЕС

Если задаться вопросом, на какие средства живут профессиональные преступники, то скорее всего ответ будет таким: на средства, добытые противоправным путем. Это — первое, что придет в голову любому человеку. И здесь нет ошибки. Однако подобные предположения — всего лишь один из срезов проблемы.

А если серьезно, то безбедное существование профессиональных преступников — а именно так они и живут — связано с целым рядом крайне негативных социальных явлений: коррупцией, взяточничеством, протекционизмом, барско-нисходительным отношением к людям, не входящим в «элитарно-паразитический» круг. Существование на средства, добываемые преступным путем, создает теневую экономику с миллиардными оборотами, извращает правовое сознание значительной части населения, в том числе и работников правоохранительных органов. Как это ни парадоксально, хищение в наши дни одной сотни рублей (даже одной-двух тысяч рублей) уже не вызывает общественного резонанса среди населения. И не случайно сотни тысяч ежегодно совершаемых мелких хищений, которые в 50-е годы расценивались как преступления, воспринимаются сегодня как безобидные проступки. В 50-е годы кража велосипеда считалась серьезным преступлением. В наше время работники милиции отказывают по таким делам возбуждать уголовное дело.

При изучении уголовных дел, прошедших в Мосгорсуде с 1946 по 1959 год, установлено, что самый большой материальный ущерб от краж составил 3 тысячи рублей (на «новые» деньги — 300 рублей). Между тем в 80-е годы из Государственного банка Армении было похищено 1,5 млн. рублей. Отсюда вывод: существование преступников за счет криминальной деятельности в 50-е годы было затруднено, а если оно и имело место, то отличалось достаточной скромностью — ничего общего с нынешним размахом. Без преувеличения можно сказать, что материальный ущерб, причиненный преступной деятельностью в 80-е годы, достиг такого уровня, о котором в 50-е даже страшно было подумать. Например, только в хлопковом производстве нескольких областей Узбекской ССР преступниками было похищено 40 млн. рублей, а возвращено государству лишь 7. Для сравнения скажем, что в конце 50-х годов, по статистике органов внутренних дел, материальный ущерб от всех видов хищения составлял в среднем по республике 1—1,5 млн. (100—150 тыс.) рублей.

По другим видам преступлений материальный ущерб исчисляется еще большими суммами. Так, у спекулянтов, по данным ученых, денежный оборот в течение года составляет 1,5 млрд. рублей.

Отсюда следует, что преступник, совершив одно преступление, может обеспечить себя суммой денег, равной не только месячному окладу рабочего или служащего, но нередко и годовой их зарплате.

«ДОХОДЫ» ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРЕСТУПНИКОВ

Бесспорно установлено, что многие категории преступников живут только на доходы, получаемые от преступлений. Причем они не просто существуют, а ведут престижный, респектабельный образ жизни, их материальная обеспеченность значительно превышает обеспеченность трудящегося человека. По данным исследования, карманный вор в среднем ежемесячно имеет от краж 500 рублей дохода, а в летние месяцы в городах-курортах — несколько тысяч рублей.

Например, средний преступный доход от одной квартирной кражи превышает тысячу рублей, а совершенной квалифицированным способом — две тысячи. От одного карточного мошенничества он достигает 500—700 рублей. Мошенники, занимающиеся «ломкой» чеков, имеют в день полторы тысячи рублей, игрой в «наперсток» — до нескольких тысяч в неделю. Что касается обогащения посредством краж, скупки и перепродажи культурных ценностей, автомашин, похищений людей с целью получения выкупа, то здесь каждое преступление связано с десятками тысяч рублей. Средняя сумма выкупа, устанавливаемая похитителями детей, колеблется от 15 до 100 тысяч рублей.

Таким образом, реальное использование преступной деятельности в качестве источника средств существования подтверждается различными по характеру данными. Между тем непонимание этого привело к перегибам в организации и тактике борьбы с лицами, живущими на нетрудовые доходы. Не секрет, что объектом воздействия правоохранительных органов долгое время были и мелкие спекулянты, и люди, честным трудом зарабатывающие небольшие суммы к своей зарплате. Профессиональные преступники ворочают суммами, не идущими с их доходами ни в какое сравнение. Именно наличием крупных сумм определяется авторитет современного лидера уголовной среды. В процессе исследования были выявлены, в частности, факты своеобразного накопительства денег и ценностей профессиональными преступниками. Отдельные действия преступников вообще выходят за рамки понятия противоправного дохода, поскольку связаны с организацией нелегального производства и даже постройкой крупных хозяйственных объектов.

«СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЕ КАССЫ» ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРЕСТУПНИКОВ

За последние 15 лет в крупных городах страны и во многих ИТУ получила развитие профессиональная взаимопомощь преступников, имеющая довольно сложную систему сбора, хранения и использования денежных средств. Такая взаимопомощь осуществляется на основе создания общих денежных фондов, получивших название «общаковых касс». В отличие от прежних лет в последнее время кассы стали формироваться не только в исправительно-трудовых колониях, но и в условиях свободы.

С какой же целью создаются такие кассы? Они предназначены для обеспечения лидеров уголовной среды и лиц из их ближайшего

окружения, содержащихся в местах лишения свободы, под следствием и в республиканских больницах. С помощью таких касс оказывается помощь семьям профессиональных преступников вплоть до назначения стабильных сумм, выплачиваемых в виде пенсий. Например, семья известного уголовному розыску вора после его смерти получала ежемесячно переводы по 300 рублей. Необходимые средства выделяются также для подкупа должностных лиц, развития подпольного «цехового» производства, занятия ростовщичеством. Известны случаи, когда уголовно-воровскими кассами пользовались даже расхитители.

Существует три разновидности общих денежных касс преступников.

Кассы, создаваемые из паевых взносов членов организованных сообществ преступников, занимающихся частнопредпринимательской деятельностью. В зависимости от размеров пая каждый из членов кассы получает в дальнейшем и соответствующую прибыль. В этих целях устанавливается стоимость одного процента «дела», выбирается кассир, который ведет делопроизводство. Деньги хранятся в оборудованных тайниках и систематически проверяются членами группы по документам (ревизуются).

Общие денежные кассы, создаваемые в местах лишения свободы. Их назначение несколько примитивнее, чем у расхитителей, — ставки и расходы в азартных играх, приобретение наркотиков, дефицитных продуктов питания, поддержание престижа лидера и его окружения. Такие кассы пополняются за счет поборов осужденных. По рекомендации лидирующих осужденных («зоновская семья»), куда входят авторитетные воры («хорошие парни», «бродяги», «паханы» и «подпаханники»), в каждом отряде ИТК назначается от двух до пяти осужденных, ответственных за сбор материальных средств, а также старший, который отвечает перед «ворами в законе» за состояние кассы в отряде (на тюремном жаргоне он называется «шрифтом» отряда). Основной его обязанностью является сбор с осужденных денег, чая, продуктов питания, предметов ширпотреба и т. п. Каждый осужденный должен вносить в общую кассу 1 рубль с пяти рублей, на которые он приобретает вещи и продукты в магазине, отчислять 20 процентов от суммы получаемого перевода или карточного выигрыша.

Такие кассы пополняются добровольными вкладами членов неформальных группировок отрицательной направленности, сбором налога от азартных игр. В данном случае с каждого кона («стука») игры в очко осужденные отчисляют 1 рубль. За одну ночь, таким образом, в кассу поступает от 200 до 300 рублей.

Определенные суммы поступают из общей воровской кассы, находящейся вне мест лишения свободы. Значительны отчисления и от нелегального производства. Так, из женской ИТК города Тбилиси заведующий цехом по изготовлению телогреек при плане их выработки на 100 тысяч рублей 30 процентов отчислял в воровскую кассу.

Конечно, суммы общих касс в местах лишения свободы относительно небольшие по сравнению с теми, которые существуют «на воле», — от 1 до 60 тысяч рублей.

К третьему, самому значительному виду денежных касс уголовных элементов относятся те, которые существуют в условиях свободы. Они образуются сложным путем. К основным источникам их формирования можно отнести:

добровольные вклады различных категорий профессиональных преступников, преимущественно карманных и квартирных воров, мошенников, сбытчиков наркотиков, лиц, совершающих разбои и вымогательства;

взимание данн с лиц, живущих на нетрудовые доходы, чаще расхитителей социалистического имущества. В 1979 году в Кисловодске на специальной сходке профессиональных преступников представители делового мира расхитителей («цеховики») согласились централизованно выплачивать по 10 процентов от суммы получаемых доходов взамен гарантированной безопасности. Там же были определены даты поступления денег и их сборщики;

поборы с лиц, деятельность которых может быть связана с противоправными действиями с целью извлечения нетрудовых доходов. В настоящее время насчитывается около 20 категорий таких лиц. К ним относятся: врачи, занимающиеся частной практикой; директора ресторанов; заведующие барами, кафе; спекулянты; работники вторсырья и другие;

отчисления за различного рода услуги: юридическую помощь, обеспечение информацией, разрешение конфликтов, споров и т. п.

По данным органов внутренних дел, деньги в общие кассы поступают из многих городов страны. Фонд касс колеблется от 50 тысяч до миллиона рублей.

За сохранность общих касс в условиях свободы отвечают до восьми — десяти человек, пользующихся наибольшим доверием (на жаргоне эта группа называется «сообщаковая братва»). Держатели воровских касс тщательно законспирированы («сидят в ямах»), имеют «право» выносить смертный приговор тем, кто допустил грубое нарушение «финансовой дисциплины», например, за сокрытие и присвоение денег, предназначенных для воровских касс, а также за отказ внести денежные средства.

Несколько слов о хранении общих денежных фондов. В ИТК они обычно находятся у одного из осужденных, который отвечает за них под страхом смерти. В условиях свободы деньги нередко хранятся у лиц, занимающих определенное положение в обществе, а главное, имеющих легальные формы дохода (певец, музыкант). У каждого члена «сообщаковой братвы» на связи несколько таких «хранителей». Они кладут определенные суммы денег в сберегательные кассы на предъявителя. Сберегательные книжки остаются у них, а талон передается преступнику. Вот почему обнаружить подобные кассы бывает крайне трудно.

КАССЫ ВЗАИМОПОМОЩИ ПРЕСТУПНИКОВ

Помимо описанных выше касс, существует еще одна форма концентрации денежных средств — кассы взаимопомощи, которые используются для оказания разовой помощи преступникам, нуждающимся в деньгах. При получении денег обычно назначается срок уплаты или погашения задолженности. Деньги из такого рода касс используются также на различные организационные мероприятия — устройство сходок, встречи лидеров уголовной среды и организацию их досуга.

Все это свидетельствует о том, что преступная деятельность как источник средств существования перерастает в форму нетрудового обогащения, которое можно назвать преступным бизнесом, выходящим далеко за рамки традиционных уголовно-воровских отноше-

ний. Профессионально-преступная помощь получает развитие не только у приведенных выше категорий преступников. Она все больше проникает в группы организованного типа, сформировавшиеся для совершения уголовных преступлений. При изучении в 1984 году этого вопроса на территории Московской области были выявлены единичные группы, имевшие общие денежные кассы. Но уже через два года при повторном исследовании они были обнаружены в каждом третьем разоблаченном сообществе.

КАТЕГОРИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРЕСТУПНИКОВ

Для того чтобы лучше познать современную преступность «изнутри», определить ее качественные тенденции, необходимо изучить уголовно-профессиональную среду через существующую в ней субкультуру. Иными словами, так называемую «вторую жизнь», особенности которой не поддаются статистическому анализу и оттого порой уходят из нашего поля зрения. Субкультура — это неотъемлемый компонент устойчивого противоправного поведения, зависящий от ряда обстоятельств. Чем, например, сильнее, строже режим содержания в местах лишения свободы, тем ярче выражена субкультура. Та же картина и в условиях свободы: чем жестче формы социального контроля и оперативнее работают правоохранительные органы, тем более гибкой становится субкультура профессиональных преступников. Она включает в себя неформальные нормы поведения, устанавки, особый язык (жаргон), манеры, песни, татуировки, свойственное ей отношение к закону и т. п.

Современная уголовная среда представлена шестью основными нормами неформального поведения — категориями преступников. Пять из них составляют ее «профессиональное ядро». Это «воры в законе», «авторитеты», «дельцы», «каталы», «шестерки». К непрофессиональным относятся «мужики», «пацаны», «обнаженные» и «опущенные». Рассмотрим каждую категорию в отдельности.

«Воры в законе» — это лица (как и в 50-е годы), как правило, неоднократно судимые, глубоко усвоившие криминальную субкультуру и получившие такое звание на специальной воровской сходке. Они считаются «идейными» преступниками. Абсолютное их большинство судимо за корыстные, корыстно-насильственные преступления и сбыт наркотических веществ. Средний срок отбытого наказания в местах лишения свободы достигает 13—15 лет.

Как и раньше, вступление в сообщество ограничено и связано с соблюдением ряда формальностей. Основные требования к кандидатам следующие: преданность воровской «идее»; обладание организаторскими способностями и преступным опытом; знание воровских «законов»; отсутствие «компрометирующих» данных (служба в армии, работа в ДНД, членство в ВЛКСМ, государственные награды); наличие авторитета среди профессиональных преступников, письменные или устные рекомендации от них. Однако по неформальным нормам поведения нынешние «воры в законе» существенно отличаются от группировок рецидивистов 50-х годов. По выражению одного рецидивиста, «то, что когда-то считалось неполноценным, сегодня, напротив, возведено, то, что презиралось, ныне возвышено».

Психология воров, особенно нового их поколения, претерпела существенные изменения, а вместе с тем модифицировались и сами «законы». При изучении личности 73 дел «воров в законе» оказалось, что 11 из них не имели судимости. Столь грубое отступление

от воровских традиций было связано с тем, что прием осуществлялся за деньги. Подобные случаи вступления в сообщество «за взятку» стали распространенными и способствовали разделению преступников на «новых» и «старых». Новое поколение считает допустимым такой прием, с помощью которого идет пополнение денежных фондов.

Современные «воры в законе» в отличие от воров 50-х годов стремятся тщательно маскировать свой антиобщественный образ жизни под внешне законопослушный. Изменилось и само понятие преступника данного типа. Во-первых, сам он уже не совершает преступлений, а делает это с помощью других лиц («пехоты»). Во-вторых, его деятельность связана преимущественно с решением организационных вопросов, нередко таких, за которые в 50-е годы сходка приговаривала к смерти. В частности, «вор в законе» стремится устанавливать контакты с работниками правоохранительных органов и иных административных учреждений, он может отступать от любых неформальных норм, лишь бы это шло на пользу ему и его окружению. В-третьих, он отходит даже от занятия кражами. Только четвертая часть изученных «воров в законе» имела косвенное отношение к тайному похищению чужого имущества. Остальная масса занималась организацией рэкета, азартных игр и преступлений, связанных с наркоманией. Таким образом, можно сделать вывод, что понятие «вор в законе» трансформировалось из прошлых десятилетий и приобрело совершенно иную, причем более социально опасную, криминальную окраску.

Тем не менее сегодня различают две категории «воров в законе»: лиц, жестко придерживающихся старых воровских традиций (они получили название «папанских воров»), и преступников, модифицирующих старые положения блатного «закона», устанавливающих новые неформальные нормы поведения применительно к изменившимся социальным условиям. Между ними ведется борьба, в основе которой стоит непримлемость «старыми» новых воровских установок. Они обвиняют новое поколение «законников» во лжи, корысти, называют их «сторожами» расхитителей и пытаются подорвать их авторитет в среде уголовных элементов. «Новые» стремятся путем подкупа и угроз привлечь на свою сторону наиболее авторитетных представителей старой группировки, а нередко уничтожают их физически.

В целом для данной категории профессиональных преступников типичны следующие принципиальные неформальные нормы поведения: пропаганда преступного образа жизни, воровской «морали», «этики», «справедливости», активное расширение своего окружения путем вовлечения молодежи, усвоившей воровские традиции и обычаи; поддержание тесной связи с лидерами других организованных сообществ, оказание на них влияния, определение «воровской тактики» и формулирование новых неформальных норм поведения; организация общих денежных фондов и их пополнение; выявление расхитителей, мошенников, спекулянтов и иных лиц, живущих на нетрудовые доходы, с целью установления контроля за ними; оказание материальной помощи осужденным ворами, их семьям и другим лицам из их окружения; принятие коллективных решений о проведении воровских сходок.

Повестка сходки определяется в отличие от 50-х годов не одним вором, а группой («общаковой братвой»). Обсуждаемые вопросы предварительно ворами не сообщаются, интересоваться ими не принято и считается подозрительным.

Воровская сходка — это форма коллективного решения наиболее важных вопросов «воровской жизни». Таких, например, как определение источников пополнения денежных фондов, ликвидация лиц, предавших интересы сообщества, разрешение каких-либо противоречий, возникающих в среде преступников, изменение форм и методов противоправной деятельности. Места сходок определяются заранее, для чего используются любые благоприятные легальные условия — свадьбы, крестины, именины и даже похороны. В условиях лишения свободы сходки нередко организуются в областных, межреспубликанских и республиканских больницах для лечения осужденных.

Кроме того, практикуется ведение контрразведывательной работы в отношении действий сотрудников уголовного розыска, что нередко достигается с помощью коррумпированных связей, внедрения своих людей в подразделения органов внутренних дел, распространения ложных слухов, дезинформирующих главарей соперничающих группировок, обеспечение безопасности лидеров уголовной среды.

Предусмотрена и такая деятельность, как осуществление судебных функций по разрешению возникающих среди преступников конфликтов, рассмотрению совершенных ими проступков и нарушений норм воровской «морали», определение мер наказания виновным.

В исправительно-трудовых учреждениях эти особо опасные лидеры, помимо названных выше неформальных установок, придерживаются некоторых особенных норм поведения, обусловленных спецификой условий нахождения осужденных в изоляции. В частности, они должны общаться только с лицами себе подобными либо приближенными к воровской касте; все недозволенное делать через посредников, для чего иметь так называемую «пристяжь» (своего рода слуг). Ее составляют лица, выполняющие за вора черновую работу, отдельные поручения («шестерки»), берущие его вину на себя («громоотводы»), выполняющие карательные функции («быки», «солдаты»); иметь нелегальный канал связи с внешним миром («дорогу»), по которому осуществляется доставка запрещенных предметов, денег и продуктов питания; руководить группировкой отрицательной направленности, которая по их заданию распространяет ложные слухи в отношении осужденных, вставших на путь исправления, «обрабатывает» вновь прибывших в зону; занимать наиболее удобные, лучшие места в общежитиях, камерах (около окон, в углах, на первых ярусах коек, нар), столовых, банях, клубах и т. п., что делается в ущерб другим осужденным; тактически уметь подрывать и провоцировать авторитет администрации и актива осужденных, используя допущенные ими ошибки и просчеты; изыскивать возможность получить престижную, легкую работу (бригадир, нарядчик, парикмахер, банщик), не участвовать в ремонте и строительстве инженерно-охранных сооружений, выполнять нормы выработки за счет других осужденных; активно выявлять среди работников ИТК и военнослужащих конвойной охраны лиц, с которыми можно вступить в противоправные контакты; носить по возможности форму неустановленного образца, иметь широкий ассортимент предметов туалета.

«Авторитеты» — это профессиональные преступники, занимающие определенное положение в уголовной среде, пользующиеся в силу разных причин и обстоятельств признанным авторитетом. Такие лица есть среди карманных и квартирных воров, мошенников, расхиателей социалистического имущества, скупщиков и сбытчиков антиквариата и других преступников.

Эта категория дифференцируется на две группы.

Первую условно можно отнести к «ворам в законе». Из них рекрутируется воровское сообщество. В зависимости от особенностей преступной деятельности и местных условий «авторитеты» получили разные жаргонные обозначения: «фрайера», «kozyрные фрайера», «блатные», «своакн» и т. п.

Вторая группа преступников является независимой в силу своих материальных возможностей. Она имеет окружение, личную охрану, консультантов. Чаще всего в роли «авторитетов» выступают крупные шулеры и вымогатели, с которыми «воры в законе» вынуждены считаться и идти на определенные компромиссы.

В целом анализируемая категория преступников придерживается правил повседнеия, характерных для «воров в законе», но в отличие от них не может созывать воровские сходки, организовывать общие денежные фонды в местах лишения свободы или распоряжаться средствами созданных «касс»; участвовать в воровских сходках с правом решающего голоса, принимать решения, относящиеся к компетенции «воров в законе»; осуществлять судебские функции, за исключением разрешения конфликтов, возникших в своем окружении.

Отдельных лиц из числа этой категории преступников «воры в законе» называют ответственным за определенный участок противоправной деятельности. Но может быть выдвинуто и другое лицо, которое сразу же занимает положение «авторитета» зоны. В отдельных случаях ему выдается документ («мандат»), подтверждающий полномочия. Более того, если в ИТК того или иного региона нет «воров в законе», то «смотрителя зоны» назначают преступники, находящиеся на свободе.

«Дельцы», или «цеховики». К ним относятся лица, совершающие преступления в сфере экономики. В числе «дельцов» — спекулянты, должностные преступники, расхитители, валютчики, «цеховики» — лица, занимающиеся частнопредпринимательской деятельностью, создавшие цеха по выпуску неучтенной продукции.

Это очень многочисленная и разветвленная в масштабе страны группа профессиональных преступников, имеющая свои структурные образования и связи, «мораль», неформальные предписания и санкции. Причем многие атрибуты их субкультуры, как наиболее оптимальные для современных условий, были трансформированы в традиционную уголовную среду и ею приняты. В частности, создание денежных фондов в условиях свободы и третьей ступени судов.

В 70-е годы, используя организационные недостатки в экономическом механизме нашего государства, эта категория преступников значительно активизировала свою деятельность. Характерно то обстоятельство, что их первоначальная, глубоко законспирированная деятельность стала постепенно принимать легальные формы. «Бизнесмены» действовали прежде скрытно, и постепенно подпольная торговля дефицитом, основанная на строжайшей тайне, нагеля, выползла наружу.

Своеобразной иллюстрацией этому служит «моральный кодекс расхитителя», постулаты которого ярко свидетельствуют о существовании опасной субкультуры данной категории преступников. Есть в этом «кодексе» и такое правило: веди неприметный «лестный» образ жизни — будет тебе почег, уважение, премии, грамоты. Для тебя это не имеет никакого значения — из них штаны не сошьешь, но очень важно для маскировки. Помни всегда и везде: круговая порука и выручка — основной закон жизни и призвания торговцев.

Комментарии здесь излишни.

«Каталы» — профессиональные преступники, занимающиеся азартными играми. Данная разновидность возникла на основе преступной деятельности и субкультуры шулеров. Она весьма широко распространила свое влияние после того, как в ее среду влились известные «воры в законе», внесшие свои идейные доктрины и прежде всего сбор материальных средств, с помощью которых осуществляются желаемые связи с коммерсантами — «дельцами», «цеховиками», морально неустойчивыми работниками милиции и прокуратуры.

В середине 70-х годов среда «катал» разрасталась за счет «переквалификации» многих правонарушителей, избравших своей новой «профессией» азартные игры, в том числе мошеннические. В настоящее время вокруг «игроков» формируются своеобразные объединения уголовных элементов, чему способствуют специальные игорные притоны — так называемые «катраны». Места для устройства азартных игр технически оснащены и глубоко законспирированы. У «катал» существуют многие виды азартных игр и различные правила, регулирующие порядок уплаты долга, размер пени за просроченный долг.

«Шестерки» — категория преступников, стоящая на низшей ступени иерархии, занимающая как бы рядовое положение среди описанных выше «авторитетов». В некоторых регионах их жаргонное обозначение другое. Например, в Якутии они называются «чичаками» («чичак» в переводе означает «птичка»). Преступная деятельность «шестерок» связана с непосредственным совершением преступлений, выполнением поручений лидеров уголовной среды. Они могут выступать в роли наводчиков, сбытчиков похищенного, посредников, связников, сборщиков денежных средств и т. п. В условиях свободы «шестерки» нередко возглавляют преступные группы, имеют свое окружение, но при этом находятся в строгом подчинении уголовному «авторитету». В местах лишения свободы они составляют окружение лидеров, их прислугу.

Кроме перечисленных категорий профессиональных преступников, есть и непрофессиональные. Это особая категория осужденных, отбывающих срок наказания в местах лишения свободы. К ним относятся «мужики» и «пацаны» (молодежь, переведенная из ВТК) — осужденные, занимающие обособленное положение по отношению к другим неформальным объединениям осужденных. По своему составу и положению они неоднородны. Многие из них, особенно осужденные за хозяйственные преступления, вступают в актив ИТК, хорошо работают, лояльно относятся к администрации и правилам внутреннего распорядка, имеют намерение условно-досрочно освободиться (что недопустимо среди «авторитетов», по крайней мере во внешнем проявлении).

Вместе с тем некоторая их часть, обычно молодежь («пацаны»), осужденная за разбой, грабежи и кражи, стремится примкнуть к «ворам в законе». Там, где влияние последних ощутимо, они придерживаются определенных воровских норм поведения. Причем в ИТК республик Средней Азии и в Грузии «законников», по мнению самих преступников, поддерживают от 80 до 100 процентов осужденных, в РСФСР в колониях строгого и особого режимов — 50 процентов, усиленного режима — еще меньше.

Для поддерживающих «воров в законе» типичны следующие особенности поведения: стремление быть независимым, одобрение и выполнение общих неформальных норм, сложившихся в среде осуж-

денных; обращение с жалобами к «ворам в законе» в случае ущемления их прав со стороны членов других группировок; уклонение от уборки мест общего пользования; стремление иметь запрещенные предметы.

Для получения льгот они проникают в актив осужденных и живут по принципу «себе на уме».

Среди «мужиков», содержащихся в колониях строгого, особого режима и тюрьмах, в последнее время выделяется особая разновидность осужденных, именующих себя «бандитами». Действуют они и в условиях свободы. Их основная цель — противостоять, мстить «ворам в законе» и их пособникам. В отличие от основной массы «мужиков» эта категория представляет собой организованную часть осужденных, имеет своих лидеров, общую кассу. Они выявляют «законников», стремятся их скомпрометировать, в том числе посредством провокаций. В колониях, где авторитет «бандитов» высок, они совершают над «ворами» акты мужеложства («опускают»), после чего последние теряют авторитет даже среди своего окружения.

«Обиженные», или «опущенные» — это осужденные, которые отвергнуты всеми другими. Данная категория формируется в процессе противоречий, возникающих между осужденными в СИЗО, ВТК, ИТК и тюрьмах из числа лиц, подвергнутых насильственному гомосексуализму, осужденных за пассивный гомосексуализм, развратные действия в отношении малолетних детей, изнасилование несовершеннолетних. Характерно, что эти лица крайне отрицательно относятся к «ворам» и их пособникам. Но между ними как в местах лишения свободы, так и вне их отсутствует устойчивая связь (они не объединяются в группировки, не живут так называемыми «семьями»). После освобождения из ИТК часть их пополняет ряды бродяг.

СИСТЕМА КРИМИНАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Один из элементов субкультуры профессиональных преступников — осуществление постоянной связи между ними и способы передачи информации. Система эта совершенствовалась многими поколениями профессионалов. Ее основной способ — зашифрованная информация, передаваемая через связника, что чаще всего наблюдается в местах лишения свободы. Сведения шифруются цифрами на бумаге, материи либо в печатных изданиях (книгах, журналах) и обязательно подписываются составителем. У каждого «вора в законе» есть своя подпись, которая заранее известна адресату. Обычно это первые буквы имени и клички автора письма. Такая переписка называется в уголовной среде «ксивами», или «малаявами». Если письма носят характер «инструкции», то их подписывает группа лиц, от имени которых они составлены.

Такие письма являются своего рода охранными грамотами. Связника, предъявившего письмо, никто не имеет права обидеть, притеснить. Наоборот, все уголовники обязаны оказывать ему содействие.

Информированность профессиональных преступников и способы передачи тех или иных сведений характеризуются исключительной оперативностью (быстротой). При переводе осужденного из одной колонии в другую, не зная заранее, куда именно и куда его направляют, преступники через одну-две недели узнают, где он находится.

Блатные санкции — одно из условий субкультуры профессиональных преступников. Цель — поддержание дисциплины и обеспечение

безопасности. Для этого вводятся клятвы, устанавливаются санкции за допускаемые нарушения уголовно-воровских норм: избиения, штрафы, лишение жизни, угрозы.

В последнее время на смену физическим мерам воздействия все чаще стали приходиться меры материального характера. Особенно к ним тяготеют спекулянты, расхитители, карточные мошенники, бытчики культурных ценностей. Штраф может назначаться за опоздание на деловую встречу (стоимость одной минуты колеблется от 25 до 100 рублей), за обман, непроверенные сведения, невыполнение обязательств и т. п. Сумма штрафа определяется в зависимости от тяжести совершенного проступка. Например, в Узбекской ССР «вор в законе» М. Аннакурбанов, освободившись из мест лишения свободы, самовольно взял из общей кассы 40 тысяч рублей, на которые купил автомашину и дом. После проведенного разбора «сообщаковая братва» обязала его вернуть деньги и уплатить штраф в размере 60 тысяч рублей.

Чтобы не допускать перерастания конфликтов в открытую борьбу, которая может привлечь внимание работников правоохранительных органов, а также для восстановления «справедливости» профессиональные преступники имеют третейские суды. В роли судей выступают, как правило, «воры в законе» (у расхитителей — свои судьи). А при возникновении конфликта между двумя группировками из разных городов участвуют лица из третьего города. Что касается многочисленных споров, постоянно возникающих между преступниками, то они решаются на так называемых «разборах» и «правилках», где также присутствует представительное лицо. От «суда» такие формы отличаются упрощенным порядком разрешения незначительных конфликтов. Однако именно здесь чаще всего возникают вооруженные столкновения.

ЖАРГОН ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРЕСТУПНИКОВ

Уголовный жаргон как самостоятельная часть субкультуры существует давно и постоянно совершенствуется. Криминальный жаргон современных преступников включает около 10 тысяч слов и выражений. У карманных воров насчитывается более 400 специальных терминов, отражающих специфику их преступной деятельности, у карточных мошенников — 200, у воров антиквариата — около 100, у распространителей наркотических веществ — также около 100. Существует свой профессиональный жаргон у фарцовщиков, мошенников, «ломщиков» и «наперсточников». Сформировался жаргон и у спекулянтов, валютчиков, расхитителей и иных групп преступников.

Поскольку жаргон преступников не что иное, как профессиональная лексика, он играет не только коммуникативную, но и техническую роль в преступной деятельности. Особенность современного профессионального жаргона — его региональные диалекты, а также быстрое пополнение новыми жаргонизмами.

Татуировки — визитная карточка преступника. Наличие у человека татуировок уголовно-воровского содержания, как и владение жаргоном, характеризует его внутренний мир, отношение к занятию, к тем или иным моральным ценностям. Татуировки уголовного характера свидетельствуют либо о принадлежности лица к определенной категории преступников (карманный, квартирный вор, паркоман, «вор в законе»), либо о тяготении к ней.

Современные наиболее опытные профессиональные преступники

стремятся не татуироваться и уничтожить старые рисунки, что вполне объяснимо в условиях усиления социального контроля. Татуировки преступников можно разделить на два вида — старые и новые. Первые характерны для рецидивистов, начавших совершать преступления в 30—50-е годы и поэтому хорошо знающих их символику. Новые рисунки связаны с изменением структуры уголовной среды, ее психологии и большей частью несут в себе сюжеты, «работающие» на элементарное восприятие. Однако при этом не исключается и символизирующее значение татуировок. Причем часть рисунков прошлого по-прежнему хорошо известна и современным преступникам, что лишней раз убеждает в преемственности уголовных традиций. Например, «паук в паутине» означает наркомана, «гладнатор» — хулигана, «крест» — карманного вора и т. д. Таким образом, татуировки представляют не только криминологический интерес в аспекте познания субкультуры, но и в прикладном плане.

Кличка — второе имя. Клички преступников, с одной стороны, несут на себе печать традиционности, а с другой — выполняют чисто конспиративную функцию, так как многие профессионалы знают друг друга только по прозвищам. Уголовные клички имеет подавляющее большинство рецидивистов и лиц, длительное время занимающихся преступной деятельностью, поэтому они существуют почти у всех карманных и квартирных воров, шулеров, сбытчиков наркотиков и других профессиональных преступников. Кличка — обязательный атрибут участника организованной группы. Особенностью блатных кличек является их постоянство. Даже если преступник сменит фамилию и перейдет на нелегальное положение, для сообщников он по-прежнему останется Япончиком или Бухариком.

Другая особенность клички заключается в отражении фамилии, физических или психологических черт и свойств ее носителя. Если, например, Кудрявый — ищи, наоборот, лысого, если Шлеп-нога — хромого, если Комар — то фамилию Комаров.

Правда, есть и исключения. К ним прибегают авторитеты преступного мира, дабы кличкой привлечь к себе внимание. Так, один из преступников имел кличку Патриарх разбойников, другой присвоил себе прозвище Япончик, что, очевидно, должно было ассоциироваться с известным в 20-е годы бандитом-анархистом Мишкой-Япончиком.

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВСЕОБУЧ:

ОПЫТ. ПРОБЛЕМЫ

НОВОЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

ПЕНСИИ ВОЕННЫМ

Продолжаем комментировать принятые на третьей сессии Верховного Совета СССР пенсионные законы. Этот выпуск ведет военный юрист — капитан юстиции Сергей Петрович ТАРАСОВ. Сегодня речь пойдет о Законе СССР «О пенсионном обеспечении военнослужащих».

28 апреля 1990 года Верховный Совет СССР принял Закон о пенсионном обеспечении военнослужащих, который во многом изменил условия, нормы и порядок пенсионного обеспечения офицеров, прапорщиков, сверхсрочнослужащих и т. д. Конечно же, в рамках одной статьи невозможно подробно прокомментировать все основные статьи нового Закона. Но в данном случае подробные консультации просто необходимы. Поэтому сегодня я более детально остановлюсь на первых двух разделах закона, которые называются «Общие положения» и «Пенсии за выслугу лет». Комментарии к остальным разделам, а также ответы на ваши вопросы будут даны в следующих номерах журнала.

Итак, новый закон никаких изменений в виды пенсионного обеспечения военнослужащих не внес. Они остались прежними: за выслугу лет, по инвалидности, по случаю потери кормильца. Причем два последних вида пенсий назначаются и выплачиваются независимо от продолжительности прохождения военной службы.

Новым по подходу является пункт «г» части 1 статьи 3 закона, который установил, что наравне с военнослужащими срочной службы право на пенсию имеют и военнообязанные, призванные на учебные, специальные или поверочные сборы, а также их семьи. Выигрышной по сравнению с предшествующими нормами выглядит часть 2 статьи 4 закона, в которой говорится о пенсионном обеспечении женщин, принятых в добровольном порядке на действительную военную службу на должности солдат, матросов, сержантов и старшин, а также членов их семей.

В пенсиях за выслугу лет в качестве положительной новинки можно отметить изменения в условиях их назначения и повышение размера самих пенсий. Так, по ныне действующему Положению о пенсионном обеспечении лиц офицерского состава, прапорщиков, мичманов, военнослужащих сверхсрочной службы и их семей, утвержденному постановлением Совета Министров СССР от 10 ноября 1982 года № 986, право на пенсию за выслугу лет предоставляется военнослужащим, имеющим выслугу 25 и более лет. Это основное условие. Далее в Положении перечислены условия назначе-

ния этого вида пенсий военнослужащим, имеющим выслугу от 20 до 25 лет и уволенным с действительной военной службы. В этот перечень входят и возраст военнослужащего, и причины увольнения, и некоторые другие условия. Как видим, схема довольно громоздкая.

Теперь же по новому закону право на пенсию за выслугу лет будут иметь лица офицерского состава, прапорщики, мичманы и военнослужащие сверхсрочной службы, имеющие на день увольнения со службы выслугу на военной службе 20 и более лет (статья 13 закона). То есть основной критерий назначения пенсии за выслугу лет в новом законе снижен на 5 лет и определен 20 годами. Но здесь возникает вопрос, а не станет ли названная продолжительность военной службы основанием для увольнения в запас? Ведь до настоящего времени военнослужащие, имеющие выслугу от 20 до 25 лет, увольнялись с действительной военной службы лишь по возрасту, болезни, сокращению штатов или ограниченному состоянию здоровья. Но будем надеяться, что этого не случится, так как до сегодняшнего дня каких-либо изменений ни в Закон СССР «О всеобщей воинской обязанности», ни в соответствующее Положение о прохождении военной службы не внесено. Однако восполнить этот пробел, конечно же, необходимо. В противном случае возможен печальный известный ведомственный подход.

Но вернемся к условиям назначения пенсий за выслугу лет. В пункте «б» статьи 13 закона предусмотрены условия назначения данного вида пенсий лицам офицерского состава, уволенным со службы по возрасту, болезни, сокращению штатов или ограниченному состоянию здоровья. Их три: достижение на день увольнения 50-летнего возраста и наличие общего трудового стажа 25 календарных лет и более, из которых не менее 12 лет и 6 месяцев составляет военная служба.

Теперь перейдем к рассмотрению вопроса о **размере пенсий**. Положением о пенсионном обеспечении 1982 года установлены следующие размеры пенсий. Военнослужащим, не достигшим 50-летнего возраста и имеющим выслугу лет от 20 до 25 лет, — 30 процентов окладов денежного содержания, а достигшим этого возраста — 40 процентов. Военнослужащим, имеющим выслугу 25 лет, пенсия исчисляется в размере 50 процентов окладов. За каждый год выслуги сверх 25 лет — 3 процента окладов, но всего не более 75 процентов окладов денежного содержания. Лицам офицерского состава, имеющим выслугу 25 лет и уволенным в запас по возрасту или болезни, достигшим на день увольнения 55 лет, либо уволенным в отставку, пенсия за выслугу назначается в размере 60 процентов окладов и за каждый год выслуги сверх 25 лет — 3 процента окладов, но всего не более 75 процентов.

Теперь статья 14 нового закона устанавливает более простую систему размеров пенсий данного вида. Так, офицерам, прапорщикам, мичманам и военнослужащим сверхсрочной службы, имеющим на день увольнения со службы 20 лет выслуги, предоставлено право на пенсию в размере 40 процентов сумм денежного довольствия, а уволенным в отставку по возрасту или болезни — 45 процентов соответствующих сумм. За каждый год выслуги сверх 20 лет им прибавляется к пенсии 3 процента соответствующих сумм денежного довольствия, но всего не более 75 процентов этих сумм. Таким образом, оказались сняты возрастные ограничения, и в результате, например, за 25 лет выслуги будет начисляться пенсия в размере не

50 процентов, как сейчас, а 55, то есть на 5 процентов выше. Реальное же повышение размеров пенсии названными 5 процентами не ограничивается и вот почему.

Если в Положении 1982 года размер пенсии устанавливался в процентном отношении к окладам денежного содержания (Положение относит сюда оклад по занимаемой должности и воинскому званию), то в законе речь идет о процентном отношении к суммам денежного довольствия. И чтобы не было разночтений, в части 3 статьи 46 закона закреплено, что при исчислении пенсий офицерам, прапорщикам, мичманам и военнослужащим сверхсрочной службы учитываются соответственно оклады по должности, воинскому или специальному званию и процентная надбавка за выслугу лет (непрерывную работу).

Все эти новеллы — и включение процентной надбавки за выслугу лет в суммы исчисления пенсий, и введение возможности начисления пенсий за выслугу лет начиная с 20 лет — обусловили действительное увеличение пенсии среднестатистическому офицеру на 40—50 процентов. Хотя 3 июля 1990 года министр обороны СССР и отметил, что увеличение пенсионного обеспечения военнослужащих составило 15—20 процентов. Думается, что в дальнейшем те или иные неточности в методике подсчета пенсий будут устранены Советом Министров СССР. Тем более что постановлением Верховного Совета СССР от 28 апреля 1990 года ему поручено обеспечить при исчислении пенсий единство в определении денежного довольствия различных категорий военнослужащих.

Изменены размеры пенсий и тем военнослужащим, у которых выслуга лет менее 20 лет. Так, по Положению о пенсионном обеспечении пенсии им назначаются в размере 30 процентов окладов денежного содержания при условии, что они имеют общий трудовой стаж не менее 25 календарных лет, из которых не менее 12 с половиной лет составляет действительная военная служба. В том случае если их общий трудовой стаж не менее 30 календарных лет, из которых не менее 15 составляет действительная военная служба, размер пенсии составляет 40 процентов оклада денежного содержания. Новый закон (пункт «б» статьи 14) определил, что названным категориям лиц, имеющим общий трудовой стаж 25 календарных лет и более, из которых не менее 12 лет 6 месяцев составляет военная служба, пенсии назначаются в следующих размерах: за общий трудовой стаж 25 лет — 40 процентов и за каждый год стажа сверх 25 лет — 1 процент соответствующих сумм денежного довольствия. Как мы видим, и здесь увеличивается размер пенсии.

Как и Положение, новый Закон предусматривает, что пенсии за выслугу лет не могут быть ниже минимального размера пенсии по возрасту — 70 рублей в месяц. Здесь мне бы хотелось сделать небольшое отступление и пояснить нашим читателям, почему именно 70 рублей. В соответствии со статьей 20 Закона СССР «О пенсионном обеспечении граждан в СССР» минимальный размер пенсии по возрасту установлен в размере 100 процентов минимальной заработной платы, установленной законодательством Союза ССР. А ее размер в настоящий момент равен 70 рублям в месяц. У читателей может возникнуть закономерный вопрос. Предположим, через 2—3 года, например в 1994 году, законодательством Союза будет установлено, что минимальная зарплата в стране составит 140 рублей в месяц. Понятно, что военному (да и гражданскому человеку), уходящему на пенсию в 1994 году, в этом случае минимальная пен-

сия будет назначена уже в размере 140 рублей в месяц. А вот повысят ли 70-рублевые пенсии тем пенсионерам, которые уходили на заслуженный отдых в 1990 году? Ответ можно найти в статье 54 Закона о пенсионном обеспечении граждан в СССР и статье 49 Закона о пенсионном обеспечении военнослужащих. В законе, в частности, говорится, что минимальные размеры пенсий, назначаемых военнослужащим и их семьям, надбавки к этим пенсиям, определяемые исходя из минимальной заработной платы, а также предельные размеры заработка, учитываемого для исчисления пенсий военнослужащим срочной службы и их семьям, повышаются с увеличением минимальной заработной платы. При этом повышение производится с 1 июля, если увеличение минимальной заработной платы произведено до 1 июля, и с 1 января следующего года, если повышение минимальной заработной платы произведено с 1 июля или позднее.

А теперь вернемся к пенсиям за выслугу лет.

В соответствии со статьей 16 закона пенсии за выслугу лет, исчисленные в размере менее 200 рублей в месяц, повышаются на 20 рублей в месяц. Но при этом пенсия с повышением не должна превышать 200 рублей в месяц. (Сравните: в Положении предусмотрено, что на 20 рублей повышается пенсия, исчисленная в размере менее 120 рублей).

Вполне правомерно статьей 17 закона предусмотрено увеличение пенсий инвалидам и участникам войны. В части I этой статьи установлено, что офицерам, прапорщикам, мичманам и сверхсрочным служащим — инвалидам войны пенсия за выслугу лет повышается на сумму минимального размера пенсии, предусмотренного для инвалидов войны из числа солдат и матросов срочной службы по соответствующей группе инвалидности. Следовательно, в соответствии со статьей 24 закона инвалидам войны I и II групп пенсии за выслугу лет повышаются на 105 рублей, а инвалидам III группы — на 52 рубля 50 копеек.

В части 2 статьи 17 установлено, что этим категориям военнослужащих, проходившим службу в составе действующей армии, партизанских отрядах и соединениях либо принимавшим участие в боевых действиях при выполнении интернационального долга, если они не являются инвалидами войны, пенсии за выслугу лет повышаются на 25 процентов минимального размера пенсии по возрасту, то есть на 17 рублей 50 копеек.

К пенсиям за выслугу лет устанавливаются два вида надбавок.

Первый вид начисляется неработающим пенсионерам, имеющим на своем иждивении нетрудоспособных членов семьи, относящихся к кругу лиц, обеспечиваемых пенсией по случаю потери кормильца. Эта надбавка выплачивается на каждого нетрудоспособного члена семьи в размере социальной пенсии, установленной Законом СССР «О пенсионном обеспечении граждан в СССР» для соответствующей категории нетрудоспособных. При этом надбавка начисляется только на тех членов семьи, которые не получают трудовой или социальной пенсии. При наличии одновременно права на социальную пенсию и надбавку на нетрудоспособного члена семьи к пенсии за выслугу лет, по выбору пенсионера, члену семьи может быть назначена социальная пенсия либо начислена на этого члена семьи надбавка.

На второй вид надбавок имеют право пенсионеры — инвалиды I группы (кроме тех, кто имеет право на повышение пенсий, пред-

усмотренное частью 1 статьи 17 закона), а также одинокие пенсионеры, достигшие 80-летнего возраста. Эта надбавка начисляется на уход за ними в размере 50 процентов минимального размера пенсии по возрасту — 35 рублей в месяц (пункт «б» части 1 статьи 18). Обе эти надбавки могут начисляться одновременно.

С принятием нового закона при исчислении пенсий военнослужащим появились существенные изменения в сторону наибольшего удовлетворения их материального обеспечения. Как уже отмечалось, согласно статье 46 закона для исчисления пенсий учитываются соответствующие оклады по должности, воинскому званию и процентная надбавка за выслугу лет. Статья 50 закона предусматривает, что пенсионерам из числа лиц офицерского состава, прапорщиков, мичманов и военнослужащих сверхсрочной службы и членам их семей, проживающим в районах, где к заработной плате рабочих и служащих установлены районные коэффициенты, на период проживания в этих районах пенсии, назначаемые в соответствии с настоящим законом (в том числе в минимальных размерах), исчисляются с применением соответствующего районного коэффициента, установленного в данном районе для рабочих и служащих непромышленных отраслей, но не более коэффициента 1,5.

Значительным новшеством в законе является статья 66, предусматривающая повышение пенсии в связи с изменением индекса стоимости жизни и роста заработной платы не менее чем на 2 процента заработка (денежного довольствия), из которого исчисляется пенсия. Кроме того, положительный резонанс среди военных пенсионеров и военнослужащих вызвала статья 56 закона, ликвидировавшая так называемый «потолок» в заработке пенсионера. Пункт 76 ныне действующего Положения о пенсионном обеспечении содержит требование о снижении размера выплачиваемой пенсии, превышающей вместе с заработком соответствующую сумму. С 1 января 1991 года пенсии, назначаемые военнослужащим, будут выплачиваться полностью, независимо от наличия у пенсионера заработка или другого дохода.

И последний момент, на который мне хотелось бы обратить ваше внимание. Комментируемый закон вводится в действие с 1 января 1991 года, а в части пенсий для инвалидов войны, других участников войны и семей погибших военнослужащих — с 1 октября 1990 года.

В соответствии с пунктом 6 постановления Верховного Совета СССР о порядке введения в действие Закона СССР «О пенсионном обеспечении военнослужащих» от 28 апреля 1990 года Совету Министров СССР поручено принять в двухмесячный срок необходимые нормативные акты по применению названного закона по вопросам, отнесенным законом к компетенции правительства СССР. Будут ли они в полной мере соответствовать закону, это предмет нашего следующего разговора.

КООПЕРАТОРАМ НА ЗАМЕТКУ

6 июня 1990 года Верховным Советом СССР принят Закон СССР «О внесении изменений и дополнений в Закон СССР «О кооперации в СССР». Редакция обратилась к кандидату юридических наук Вячеславу Федоровичу ПРОЗОРОВУ с просьбой прокомментировать основные положения нового Закона.

Изменения и дополнения, внесенные третьей сессией Верховного Совета СССР в Закон СССР «О кооперации в СССР», призваны усовершенствовать порядок создания, деятельности и прекращения кооперативов. В статье 11 названного Закона, изложенной в новой редакции, уже нет фразы о том, что «создание кооператива не обуславливается каким-либо специальным разрешением советских, хозяйственных и иных органов». Теперь кооператив регистрируется исполнительным комитетом местного Совета народных депутатов на основании заключения депутатской комиссии соответствующего Совета. Для государственной регистрации кооператива, с момента осуществления которой кооператив считается созданным, в исполнительный комитет местного Совета народных депутатов кооперативом должны быть представлены устав и другие документы, перечень которых определяется Советами Министров союзных и автономных республик.

В государственной регистрации может быть отказано в связи с нарушением установленного порядка создания кооператива, при несоответствии его устава требованиям законодательства, а также если в уставе кооператива в сфере производства и услуг не предусмотрена ответственность членов кооператива по долгам кооператива. Отказ в регистрации кооператива по мотивам нецелесообразности не допускается.

За государственную регистрацию кооператива с него взимается плата в порядке и размерах, устанавливаемых законодательством союзных республик. Полученные средства зачисляются исполнительным комитетом местного Совета народных депутатов в бюджет района или города по месту регистрации кооператива.

Некоторое осложнение процедуры создания кооператива уравновешено демократизацией порядка обжалования отказа в регистрации. Если государственная регистрация не проведена в течение 30 дней с момента подачи заявления и необходимых документов либо в ней отказано, заявитель может обратиться с жалобой в суд. Из ведения исполнительных комитетов вышестоящих Советов народных депутатов, Советов Министров автономных республик, Советов Министров союзных республик, не имеющих областного деления, рассмотрение таких жалоб изъято.

Государственной регистрации подлежат кооперативы (филиалы, отделения), создаваемые после 1 октября 1990 года. Если действующие кооперативы будут вносить в свои уставы изменения и дополнения, то они подлежат согласованию с исполнительным комитетом местного Совета народных депутатов, зарегистрировавшим кооператив, в порядке и сроки, установленные для государственной регистрации кооперативов.

В Законе установлены новые и конкретизированы действовавшие основания прекращения деятельности кооператива. Теперь, кроме ликвидации кооператива по решению его общего собрания, деятельность кооператива может быть прекращена также по решению исполнительного комитета местного Совета народных депутатов, зарегистрировавшего кооператив, в следующих случаях:

а) когда кооператив в течение одного года с момента регистрации не приступил к производственно-хозяйственной деятельности или не возобновил фактически прекращенную деятельность по истечении одного года после подачи последней декларации о доходах;

б) при длительной, более шести месяцев, неплатежеспособности кооператива (в этом случае банк вправе поставить вопрос перед исполнительным комитетом местного Совета народных депутатов о ликвидации кооператива, с обеспечением в установленном порядке имущественных интересов всех кредиторов);

в) когда, несмотря на вынесенное исполнительным комитетом местного Совета народных депутатов, зарегистрировавшим кооператив, предупреждение, кооператив неоднократно или грубо нарушает законодательство, регулирующее деятельность кооперативов, финансовую дисциплину, установленный порядок осуществления внешне-торговых операций или устав данного кооператива.

Решение исполнительного комитета местного Совета народных депутатов о прекращении деятельности кооператива может быть обжаловано в суд в течение месячного срока со дня его вручения кооперативу. Решение о прекращении деятельности кооператива вступает в силу по истечении указанного срока, если оно не будет обжаловано в суд. Обжалование решения исполнительного комитета в суд приостанавливает исполнение этого решения. В случае если суд отклонит жалобу и тем самым признает решение исполнительного комитета правомерным, то это решение вступит в силу после вступления в законную силу решения суда.

Общедозволенная формула Закона, согласно которой кооператив вправе заниматься любыми видами деятельности, за исключением запрещенных, осталась без изменений. Но установление запретов для кооперативов на те или иные виды деятельности исключено из компетенции Совета Министров СССР. Их может устанавливать только Верховный Совет СССР. Следует иметь в виду, что правительственные решения, изданные ранее по вопросам, которые теперь отнесены к исключительной компетенции Верховного Совета СССР, будут действовать впредь до принятия соответствующих законодательных актов. Пока Верховный Совет СССР не примет соответствующего закона, будет действовать постановление Совета Министров СССР от 29 декабря 1988 года о регулировании отдельных видов деятельности кооперативов в соответствии с Законом СССР «О кооперации в СССР», определившим, в частности, перечень видов деятельности, которыми кооперативы не вправе заниматься.

Запрет на некоторые виды деятельности для кооперативов появился и в самом Законе о кооперации. Поскольку кооператив может организоваться и действовать как на самостоятельных началах, так и при государственных предпрятиях, организациях, учреждениях, запрещено осуществление кооперативами функций органов государственного управления, контроля и надзора, а также дознания, следствия и правосудия.

Установлено, что отдельными видами деятельности, определяемыми законодательством Союза ССР, союзных и автономных республик, кооперативы вправе заниматься только на основании лицензий, порядок выдачи которых устанавливается Советом Министров СССР, Правительству поручено определить такие виды деятельности, а также порядок выдачи лицензий.

Если кооперативы, созданные до 1 октября 1990 года, осуществляют деятельность, подлежащую лицензированию, то они обязаны получить лицензию на соответствующий вид деятельности.

Практика работы кооперативов показала, что имущественные интересы граждан, заключающих с кооперативом договоры подряда с авансовой оплатой, например, на строительство домика на садовом участке, при прекращении деятельности соответствующего кооператива не были защищены должным образом. Зачастую оказывалось, что в случае прекращения деятельности кооператива из-за его неплатежеспособности вернуть выплаченные ему авансом суммы невозможно, так как ни имущества, ни денег на счете у кооператива на момент его прекращения уже не было (хотя и обусловленного договором работ кооператив не выполнил). Что касается возможной ответственности самих членов кооператива, то ранее, до внесения изменений, Закон отдавал это на полное усмотрение самих членов кооператива, которые в уставе кооператива сами определяли свою ответственность (а в действительности — безответственность) по долгам кооператива.

Теперь, с внесением в Закон изменений, все кооперативы в сферах производства и услуг обязаны создавать страховой (резервный) фонд в размере не менее пяти процентов от остающегося в их распоряжении дохода (прибыли) после расчетов с бюджетом и банками. Такой фонд должен быть создан кооперативами в 1991 году по итогам их деятельности за 1990 год. Это законодательное ограничение права кооперативов самостоятельно определять виды, размеры и порядок использования своих фондов и резервов обусловлено необходимостью защиты имущественных интересов граждан, учреждений, организаций, заключающих договоры с кооперативом, на случай прекращения его деятельности.

Конечно, возможна ситуация, при которой и резервного фонда не хватит для погашения всех долгов кооператива. Тогда, по долгам ликвидированного кооператива в сферах производства или услуг, при недостаточности его имущества будут отвечать его члены. Минимальный уровень их ответственности теперь определен в Законе: каждый член кооператива несет ответственность в размере полученного им годового дохода. У кооперативов есть право установить в уставе и более высокую свою ответственность, но вряд ли стоит рассчитывать, что все они поспешат воспользоваться этим правом. Зато минимальный уровень ответственности закреплен Законом, и если в уставе кооператива не будет предусмотрена ответственность его членов по долгам кооператива, то в регистрации устава, а следовательно, и в создании кооператива может быть отказано.

Изменениями, внесенными в Закон о кооперации, ликвидирована имущественная дискриминация колхозников и членов других сельскохозяйственных кооперативов. Ранее предусматривалось, что при ликвидации колхоза или другого сельскохозяйственного кооператива соответствующее имущество по решению совета колхозов (объединения) передавалось другим кооперативам и иным пред-

приятиям (организациям) для сельскохозяйственного производства. Теперь, при ликвидации колхоза или другого сельскохозяйственного кооператива, его имущество распределяется между членами кооператива, но только после завершения расчетов по оплате труда и выплат с личных счетов членов кооператива средств долевого фонда, выполнения обязательств перед бюджетом, банками, владельцами акций и другими кредиторами.

Тем самым колхозники и члены других сельскохозяйственных кооперативов уравниваются в имущественных правах с членами кооперативов в сферах производства и услуг, у которых такое право было и раньше.

Существенные изменения в условиях финансово-хозяйственной деятельности кооперативов обусловлены сложившимся положением дел, при котором сумма денег на руках у населения существенно превосходит общую стоимость предлагаемых товаров и услуг. Если раньше кооператив осуществлял расчеты как с организациями, так и с гражданами по своему выбору, в безналичном порядке или наличными деньгами без ограничения суммы платежей, то теперь расчеты с организациями и предприятиями могут быть осуществлены только в безналичном порядке, а с гражданами — как в безналичном порядке, так и наличными деньгами. Кооперативы лишены ранее имевшегося у них права самостоятельно определять предельный размер наличных денег на текущие расходы, постоянно находящихся в их кассе. Согласно изменениям, внесенным в Закон, предельный размер этих денежных средств определяется по согласованию с учреждением банка с учетом специфики деятельности кооператива.

Резко ограничены и возможности кооперативов по приобретению товаров в розничной торговой сети. Здесь кооперативы приравнены к государственным предприятиям и могут приобретать в розничной торговле товары в порядке, установленном для госпредприятий. Таким образом, оба из последних упомянутых изменений ограничивают кооперативы: в трате ими наличных денег и в приобретении товаров в розничной торговой сети. Эти меры направлены на стабилизацию рынка потребительских товаров.

Многим, наверное, памятна история с уплатой кооператором фантастической суммы партийных взносов. Соответствующие доходы были получены в результате экспортной операции — обмена скупленных по стране у различных предприятий отходов на зарубежные компьютеры. В Закон внесены дополнения, согласно которым кооператив может экспортировать производимую им продукцию (работы, услуги), в том числе создающую в результате совместной деятельности с другими кооперативами и предприятиями, а союзы (объединения) — также продукцию, производимую входящими в их состав кооперативами. Принцип «что производишь, то и можешь экспортировать» является надежным средством против получения сверхприбыли, не обусловленной собственной производственной деятельностью кооперативов.

Не редкой на практике была ситуация, когда председателем кооператива, созданного при предприятии, был директор этого предприятия, а правление кооператива состояло из администрации предприятия. Такое положение дел, когда одни и те же лица осуществляли управление и государственной собственностью, и кооперативной, причем договоры между кооперативом и соответствующим предприятием с обеих сторон заключались с одними и теми же людьми, вряд ли можно было признать нормальным. Запрет на ра-

боту в кооперативе или членство в нем для руководящих работников и специалистов органов государственного управления, в функции которых входит осуществление контроля за деятельностью кооперативов, был установлен на второй сессии Верховного Совета СССР в октябре 1989 года. Но склонность к членству в кооперативе или работе в нем по договору обнаружилась как у родственников работников контролирующих органов, так и у родственников руководящих работников предприятий, организаций, учреждений, при которых созданы кооперативы. Отнюдь не имея в виду бросить тень подозрения на кого-либо, можно предположить, что такая тенденция вряд ли способствовала укреплению контроля за деятельностью кооперативов, их нормальным, договорным отношениям с предприятиями, при которых они созданы. Вероятно, исходя из этого соображения, и было сделано исключение из общего правила, согласно которому в члены кооператива могут без ограничений вступать все граждане или в свободное от основной работы время работать в нем по трудовому договору. Установлено, что не допускается вступление в члены кооперативов в сферах производства и услуг и работа в них по трудовому договору руководящих работников и специалистов органов государственного управления, в функции которых входит осуществление контроля за деятельностью кооперативов, руководящих работников предприятий, организаций и учреждений, при которых созданы кооперативы, а также лиц, состоящих с ними в близком родстве. Ограничение Закона в части работы близких родственников руководящих работников и специалистов не распространяется на деятельность кооперативов в сферах сельскохозяйственного производства.

Постановлением Верховного Совета СССР «О порядке введения в действие Закона СССР «О внесении изменений и дополнений в Закон СССР «О кооперации в СССР» местным Советам народных депутатов предложено принять необходимые меры к реализации статей 19 и 40 Закона СССР «О кооперации в СССР», предоставляющих право Советам народных депутатов устанавливать предельные уровни цен (тарифов) на основные потребительские товары (услуги), производимые и реализуемые кооперативами, и определять соотношение числа лиц, привлекаемых к работе в кооперативе по трудовому договору, и числа членов кооперативов, а также к обеспечению выполнения установленного для кооперативов запрета на осуществление торгово-закупочной и посреднической деятельности, связанной со скупкой в розничной и оптовой сети государственной торговли и потребительской кооперации промышленных и продовольственных товаров и их перепродажей.

ЛИБО ВОДИТЕЛЬ, ЛИБО ЛЮБИТЕЛЬ

Никогда еще за всю свою историю не знали мы такого мощного, как нынешний, всплеска аварийности на дорогах, такого огромного числа жертв дорожно-транспортных происшествий. Печальны наши рекорды на фоне мировой статистики. Вот лишь несколько сравнительных данных за последние два года — 1988 и 1989 (для простоты восприятия цифры округлены). Погибших соответственно более 47 тысяч и около 59 тысяч человек. Разница — свыше 10 тысяч — превышает число водителей, пешеходов и пассажиров автотранспорта, погибающих ежегодно во Франции.

В прошлом году мы говорили о таком нашем мировом рекорде: на 100 пострадавших на дорогах у нас приходится 13 погибших (в ГДР и ЧССР — 4, в ФРГ — 2, в США — 1). Сегодня при неизменности цифр, приведенных в скобках, в среднем по нашей стране из 100 пострадавших 17 кончают свой жизненный путь на месте аварии или вскоре после нее на больничной койке (9 погибают в городах, 25 — в сельской местности; на село приходится без малого 70 процентов всех погибших).

Итак, война между человеком и автомобилем все более ужесточается. Прогнозы специалистов не вселяют оптимизма: в ближайшие годы обстановка на дорогах вряд ли улучшится. Поразмыслим же над мрачными прогнозами, проанализируем причины крайне тревожного положения, оценив все три звена системы человек — автомобиль — дорога.

ЧЕЛОВЕК как участник дорожного движения выступает в трех качествах: водителя, пешехода и пассажира автотранспорта. Поскольку пассажир крайне редко становится виновником дорожной трагедии — в этом смысле он нетипичен как правонарушитель, уделим основное внимание водителю и пешеходу. Начнем с главной на дороге фигуры — с водителя.

Два миллиона человек получают у нас ежегодно водительские удостоверения. С учетом транспортных средств личного пользования водитель — самая массовая в стране профессия. Подчеркиваю: профессия, поэтому давно устаревший, но удивительно живучий термин «автотюбитель», обозначающий сидящего за рулем собственной машины, сегодня попросту безграмотен. Более десятка лет любительство законодательно изгнано с проезжей части улиц и дорог специальным Положением о присвоении квалификации водителя. Управляет человек личным или государственным автомобилем — в любом случае он **водитель**, что подтверждается документально **водительским** удостоверением, выдаваемым всем без исключения на одинаково строгих условиях. Можно быть любителем футбола, но не футболистом, любителем музыки, но не музыкантом, любителем автомобилей, но не водителем, но нельзя быть водителем-любителем — такой водитель смертельно опасен на дорогах. Так что одно из двух: либо водитель, либо любитель. Но это к слову.

Беда наша заключается в крайне низкой культуре дорожного движения — эгоизме, элементарном хамстве, если хотите. Вы идете

на обгон, а обгоняемый тут же увеличивает скорость, чтобы не пропустить вас вперед. Вы въезжаете со второстепенной дороги на главную — эгоист и тут заставит вас поволноваться. При свободном правом ряде он обязательно займет левый. Подобных ситуаций бесчисленное множество. На дорогах царит обстановка сознательного пренебрежения правилами движения, утвердился агрессивный стиль взаимоотношений, и это страшно. Я уже не говорю о таком злом нарушении дорожной дисциплины, как пьянство: в прошлом году оно привело к 55,5 тысячи аварий — это на 21 процент больше, чем в предыдущем, причем число погибших и раненых при этом увеличилось на четверть. По-прежнему распространены лихачество, выезд на полосу встречного движения, несоблюдение очередности проезда перекрестков.

Никак не способствует росту общей культуры сидящих за рулем слабая профессиональная подготовка в автошколах. Какой культуре там могут научить, если не успевают преподавать азбуку движения, вождения, поведения. Да и о чем говорить: штукатура, маляра учим профессии год, а то и больше, водителя же «лепим» за 4 месяца. 20 часов в общей сложности езды на рухляди, именуемой автомобилем, вот и вся подготовка. Сами же и цементируем фундамент растущей аварийности. Усугубляют прорехи обучения нехватка и бедственное положение автошкол.

Стоит ли после сказанного удивляться: 73 с половиной процентов дорожных трагедий случилось в прошлом году по вине водителей — 157 из каждых двухсот!

Г. КРУГЛОВ

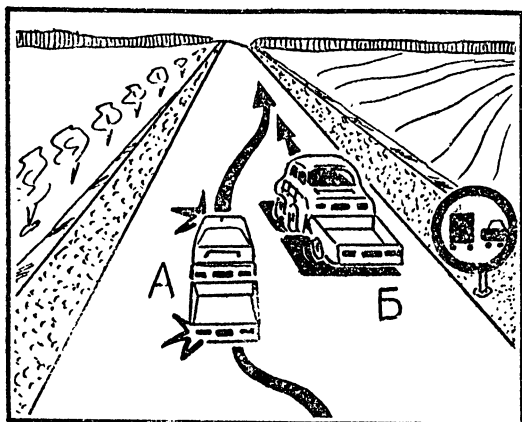
ЮРИДИЧЕСКИЙ ПРАКТИКУМ

Задача 1

Титов полтора года находился в зарубежной командировке. Вернувшись домой, он узнал, что его жена ждет ребенка. После неприятных объяснений Титов согласился записаться отцом ребенка, поскольку они с женой прожили уже около 10 лет, а детей у них не было. Спустя пять лет после рождения ребенка Титов оставил семью, и жена подала иск о взыскании с него алиментов на содержание сына. Титов предъявил встречный иск об оспаривании отцовства и предоставил документы, подтверждающие пребывание его в заграничной командировке. Титова с доводами мужа не соглашалась, ссылаясь на то, что он добровольно согласился считаться отцом ребенка!

Должен ли Титов платить алименты?

КАК БЫ ВЫ ПОСТУПИЛИ?

1. Нарушит ли требования Правил дорожного движения водитель легкового автомобиля А с прицепом, совершив обгон легкового автомобиля Б с прицепом, движущегося со скоростью 70 километров в час?

2. На загородном шоссе шириной около 8 метров навстречу вам движется грузовой автомобиль. Впереди от обочины начал движение автопоезд. Казалось бы, никакой опасности в такой ситуации нет, ведь ширина дороги позволяет разъехаться всем трем. Надо ли предполагать, что обстановка может измениться к худшему?

Ответы на стр. 65.

Задача 2

При расторжении брака между супругами Захаровыми возник спор о разделе имущества. В пользовании супругов находились мебельный гарнитур, холодильник, телевизор, пианино и другая домашняя обстановка. Захаров полагал, что по закону все имущество должно быть разделено поровну. А жена отказывалась делить имущество, так как три года назад, после заключения брака, Захаров переехал в ее квартиру, а все имущество, на которое он теперь претендует, было приобретено ею вместе с родителями до заключения брака. За время совместной жизни они с Захаровым ничего, кроме личных вещей (одежды, обуви и т. п.), не приобретали.

Решите спор.

Задача 3

При регистрации брака Батов и Василевская просили присвоить им двойную фамилию Батов-Василевский и Батова-Василевская. Удовлетворит ли ЗАГС их просьбу?

Ответы на стр. 128.

АЗБУКА ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Д

ДОРОЖНОЕ ДВИЖЕНИЕ. Его порядок на всей территории СССР устанавливается Правилами дорожного движения (п. 1.1.). Общим правилам дорожного движения целиком посвящен раздел 1 (ПДД). Режимы дорожного движения, вводимые знаками, описаны в разделе 5 приложения № 1 к ПДД. Способы введения ограничений в дорожном движении регламентируются п. 1.7., отдельные требования по обеспечению нормального дорожного движения изложены в разделе 27. Наконец, комментарий был бы неполным, если бы мы не указали, где искать в ПДД знак, запрещающий дорожное движение. Он описан под индексом 3.1.

ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ. По мнению специалистов, в принципе от этого неприятного события не застрахован ни один автомобилист — если не в качестве виновника, то в виде жертвы. Поэтому все должны знать обязанности и порядок действий в подобном случае (п. 4.4., 4.5., 8.11.). К сравнительному повешеству в ПДД (для водителей со стажем) относится применение в случаях ДТП запрещающего движение знака «Опасность» (его индекс — 3.17.2.).

ДОРОЖНО-ЭКСПЛУАТАЦИОННЫЕ СЛУЖБЫ. Полномочия их работников в необходимых случаях регулировать движение определяет п. 1.4., а отдельные требования к этим службам по содержанию дорог и сооружений — п. 27.2.— 27.11. ПДД предоставляют дорожно-эксплуатационным службам и некоторые права. Например, п. 10.10. разрешает движение дорожных машин по тротуарам и пешеходным дорожкам в рабочих целях, а п. 4.3. устанавливает, что водители транспортных средств и машин дорожно-эксплуатационных служб с включенным проблесковым маячком оранжевого цвета в процессе выполнения работы на дороге могут отступать от требований дорожных знаков и разметки, а также пунктов 10.4., 10.5., 10.7. и 17.1. ПДД при условии обеспечения безопасности движения.

ДОРОЖНЫЕ ЗНАКИ. Как известно, знаки, указатели, таблички на дорогах — главный элемент регулирования движения наравне со светофорами и дорожной разметкой. Описание дорожных знаков находится в разделах 1—7 Приложения № 1. Обязательность для участников дорожного движения требований знаков диктует п. 1.3. О дорожных знаках в качестве законного способа введения различных ограничений в движении говорит п. 1.7. Интересны также случаи, когда дорожные знаки противоречат режиму, вводимому способами регулирования. О преимуществе сигналов регулировщика в такой ситуации рассказывает п. 7.7. Однако если, например, не сходятся требования временных и стационарных знаков, то приоритет оказывается у временных, так же, как и тогда, когда не совпадают требования установленных на время дорожных знаков и разметки.

Бывают ли случаи правомерного отступления водителей от требований дорожных знаков? Вспомним специальные сигналы (раздел 4 ПДД), разрешающие подающим их водителям не подчиняться отдельным запретам. Но в большинстве случаев знаки требуют не-

укошительного уважения к себе. Это подчеркивает и п. 13.7, запрещающий загромождать их от других участников дорожного движения при остановке и стоянке. Еще более категоричен п. 27.11., не разрешающий снимать, загромождать, повреждать или самовольно устанавливать знаки.

Еще несколько пунктов ПДД, связанных со знаками: п. 14.9. предписывает руководствоваться знаками приоритета при выключенном или мигающем желтом сигнале светофора; п. 16.2. рассказывает о действиях водителя, увидевшего знак у железнодорожного переезда. Пункты раздела 5 Приложения № 1 к ПДД определяют значение для водителя цветового фона знаков. Автомобилистам, видимо, небезынтересно для лучшего изучения ПДД знать, в каких пунктах основного текста Правил есть ссылки на дорожные знаки. Вот эти пункты: 3.5., 8.8., 10.1., 10.6., 10.8., 13.5., 16.4., 17.1., 18.2., 26.13. Есть также ссылки и в разделе 2.

ДОРОЖНЫЕ РАБОТЫ. Предупреждающие и указывающие объезд дорожные знаки у мест производства раскопок и тому подобных работ описаны под индексами 1.17., 1.18.1.—1.18.3., 1.23., 4.2.1., 4.2.2., 1.31.1.—1.31.3. Те, кто ведет работы, должны предварительно получить на них разрешение ГАИ (п. 27.4.). Лица, которые отвечают за производство дорожных работ, обязаны заботиться о безопасности участников дорожного движения (п. 27.5) и принимать необходимые меры для восстановления разрушенного дорожного покрытия (п. 27.7.).

ДРУЖИННИКИ. Кое-кто из водителей не подчиняется требованиям дружинников о проверке документов, остановке и т. д. Это свидетельствует о незнании или сознательном нарушении п. 1.4., наделяющего помощников милиции необходимыми полномочиями, а также п. 3.1. и 3.4., возлагающих соответствующие обязанности на водителей.

**В. ЕРЕМЕЕВ,
майор милиции**

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ «КАК БЫ ВЫ ПОСТУПИЛИ!»

1. Нарушит. Водителю автомобиля А при обгоне придется двигаться со скоростью, превышающей 70 километров в час, что запрещено (пункт 11.3 Правил дорожного движения).

2. Если тщательно проанализировать ситуацию, можно выделить два момента, которые в значительной мере способны осложнить обстановку. Во-первых, водитель автопоезда может не заметить вас, так как автопоезд уже находится под углом к оси проезжей части, а стало быть, зона, в которой движется ваш автомобиль, не просматривается водителем в зеркало заднего вида. Второй момент связан с неопределенностью дальнейших действий водителя автопоезда. Ведь вполне возможно, что он собирается развернуться. Тогда основное внимание его, естественно, будет уделено встречному автомобилю и вас он может заметить уже с опозданием. Поэтому вы должны несколько снизить скорость и посмотреть, что будет дальше. Если водитель автопоезда продолжит движение прямо и выключит указатель поворота, вы можете обгонять его.

ЧАСТНОЕ ОБВИНЕНИЕ

Ч

Из-за чего в этот раз начался между ними скандал, ни Григорьевы, ни Якимовы (соседи по даче) вспомнить толком уже не могли. Не знали этого и другие жители дачного поселка, так как скандалисты-то сначала выясняли отношения не очень громко, можно даже сказать, в нормальном тоне. Это потом, когда уже обе стороны, что называется, «сорвались на крик», чуть ли не весь поселок слышал, как Андрей Иванович Якимов назвал

Татьяну Вакуловну Григорьеву «старой дурой». А та в ответ на это прокричала: «И как такого ворюгу земля носит?! Я до тебя доберусь! Докажу, что ты на ворованные деньги дачу построил!» «Да за такую клевету я тебя вперед за решетку упеку!» — нет, эту фразу дачники уже не слышали, потому что произнесена она была хоть и громко, но шепотом. И поскольку Андрей Иванович слов на ветер не бросал, он на следующий день подал в районный отдел внутренних дел (РОВД) заявление о привлечении Татьяны Вакуловны Григорьевой к уголовной ответственности за клевету. Через три дня Андрей Иванович получил из РОВД письмо, в котором было написано:

«Ваше заявление о привлечении к уголовной ответственности гражданки Григорьевой рассмотрено. Возбудить уголовное дело и привлечь ее к уголовной ответственности нельзя, так как деяния, о совершении которых Вы указали в заявлении, преследуются в порядке частного обвинения. Возбуждать такие дела и привлекать за их совершение гражданина к уголовной ответственности может только районный народный суд, куда Вам и следует обратиться с заявлением.

Зам. начальника РОВД Исполкома
Н-ского районного Совета народных
депутатов майор милиции

Н. Н. Жуков».

«Нет, я так этого не оставлю», — решил Якимов и написал жалобу на имя прокурора области, в которой просил привлечь к уголовной ответственности гражданку Григорьеву, а также принять меры к заместителю начальника РОВД т. Жукову Н. Н., который покровительствует преступникам.

Правильно ли поступил Андрей Иванович? Чтобы ответить на этот вопрос, давайте выясним, в каком порядке рассматриваются жалобы (заявления) граждан, которых оклеветали или оскорбили.

Здесь необходимо пояснить, что уголовно-процессуальные кодексы (УПК) союзных республик предусматривают различный порядок уголовного преследования граждан за совершенные ими преступления. Это зависит от характера преступления.

Так, основной формой обвинения в советском уголовном процессе, в наибольшей степени соответствующей его характеру и принципам, является государственное (публичное) обвинение. Наряду с этой формой обвинения существует, правда, в ограниченных пре-

делах, еще частное и частно-публичное обвинение. Сообразно этому в теории и на практике различают уголовные дела публичного, частно-публичного и частного характера.

Дела публичного обвинения — это дела, которые обязаны возбуждать по собственной инициативе государственные органы (следователь, орган дознания, прокурор, суд) в каждом случае обнаружения признаков преступления, а также принимать по ним меры к установлению, изобличению и наказанию виновных. Абсолютное большинство дел относится к этой группе.

Дела частно-публичного обвинения — это дела, которые возбуждаются только по жалобам потерпевших, но дальнейшее производство по ним происходит в общем порядке (т. е. как по делам публичного обвинения). К ним, например, УПК союзных республик относят такое преступление, как изнасилование без отягчающих обстоятельств.

Дела частного обвинения — это дела, возбуждаемые, как правило, только по жалобам потерпевших и подлежащие прекращению в случае их примирения с обвиняемым.

УПК РСФСР и ряда других союзных республик к числу преступлений, преследуемых в порядке частного обвинения, относят: умышленные легкие телесные повреждения с расстройством и без расстройства здоровья, побои, клевету без квалифицирующих признаков, оскорбление. Как вы помните, Андрей Иванович Якимов требовал, чтобы его соседку привлекли к уголовной ответственности за клевету. Поэтому рассмотрим более подробно именно эту форму обвинения.

Как уже было сказано, дела частного обвинения возбуждаются не иначе, как по жалобе потерпевшего (это общее правило). В своей жалобе потерпевший должен указать, когда, где и как совершено противоправное деяние; в чем конкретно оно выразилось; чем подтверждается просьба о привлечении правонарушителя к ответственности.

Составленная в такой форме жалоба подается потерпевшим (а если он несовершеннолетний либо в силу своих психических или физических недостатков не может сам защитить свои интересы, его законными представителями — родителями, усыновителями, опекунами, попечителями и т. д.) в районный народный суд, так как дела частного обвинения возбуждаются судьями. Предварительное следствие по этим делам, как правило, не проводится. Если жалоба по делу частного обвинения поступила не судье, а другим должностным лицам правоохранительных органов (например, следователю, прокурору), последние на основании статьи 109 УПК РСФСР и соответствующих статей УПК других союзных республик обязаны направить жалобу в суд.

Перед тем как возбудить дело об оскорблении, клевете и т. д., судья обязан принять все меры к примирению потерпевшего с лицом, на которого подана жалоба (часть 4 статьи 109 УПК РСФСР, соответствующие статьи УПК других союзных республик). Если примирение достигнуто, судья выносит постановление об отказе в возбуждении уголовного дела.

Наряду с общим правилом, по которому дело частного обвинения возбуждается не иначе, как по жалобе потерпевшего, законом (часть 3 статьи 27 УПК РСФСР) предусмотрено, что в исключительных случаях возбудить такое дело можно и при отсутствии жалобы потерпевшего.

Что это за случаи? Их два:

а) если дело имеет особое общественное значение;

б) если потерпевший в силу беспомощного состояния, зависимости от обвиняемого или по иным причинам не в состоянии защищать свои права и законные интересы (ч. 3 ст. 27 УПК РСФСР). Характерно, что возбудить дело частного обвинения при отсутствии жалобы потерпевшего вправе лишь прокурор.

Обычно при рассмотрении дел этой категории обвинение в судебном заседании поддерживается самим потерпевшим (поэтому-то оно и называется «частным»).

Это право предоставлено потерпевшему законодательством всех союзных республик. Порядок выступления в судебных прениях по делам частного обвинения в законе специально не оговаривается. Но вполне очевидно, что вначале выступает потерпевший или его представитель, а затем подсудимый или его защитник. Наряду с этим законом (ч. 4 ст. 27 УПК РСФСР и соответствующими статьями УПК других союзных республик) установлено, что прокурор вправе в любой момент вступить в возбужденное судьей по жалобе потерпевшего дело и поддерживать обвинение в суде, если этого требует охрана государственных или общественных интересов или прав граждан.

По УПК ряда союзных республик вступление прокурора в дело частного обвинения (а равно и возбуждение им этого дела) не лишает потерпевшего права поддерживать обвинение наряду с прокурором (Азербайджанская ССР, Узбекская ССР и др.). По УПК других союзных республик потерпевшему не предоставлено право поддерживать обвинение по делу частного обвинения, если оно возбуждено прокурором, но потерпевший не лишается такого права, если прокурор вступил в возбужденное судьей дело (РСФСР, Таджикская ССР и др.). Законодательство некоторых союзных республик не предоставляет потерпевшему права на участие в судебных прениях как в тех случаях, когда дело возбуждено прокурором, так и при его вступлении в уже возбужденное дело (БССР, УССР, Киргизской ССР и др.).

В том случае, если потерпевший без уважительных причин не является в суд на рассмотрение дела о клевете, оскорблении или другом преступлении, преследуемом в порядке частного обвинения, оно подлежит прекращению. В данном случае неявка потерпевшего в суд без уважительных причин закон расценивает как отказ от обвинения. Однако по ходатайству подсудимого дело в этих случаях может быть рассмотрено по существу и в отсутствие потерпевшего.

По делам частного обвинения в стадии судебного разбирательства потерпевшему принадлежит право примирения с подсудимым. Предоставляя потерпевшему и подсудимому возможность окончить дело миром, законодатель исходит из того, что в большинстве своем примирение исчерпывает конфликт. Однако оно должно быть основано на началах добровольности потерпевшего и подсудимого.

УПК большинства союзных республик примирение допускает до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора. Возможность окончания дела миром по делам частного обвинения не является, однако, абсолютной. Не подлежит прекращению за примирением потерпевшего с обвиняемым дело, возбужденное прокурором, а также в случае вступления прокурора в возбужденное судьей дело. По УПК некоторых союзных республик

(например, УССР) дело не подлежит прекращению за примирением также в тех случаях, когда суд признал это дело имеющим общественное значение.

Таким образом, дела частного обвинения могут быть прекращены производством по специальным основаниям: ввиду примирения потерпевшего и обвиняемого (п. 6 ст. 5 УПК РСФСР, соответствующие статьи УПК других союзных республик), ввиду отсутствия жалобы потерпевшего (п. 7 ст. 5 УПК РСФСР, соответствующие статьи УПК других союзных республик), вследствие неявки в суд потерпевшего без уважительных причин (ч. 2 ст. 253 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик). Но эти дела могут быть прекращены и при наличии общих оснований, перечисленных в ст. ст. 5—9 УПК РСФСР (соответствующих статьях УПК других союзных республик), например, за отсутствием состава либо события преступления.

Особенностей порядка обжалования приговоров и определений суда первой инстанции по рассматриваемой категории дел не существует. Протесты прокурора и кассационные жалобы потерпевшего, осужденного, оправданного подаются на общих основаниях, а дела рассматриваются судебной коллегией по уголовным делам вышестоящего суда согласно единым правилам.

В. БОЖЬЕВ,
доцент

**КОНСУЛЬТИРУЕТ
ПРИЕМНАЯ «Ч и З»**

НА ДЕЙСТВИТЕЛЬНУЮ СРОЧНУЮ...

«Дорогая редакция! В армию теперь, как известно, призывают не по приказу министра обороны, как всегда было. Призывает Совет Министров СССР. С чего вдруг такое? Почему министр обороны СССР лишен теперь права издавать приказы о призыве в СА и увольнении из ее рядов? Военное дело, оборона страны — это же его компетенция! А тут... Может, я чего-то не понимаю? Читаю в «Красной звезде» — все время пишут о перестройке в армии, о внесенных изменениях. Погранвойска, внутренние войска, железнодорожные не имеют теперь отношения к Вооруженным Силам СССР? Лично мне, недавнему военному служащему срочной службы, это не совсем понятно. Может, расскажете об этом чуть подробнее?»

Ф. СВЕТЛОВ,
сержант запаса

Красноярский край

Итак, почему пересмотрено законодательство о военной службе? Вопрос этот в самых разных его вариациях звучит во время приема посетителей в редакции, не говоря уже о читательской почте. И задают его не только молодые люди, сравнительно недавно сменившие солдатский мундир на гражданскую одежду, но и родители будущих воинов.

Общезвестно, что идет разработка законопроектов, касающихся обороны СССР, всеобщей воинской обязанности и воинской службы, правового положения военнослужащих и воинов запаса, ветеранов Вооруженных Сил СССР, членов их семей. Знакомство с письмами читателей, беседы с ними на личном приеме вызывают нередко у меня вопрос, приходилось ли им обращаться в компетентные издания Министерства обороны СССР.

Не берусь, разумеется, утверждать, но впечатление от ответов такое, что не всегда заинтересованные лица получают юридически обоснованные ответы. И это в то время, когда, судя по публикациям, по информации, что звучит на весьма представительных брифингах, проблемы формирования у военнослужащих правовых знаний и правовой культуры, казалось бы, находятся в центре внимания Министерства обороны СССР. И, может, памятуя именно об этом, подумала, что даже весьма просвещенный, зорко следящий за прессой читатель не должен бы осудить меня сегодня за то, что не вся правовая информация будет для него откровением — публикации по упомянутым выше проблемам были. Но вопросы... Почему же в таком случае не иссякают, повторяются одни и те же вопросы, особенно в дни осеннего призыва на действительную срочную военную службу.

Начнем с весьма эмоционального письма сержанта запаса Ф. Светлова.

Процесс всестороннего обновления советского общества требует приведения состава Вооруженных Сил СССР в соответствие с задачами и функциями, установленными Конституцией СССР. Этим и следует объяснить радикальность армейской реформы. Речь идет не о замене одного направления гонки вооружений другим, не о наращивании боевой мощи армии и флота, а о поддержании ее в пределах оборонной достаточности при минимальных затратах на уровне, гарантирующем надежное обеспечение безопасности страны.

Первым шагом по приведению структуры Вооруженных Сил СССР в соответствие с требованиями современной военной доктрины явился Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 марта 1989 года о выведении из состава Вооруженных Сил пограничных, внутренних и железнодорожных войск. В подчинении министра обороны СССР остались Вооруженные Силы страны, а пограничные, внутренние и железнодорожные войска перешли в полное подчинение соответственно председателя Комитета государственной безопасности СССР, министра внутренних дел СССР и начальника железнодорожных войск. Именно поэтому министр обороны СССР теперь уже не может своим приказом, как это было раньше, объявлять о призыве на действительную срочную военную службу и увольнении с нее из этих формирований.

Законом Союза ССР от 28 марта 1990 года в Закон СССР «О всеобщей воинской обязанности» внесены изменения, согласно которым призыв на действительную военную службу и увольнение военнослужащих с действительной военной службы производятся по постановлению Совета Министров СССР, как это уже имело место

впервые во время весеннего призыва, объявленного постановлением Совета Министров СССР № 305 от 29 марта 1990 года.

А как же те, кто будет призван в пограничные, внутренние и железнодорожные войска? На лиц, проходящих воинскую службу в этих родах войск, распространяется всеобщая воинская обязанность так же, как и на тех, кто проходит службу в Вооруженных Силах СССР. Призыв, условия и сроки прохождения воинской службы, комплектование личного состава для пограничных, внутренних и железнодорожных войск установлен такой же, как для Советской Армии и Военно-Морского Флота.

«У меня сын — призывник. Жизнь сложилась так, что я воспитывала его одна, никто из моих близких в армии не служил, словом, посоветоваться не с кем. Хотелось бы узнать подробнее о воинской службе, о порядке и сроках призыва, о продолжительности службы, о том, кто определяет место сбора и время явки призывника?»

С. МИРОНОВА

г. Новосибирск

Ваше беспокойство, тов. Миронова, очень понятно. — в редакционной почте немало писем от матерей будущих солдат. Но, во-первых, не стесняйтесь обращаться с вопросами в военкомат — вас обязаны проконсультировать, а во-вторых, разве откажет вам в совете, пусть чисто житейском, недавний солдат, скажем, сосед по дому. Что же касается нашей приемной, то мы с удовольствием выполняем вашу просьбу.

Воинская служба состоит из действительной военной службы (то есть в конкретной воинской части, на корабле, судне) и в запасе Вооруженных Сил СССР. Замечу, что существует различие в понятиях военнослужащий и военнообязанный. Граждане, состоящие на действительной военной службе, именуется военнослужащими, а состоящие в запасе — военнообязанными.

На действительную службу призываются мужчины — граждане СССР, которым ко дню призыва исполняется 18 лет. Сроки действительной военной службы установлены законодательством СССР и составляют для солдат и сержантов сухопутных войск, береговых частей и авиации Военно-Морского Флота — 2 года, для матросов и старшин кораблей, судов и береговых частей боевого обеспечения Военно-Морского Флота и морских частей пограничных войск — 3 года. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 апреля 1989 года внесены изменения в сроки действительной военной службы для солдат, матросов, сержантов и старшин, имеющих высшее образование. Если раньше, согласно статье 13 Закона «О всеобщей воинской обязанности» имеющие высшее образование солдаты и сержанты служили 1 год 6 месяцев, а матросы и старшины — 2 года, то теперь для солдат, матросов, сержантов и старшин, имеющих высшее образование, установлены единые сроки действительной военной службы — 1 год.

Призыв на действительную военную службу проводится ежегодно повсеместно два раза в год (в мае — июне и в ноябре — декабре). В некоторые войска призыв проводится также в апреле и октябре. Исчисление срока действительной военной службы призванных в первой половине года начинается с 1 июля года призыва, а призванных во второй половине года — с 1 января года, следующего за годом призыва.

Министру обороны СССР, председателю Комитета государственной безопасности СССР и министру внутренних дел СССР предоставлено право в случае необходимости задерживать военнослужащих на действительной военной службе на срок до двух месяцев сверх установленных сроков, а также переводить военнослужащих из одного вида (рода) войск в другой с соответствующим изменением сроков службы.

Призыв на действительную военную службу проводится по районным (городским) призывным участкам, к которым приписаны призывники. Как правило, они совпадают с местом постоянного жительства призывников. Точные сроки явки каждого из призывников на призывной участок определяются приказом военного комиссара района (города). От явки не освобождается никто. Уважительными причинами неявки в установленный приказом срок признается лишь болезнь призывника, что, безусловно, должно быть удостоверено медицинским учреждением. Или же — препятствия стихийного характера, из-за которых призывник, даже самый дисциплинированный, не смог бы своевременно явиться. Однако невозможность своевременной явки по такого рода причине должна быть подтверждена исполкомом местного Совета народных депутатов или органом внутренних дел по месту жительства призывника.

«Внук, будучи несовершеннолетним, совершил преступление. Слов нет описать, что я пережила — следствие, суд... Теперь вот осужден к лишению свободы, правда, с отсрочкой исполнения приговора, словом, оставили его дома. Признаюсь, большие надежды были у меня на армию. Думала, вот стукнет ему 18 лет, призовут в армию, а уж там сделают из него человека — при военной дисциплине не очень-то забалуешь. Но в армию его не взяли. Я даже в военкомат специально ходила просить. Отказали...»

З. ЯКОВЛЕВА

Саратовская область

Искренне Вам сочувствую, но решение принято правильное, в полном соответствии с действующим законодательством: не подлежат призыву на действительную военную службу лица, отбывающие уголовное наказание, а также те, в отношении которых ведется дознание, следствие или уголовное дело рассматривается в суде. Что же касается лиц, осужденных с отсрочкой исполнения приговора, то они до истечения отсрочки являются отбывающими наказание и могут быть призваны на действительную военную службу только после истечения назначенного судом срока отсрочки исполнения приговора и освобождения от наказания.

Судя по письму, это Вас глубоко огорчило. Но, простите, армия не исправительно-трудовое учреждение. Согласитесь, нельзя доверять боевое оружие, оборону страны тем, кто не в ладах с законом. Будем надеяться, что и Ваш внук, и его родители, и все взрослые, которые окружают его, сделают должные выводы. Да, не каждый достоин носить советский военный мундир. Желаю, чтобы внук Ваш удостоился такой чести.

«Мой внук по состоянию здоровья не может служить в армии. У него плохое зрение! Но в районной призывной комиссии его все же признали годным к военной службе. Я и в приемной вашей редакции побывала, просила помочь. А Вы направили мою жалобу в

облвоенкомат. Просьбу мою не удовлетворили. Тогда я обратился в Министерство обороны СССР, но и они этот вопрос не решили».

Л. МАКАРОВА

Московская область

Известно, что для проведения призыва на действительную военную службу в районах (городах) создаются призывные комиссии. Все, что связано с организацией медицинского освидетельствования призывников, принятием решения о призыве конкретного лица на действительную военную службу, а также определением родов войск, предоставлением отсрочек от призыва, освобождением призывников от воинской обязанности и рассмотрением вопросов о направлении в военные учебные заведения, относится исключительно к компетенции районных (городских) призывных комиссий.

Действительно, письмо тов. Макаровой направлено в областной военный комиссариат для рассмотрения в областной призывной комиссии. И сделано это было потому, что жалобы на неправильные действия районных (городских) призывных комиссий рассматриваются призывными комиссиями, создаваемыми в областях, краях, автономных республиках и округах, союзных республиках, не имеющих областного деления. Решения этих комиссий по жалобам призываемых граждан и других лиц являются окончательными.

Вопросы, связанные с возможностью получения отсрочек от призыва на действительную военную службу, занимают в читательской почте особое место. Здесь письма призывников, их матерей, отцов, несовершеннолетних братьев и сестер, оставшихся без родительского попечения. Что же выясняется в результате проверок? Многие из них не знают своих прав, либо их права сознательно нарушаются теми, кто по долгу службы обязан стоять на страже законных интересов будущих военнослужащих, членов их семей.

Вот наиболее характерные обращения в редакцию:

ТЕЛЕГРАММА: *«Одна воспитала сына призывника 1972 года рождения Миняева Валерия Витальевича. Других детей нет, разведена, состою на учете в диспансере, перенесла тяжелую операцию. Сына, единственного кормильца, в нарушение закона забирают в армию».*

Н. МИНЯЕВА

г. Рубежное

«Наш сын отслужил в армии год, демобилизован в прошлом году как студент дневного отделения института. Однако из-за перерыва в учебе выполнить учебный план он не смог и был отчислен за неуспеваемость. Администрация института с пониманием отнеслась к нему и разрешила продолжить занятия в будущем учебном году, но его вновь призвали в армию, хотя он поступил на работу».

В. СТЕПАНОВ

г. Харьков

«Мой сын после окончания средней школы поступил в техникум. Сейчас учится на втором курсе, однако его призывают в армию. Но в одной группе с ним учатся его ровесники, которым дают возможность окончить техникум. Как это понимать?»

В. БАЖАНОВА

г. Саранск

На все эти вопросы закон дает очень четкие ответы. Итак, внесем ясность...

Отсрочка от призыва на действительную военную службу предоставляется по семейному положению, по состоянию здоровья и для продолжения образования.

Отсрочка по семейному положению предоставляется тем из призываемых, кто имеет на своем иждивении:

— нетрудоспособных обоих или одного из родителей, если они не имеют других трудоспособных лиц, обязанных по закону их содержать. При этом не имеет значения, проживают они вместе с родителями или отдельно. Нетрудоспособными родителями считаются отец старше 60 лет и мать старше 55 лет; отец и мать — инвалиды первой или второй группы, независимо от возраста;

— двух или более детей или жену — инвалида первой или второй группы;

— одинокую трудоспособную мать с двумя или более детьми в возрасте до 8 лет, не имеющую других трудоспособных детей, которые по закону обязаны содержать мать, независимо от места их жительства;

— одного или более родных братьев и сестер в возрасте до 16 лет либо старше 16 лет, но являющихся инвалидами первой или второй группы — при отсутствии у них родителей или других лиц, которые могли бы взять их на содержание, а также при отсутствии возможности определить их в детские дома, интернаты или лечебные учреждения специального типа.

Отсрочка по состоянию здоровья предоставляется юношам, которые в результате медицинского освидетельствования признаются районной (городской) призывной комиссией временно негодными к действительной военной службе по болезни, на срок не более одного года. Отсрочка по болезни может предоставляться ежегодно в течение трех лет. По истечении трех лет они или призываются на действительную военную службу, или признаются вовсе не годными к действительной военной службе и исключаются с воинского учета, или зачисляются в запас с последующим периодическим медицинским переосвидетельствованием до достижения ими 27-летнего возраста. Если состоящие в запасе юноши до достижения этого возраста признаются при очередном медицинском переосвидетельствовании годными по состоянию здоровья к действительной военной службе в мирное время, они могут быть призваны на действительную военную службу на общих основаниях.

Отсрочка для продолжения образования предоставляется студентам дневных (очных) высших учебных заведений. При этом не имеет значения, проводится ли в вузе, где они обучаются, подготовка офицеров запаса. Однако следует иметь в виду, что лица, отчисленные из вузов за неуспеваемость, нежелание учиться или за недисциплинированность, теряют право на повторную отсрочку для продолжения образования.

Согласно постановлению ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 31 марта 1989 года № 285 право на отсрочку имеют и учащиеся дневных (очных) средних специальных учебных заведений, занимающихся по программе подготовки офицеров запаса.

Отсрочка предоставляется также учащимся общеобразовательных школ, средних специальных учебных заведений, включая вечерние и заочные, до их окончания, но не старше 20 лет, если они до поступления в средние специальные учебные заведения не имели сред-

него образования. Бывает и нередко, когда действительно возникает ситуация, как об этом пишет тов. Бажанова из г. Саранска, когда часть учащихся одного курса среднего специального учебного заведения призывают на действительную военную службу, а другой — дают отсрочку от призыва. Как это объяснить? При отсутствии в среднем специальном учебном заведении подготовки офицеров запаса в армию призываются юноши, уже имеющие среднее образование, полученное ими в средней школе. Предоставление отсрочки для получения второго среднего образования законом не предусмотрено.

И, наконец, в случаях особой необходимости Совету Министров СССР предоставлено право определять категории граждан, которым могут предоставляться отсрочки от призыва на действительную военную службу по иным основаниям.

По общему же правилу на действительную военную службу призываются лица, не достигшие 27-летнего возраста. При достижении этого возраста мужчины, получившие отсрочку от призыва для продолжения образования, а также не призванные на действительную военную службу в установленные сроки по другим причинам, зачисляются в запас Вооруженных Сил СССР.

**Письма читателей прокомментировала
С. ЗАЙОНЧКОВСКАЯ,
зав. общественной приемной**

ПО ПРОТЕСТУ ПРОКУРОРА

Не зарегистрировали

Может ли прокурор вмешиваться в избирательную кампанию? Может и должен, если нарушен закон. Например, постановлением избирательной комиссии по выборам Минского районного Совета народных депутатов от 1 февраля 1990 года генеральный директор совхоза-агрофирмы «Озерный» Г. Порутчик был зарегистрирован кандидатом в депутаты Минского районного Совета народных депутатов по Семковскому избирательному округу № 60.

Однако Минский межрайонный прокурор младший советник юстиции П. Друз нашел, что постановление избирательной комиссии Минского районного Совета народных депутатов является незаконным и подлежит отмене. В протесте прокурор указал, что произведенной проверкой выявлено: собрания трудового коллектива АТФ деревни Семесово по выдвижению Г. Порутчика кандидатом в депутаты вообще не было, а протокол собрания был сфальсифицирован заместителем секретаря парторганизации Н. Дашкевичем. Таким образом, говорится в протесте, решение о регистрации Г. Порутчика кандидатом в депутаты райсовета принято на основании документов, не имеющих юридической силы, потому и подлежит отмене. Протест прокурора удовлетворен, решение избирательной комиссии о регистрации Г. Порутчика кандидатом в депутаты райсовета 16 февраля 1990 года было аннулировано.

Н. НИСТЮК

Юрий СВЕРДЛОВ

БЛУДНЫЕ ДЕТИ

ОЧЕРК

Не раз встречал я в Москве длинноволосых юношей и девушек, выделявшихся необычным внешним видом и облачением. Видел их в центре столицы — в кафе «Арба» на Арбате, кофейне на Петровке, возле памятника Гоголю и в других местах. Знал, что относят себя к неформальному объединению, именуемому ими «система». А себя называют хиппи, «системные люди», «волосатые». Никогда раньше с ними не общался. Не считать же за личные контакты случаи, когда «тусующаяся» девица, отойдя от своих друзей, просила: «Извините, вы не дадите двадцать копеек?» Честно говоря, подобные просьбы ставили меня в тупик. Вроде здоровые, крепкие парни и девушки, кровь с молоком, а кланчат деньги. Стыдно... Тем не менее монеты давал, стараясь тут же побыстрее уйти.

Отчетливо помню стайки первых хиппарей на московских бульварах в конце шестидесятых, недоуменные взгляды прохожих при виде их экстравагантной, неопрятной одежды. Неимоверной ширины брюки-клевш, украшенные искусной вышивкой, бубенчиками и даже лампочками, загоравшимися от батарейки в кармане... Было чему тогда удивляться!

В период застоя движение хиппи, перекинувшееся к нам из США, с Запада, замалчивалось. Долгие годы его будто и вовсе не было. Но оно существовало, вопреки всем табу. И появление на городских улицах приверженцев «системы» — лучшее тому доказательство. Лишь с развитием гласности, года два-три назад появилось немало материалов о старейшем неформальном объединении молодежи. А потом вдруг эта тема пропала со страниц печати. Или о ней забыли, или... Я уж подумал, грешным делом, а не исчезло ли наряду с публикациями племя патлатых и бородатых, вызывавшее прежде повышенный интерес. Есть у нас сейчас хиппи или нет? Надо бы докопаться до истины. И вдруг такая встреча...

«ТУСОВКА» У ПАМЯТНИКА ГОГОЛЮ

Проходил я как-то по Гоголевскому бульвару. И тут мое внимание привлекла группа молодежи, облепившая мраморный постамент памятника Гоголю. Раскачиваясь в такт музыке, парни и девушки слушали двох сверстников, игравших на флейте и старой, видавшей виды гитаре с розовой ленточкой у грифа. Заунывная, монотонная мелодия резко контрастировала с какофонией звуков бурной столичной жизни.

Слушая музыкантов, я искося, как бы невзначай разглядывал их странный внешний вид. Такой же, впрочем, как и у сидевших в свободных, раскованных позах слушателей. Белесые, драные джинсы с вышитыми на заплатках цветочками, линиялые майки, длинные

волосы, перевязанные кожаным или веревочным ремешком, холщовые сумки через плечо, украшения из бисера.

Бренчавший на гитаре парень с волосами до пояса вдруг запел истуленно, надрывно, как бы стараясь перекричать уличный шум. Большая часть слов была мне явно незнакома.

— Вам непонятно, потому что мы поем на сленге, как, впрочем, и разговариваем друг с другом,— охотно пояснила босая девушка в сильно изношенных джинсах, в дырках и заплатках.— И вообще мы, молодежь, и вы, взрослые, говорим на разных языках,— улыбнулась она.

— Проблема «отцов и детей»? — спросил я.

— А что, разве ее нет? — с вызовом ответила моя собеседница.

Так впервые я оказался в обществе хиппи. Узнав, что разговаривает с журналистом, моя новая знакомая, назвавшаяся Асей, сказала:

— У нас здесь «тусовка». Что делаем? Песни поем, беседуем, обмениваемся информацией, знакомимся с хиппи, которые здесь впервые. Узнаем друг друга по «прикиду», то есть по внешнему виду. Посмотрите, у каждого на запястьях «феньки» — украшения из бисера, на голове — повязка, «хайратник», чтоб длинные волосы держала, а вообще это идет еще от американских индейцев. Узнаем «системных людей» также по «ксивнику», который на шее носится. Это маленький мешочек, где всегда хранится паспорт.

— А паспорт зачем с собой?

— На случай, если «менты» придирут. Гоняют нас частенько: «Хватит шуметь, мешаете. Давайте отсюда, чтоб вас здесь больше не видели». А кому мы мешаем? Чем? Длинными волосами? Так это символ свободы, в Древней Греции волосы стригли только рабам. Говорят, что наш внешний вид вызывающий, оскорбителен для других. Но мы хотим быть такими, какие мы есть. Никого не трогаем, и пусть нас не трогают.

Парни и девушки, рассевшись по-домашнему, тесным кругом, с интересом прислушивались к нашему разговору. Как я узнал, все они неделями, а то и месяцами не живут дома. Ночуют в квартирах друзей. Спят там вповалку, на полу, когда на ночлег набивается много народу. И «флэт», то есть квартира, напоминает тогда бурлящий муравейник.

— Почему же,— интересуюсь я,— вам хочется жить в таких условиях, почему предпочитаете их домашним удобствам, общению и заботам родных и близких?

— Да потому, что в кругу своих нам интереснее,— был ответ.— Здесь не «напрягают», то есть не ворчат, не читают нотации, не навязывают того, что не хочется делать. Хиппи категорически против любого «напряга». Будь то в семье, вузе, на работе, со стороны общества, государства.

Ну что ж, сонять ребят при желании можно. «Напряги» дома: окончил школу, а в институт не попал — все оттого, что связался с дурной компанией, по кривой дорожке пошел! «Напряги» с военкоматом: того и глядишь в армию призовут, повестки на дом шлют, вот и приходится увиливать, скрываться на других квартирах. «Напряги» с милицией: нигде не работает, не учится, ведет паразитический образ жизни. А в «системе»? Никто не «напрягает». Можно и папиросу с «травкой» выкурить, и выпить, если душа просит, всегда кто-то принесет спиртное на «флэт». Ничего, что

карман пустой, глядишь, сердобольные родители деньжат подкинут — болит ведь сердце за блудного сына: как он там?

Хиппи не скрывали от меня, что получают деньги от своих пап и мам — врачей, инженеров, литераторов, музыкантов. На мой взгляд, помощь эта сродни медвежьей услуге. Вряд ли оценят великовозрастные чада трудовые рубли, не их потом заработанные. Вот и спускают все до последнего гроша, складываясь на спиртное, наркотики, скупаемые у разного рода темных личностей, что крутятся в местах «тусовок».

В общем, не жизнь, а праздник души и тела. А наступает лето, пустеют вечно оживленные, переполненные «флэты». Группами и в одиночку «системные люди» отправляются на «трассу». Так называются традиционные маршруты путешествий хиппи. Наиболее излюбленные: Москва, Ленинград, Прибалтика, Минск, Киев, Львов, Крым. Ну и, конечно, Средняя Азия, где при желании сравнительно легко можно достать «дурь». Причем гораздо дешевле, чем в европейской части страны.

Эти поездки притягательны, желанны для любого хиппи, особенно начинающего. Их с нетерпением ждут целый год. Подумать только: сорваться с места и путешествовать по стране — без денег, автостопом! Романтический ореол странствий влечет навстречу новым впечатлениям, неожиданностям, приключениям. За сотни, а то и тысячи километров мчатся на попутных машинах «волосатые». Полуголодные, оборванные, немые... Их еще донимают вши — постоянные спутники спящих где попало пилигримов.

Главное для хиппи — «перекантоваться», дожить до благодатного времени года — лета, и тогда — в путь. Вот и «кантуются» по-разному. Питаются, в основном, из общего котла, что принесут на «флэт», то и едят. Некоторые, как я уже говорил, живут на подачки родителей или клянчат деньги у прохожих. Постоянной работы избегают, в лучшем случае устраиваются на временную: грузчиками, рабочими сцены... Ответственности никакой, а времени свободного предостаточно. И никто почти ничего не требует: если прогуляешь после перепоя или приема наркотиков, с рук сойдет. Жизнь хоть и бедная, но зато развеселая...

— И все же почему вы по-настоящему трудиться не хотите? — спросил я парня, которого другие звали «Философ», бывшего студента философского факультета университета.

— Ради чего вкалывать? — тряхнул он копной волос, — ради денег, квартиры, дачи, автомобиля? Тот, кто имеет все это, считается в обществе уважаемым человеком. А в «системе» тебя оценивают по уму и способностям, понимают с полуслова. Никому нет дела, из какой ты семьи, какое социальное положение занимает твой отец. Я, например, сын очень обеспеченных, со связями родителей. По их настоянию поступил в университет. Говорили: «Получишь диплом, мы тебя пристроим. Главное, учись». А я бросил учебу, ушел в «систему». Надоели постоянные «папярязи»: меркантильные разговоры дома, ежедневное хождение на лекции, семинары, комсомольские собрания, субботники. «Тусуюсь» уже три года и не считаю, что «иметь — значит быть, не иметь — не быть». Стоит ли учиться, чтобы со временем устроиться в престижную контору, обзавестись своим имуществом, семьей и язвой желудка? Плюнул я на такое счастье и ушел от общества, живых книг, авторитетов, морали. Теперь не учусь, не работаю, прожигаю жизнь, как говорите вы, взрослые. А по-нашему, хиппую.

Не скрою, искренняя убежденность парня в своей правоте подкупала. Особенно неприятие им меркантильного подхода к жизни. Хотя во многом я не мог с ним согласиться. Но важно было другое. Мои собеседники с жаром доказывали, что потребительские настроения родителей приводят часто к конфликту между отцами и детьми. И прежде всего в семьях, где мерило всех ценностей — чистоган, добытый неважно какими путями, где говорят одно, а делают другое. В основном хиппи — выходы из интеллигентных семей или семей, где нетрудовые доходы или высокое положение отцов на службе позволяют в избытке пользоваться материальными благами, привилегиями. Именно конфликт с родителями становится нередко последним толчком к уходу из дома. Как это и произошло с моими новыми знакомыми.

...Наш разговор прервался неожиданно. Заметив еще издали двух милиционеров, явно направлявшихся к нам, хиппи дружно встали. Ася, задержавшись возле меня, сказала на прощанье:

— Вижу, вы всерьез интересуетесь хиппи. Если хотите, могу принести вам свои путевые заметки, которые я делала на трассе. Мне они уже не нужны, а вам могут пригодиться.

Я, разумеется, согласился, и мы договорились о встрече.

В молчании, лишь изредка обмениваясь репликами, мои новые знакомые ушли. Длинноволосые, бородатые, с холщовыми сумками через плечо, всем своим видом они напоминали странников. Долго, не отрываясь, я смотрел им вслед, пока не потерял из виду. Уходя, заметил, что двое в милицмейской форме все еще шли за ними.

...Я прочел дневник Аси, не отрываясь, на одном духу. Передо мной совершенно неожиданно приоткрылась почти неведомая страница жизни — пусть незначительной, но части нашей молодежи, именуемой себя хиппи. В записках девушки я почти ничего не менял, сохранив их стиль и лишь несколько сократив. Рассказ о поездке по «трассе» привлек своей искренностью и помог мне лучше понять образ жизни «системных людей».

ИЗ ДНЕВНИКА АСИ

Мы на «трассе». Мы, это — Элла, Рита и я. Три подруги, как говорится, не разлей вода. Наконец-то покинули опустыленную Москву с ее переполненными улицами, автомобильными пробками, шумом, вечно куда-то спешащими людьми. Уехали подышать волнуемым воздухом свободы, сменить обстановку, набраться новых впечатлений.

Ехали до Калининна в электричке. Естественно, без билетов, принципиально, хотя деньги были. Народ в вагоне все больше трудовой, рабочий. Смотрят на нас осуждающе. Внешний вид наш не нравится. Мы к этому привыкли, ни на кого внимания не обращаем, продолжаем травить анекдоты.

Приехали в Калинин, вышли на шоссе в сторону Ленинграда. Разделились: Элла с Ритой, а я в метрах тридцати от них. Порознь легче «стопить» попутные машины. «Голосую». Мне повезло первой. Возле меня тормозит «дальнобой», да не какой-нибудь, а КамАЗ. Кабина просторная, вместительная. Делаю девочкам ручкой. И вот уже сижу рядом с шофером. Лет двадцати пяти, лицо простое, открытое, бесхитрое. Ехала с ним километров двести, потом еще со многими другими. В дороге рассказывала им о «системе». Некоторые впервые слышали о хиппи и смотрели на

меня, как на инопланетянку. Так и добралась до Риги. Как интересно все-таки въезжать в город с трассы, а не на поезде. Масса впечатлений в пути от природы, встреч с разными людьми!

Пришла на Домскую площадь, где, как я знала, «тусуются» хиппи. Встретили меня доброжелательно. Никакой настороженности, приветливы, как обычно в «системе», когда видят своих. Слышу: «Откуда едем?» — «Да вот из Москвы». Тут же познакомилась с двумя девушками из Ленинграда. Шестнадцатилетние школьницы, начинающие хиппи. Разговорившись, я узнала, что они тоже здесь только первый день. Предложила им ехать вместе на Гаю под Ригой, где каждое лето хиппи со всей страны живут в палатках на берегу озера возле леса. Именно там я должна была встретиться со своими подругами из Москвы Эллоу и Ритой.

Приехав на электричке, вышли на нужной нам станции. Редкие стационарные фонари светили тускло и неприветливо. Было уже темно. Куда идти, неизвестно, хотя хиппи в Риге объясняли, как найти их лагерь. Как тут сориентироваться, когда почти ничего не видно? Но где наша не пропадала! Углубились в лес, стараясь не сбиться с тропинки. Набредли на какую-то речку, мерцавшую в лунном свете, по всей видимости, Гаю. Ну, думаю, искать бесполезно, надо устраиваться на ночлег! «Девчонки, — говорю, — давайте спать, а то в темноте заблудимся». Откуда-то, вероятно с Балтийского моря, дул сильный ветер, раскачивая верхушки деревьев. Дрожа от пронизывающего насквозь холода и сырости, легли на старое одеяло, которое я достала из рюкзака. Укрыться нечем, поэтому лежали, тесно прижавшись друг к другу, чтобы хоть как-то согреться. Естественно, почти не спали.

Едва забрезжил рассвет, пошли дальше, бредя наугад по тропинкам, спрашивая случайных встречных, как найти лагерь хиппи. Никто этого не знал. Но мы упорно шли и шли, углубляясь все дальше в лес. Питались по дороге черникой, которой было видимо-невидимо. И вдруг такая радость! В просветах между соснами, высокими и стройными, как махты, сверкнул в лучах солнца какой-то водоем. Оказалось, что это озеро. На берегу старые, выцветшие, неопределенного цвета палатки. «Наши люди!» — вскричала я, увидев обнаженных, длинноволосых парней и девушек. Одни из них купались, другие загорали на белом песке. Наконец-то мы на месте.

И вскоре еще удача. Пока я с ленинградками шла вдоль палаток, раздумывая, где бы пристроиться, навстречу мне бросились Элла и Рита. Сколько радости, нескончаемых рассказов о том, как добирались сюда!

Три дня пролетели незаметно, как миг. Жили мы уже впятером, в группе «волосатых» из Петрозаводска. Хоть и была у них брезентовая палатка на десять человек, в ней мы все же не спали. Из-за надбедливых, доставлявших немалое беспокойство вшей. Да их хватает в патлатых гривах многих хиппи, спящих на «трассе» где попало. Поэтому устроились рядом с палаткой, под навесом из полиэтиленовой пленки, укрепленной на четырех шестах. Купались, загорали, варили на костре макароны, картошку, супы из пакетов. На другую еду денег ни у кого нет. Разговаривали о рок-ансамблях, искусстве, спорили о смысле жизни, религиозных учениях. Словом, время провели очень интересно.

...Из лагеря хиппи на Гае поехали во Львов. Нас пятеро: Элла, Рита, две ленинградки-школьницы и я. Позади Даугавпилс, Гомель, Житомир... Сколько впечатлений! Явились на местную «тусовку»,

прямо напротив костела. Когда увидели наконец «волосатых», вальяжно и непринужденно рассевшихся в нишах окон булочной, страшно обрадовались. Разговорились, словно мы знали друг друга тысячу лет. Взяв у кого-то адрес художника, который в случае чего может пустить переночевать, решили прогуляться. Город Львов очень красив, много старинных зданий, костелов, зелени.

Но какая «трасса» без ЧП. Пока сидели в кафе и пили кофе с пирожными, ленинградки на свою голову познакомились с двумя коротко остриженными парнями. Ну, а потом пошли вчетвером гулять, обещав вернуться через час. Пока их не было, я все боялась, как бы чего не случилось с девочками. Ведь они еще совсем молоденькие. Одна из них наконец возвратилась. Лицо испуганное, запыхалась, будто за ней гнались. Всю ее трясет:

— Ой, девочки,— говорит,— эти парни завели нас в парк. А там компания — их дружки. Взяли в залог подружку, сказав, что если не принесу им тридцать рублей, больше ее не увижу.

Денег у нас почти не осталось. Пришлось обратиться за помощью к милиционеру, дежурившему неподалеку. Тот вызволил попавшую в беду подругу. Спасибо ему. Никогда не думала, что придется искать защиты у «мента». Ведь это вопреки всем хипповским принципам.

Не успел страж порядка свернуть на другую улицу, как появился какой-то тип со шрамом через левую щеку:

— Вот что, кочочки! О том, что вы «навели» на нас «мента», знает уже весь Львов. Чтобы духу вашего в городе не было. Иначе пеняйте на себя.

Выручил один «волосатый» по кличке «Шаман», знакомый по «тусовке»: «Ничего: поможем, поживете пока у меня. Но на улице первые дни на всякий случай не выходите». Пришла к нему домой. Однокомнатная квартира. Диван, два колченогих стула, черно-белый телевизор. Человек пятнадцать в комнате, в основном на полу сидят. Парни то и дело ходили на кухню. Возвращались обкуренные, глаза осоловелые. Что было за ту неделю, которую мы там жили, лучше не вспоминать. Мне приходилось бегать в аптеки за кое-какими лекарствами, ребята их нюхали и балдели. Хорошо хоть колотья не заставляли.

Все эти дни я была в каком-то нереальном, гипнотическом сне. Однажды вся компания куда-то ушла, и я осталась, чтобы навести в квартире хоть какой-то порядок. Меня ожидала гора немытой посуды, окурков, бутылок, ампул. Хотя за год пребывания в «системе» должна была вроде к этому привыкнуть. В квартире оставался еще один парень, Эдик. Прилег на диван, сказав, что устал. Перемыв посуду, прихожу из кухни в комнату. Смотрю, лежит он, весь зеленый, и пена изо рта стекает на подушку, пузырится, левая рука, вся исколотая, свисает. На полу — шприц и пустая ампула. Кинулась к нему: жив ли? Трясу за плечи:

— Эдик, ради Бога, ну, очнись, пожалуйста.

Глаза открыл медленно так, тяжело, а в них такая боль, тоска. Говорит тихо, но внятно:

— Никогда не приучайся к этой заразе, иначе погибнешь. Я уже пропащий, не могу без нее жить.

Ну, думаю, все, пора бежать из этого «флэта». И чем быстрее, тем лучше. Поблагодарив Шамана за гостеприимство, попрощалась с подружками и ушла. Эдика уговорила уйти вместе. Иначе пропадет здесь в свои двадцать лет, не добравшись до родного Милска.

Вся его беда в том, что, как «сел на иглу», остановиться не может. А ведь раньше учился в художественном училище, пока не бросил. В редкие минуты просветления пишет стихи, занимается живописью. Но затем опять «ломка», шприц, «кайф» и так без конца. Сколько я встречала таких в «системе»!

...Наконец, мы в Киеве. Приехав на попутных машинах, принялись обзванивать хипповские «флэты» насчет ночлега. Но напрасно, повсюду полно «волосатых» из разных мест, нигде не пускают. Что делать? Залезли на крышу башни-новостройки. Расстелили там палатку, оказавшуюся у Эдика в рюкзаке. Укрывшись моим старым одеялом, спали, как убитые, пока не разбудил сильнейший дождь.

Было уже утро, и, переждав ненастье в подъезде, мокрые, мы поплелись на Крещатик, где «тусуются» «системные люди». Сообщили им, что следующую ночь хотелось бы провести не на крыше, а в тепле и уюте. Тут же нам выдали адресок какого-то «волосатого» по кличке «Дринч», прозванного так за пристрастие «дринчить вайн» — пить вино.

Поздно вечером в однокомнатную квартиру Дринча набилась такая куча народу, что негде было ступить. Все лежали на полу, вповалку. Только мы с Эдиком кое-как разместились, в комнату входит незнакомый парень, а ему и лечь негде. Я крикнула: «Иди сюда» и потеснилась, освободив место. Почему-то подумала, что он наверняка из Москвы. И не ошиблась, парень назвался Мефодием. Имя это или кличка, не знаю. Да и зачем знать, «в системе» не принято задавать лишних вопросов.

На следующий день, поговорив с ним, я узнала, что он хочет поехать в Планерское в Крыму, где находился лагерь хиппи. Я тоже собиралась туда и предложила отправиться вместе. Эдик не мог составить компанию, решив остаться в Киеве. Захватив с собой нехитрые пожитки, отправились на шоссе «голосовать».

Ехали мы три дня. С утра до вечера — в пути, ночью спали в густых зарослях кустарника, под деревьями, стараясь не удаляться далеко от шоссе. Наш затрапезный вид вызывал жалость у многих. Может быть, поэтому шоферы щедро, по-братски делились с нами пищей. И даже давали деньги, которые, расставшись, мы тут же проедали. Если Мефодий просил дыню на рынке, груши или яблоки у местных жителей, ему давали их сразу, нередко с жалостливыми причитаниями, вроде: «Как же ты, милоч, дошел до жизни такой?» Его стоптанные штиблеты, грязные, в дырках джинсы, чумазое лицо, заросшее бородой, действовали безотказно, особенно на сердобольных женщин. Так что с голоду мы не пухли.

И вот наконец Планерское. За пляжем, усыпанным мелкой галькой, на небольшой горе, заросшей облепиховыми кустами, мы увидели знакомые волосатые лица. Наконец-то! Взобравшись наверх, поставили палатку, с трудом найдя свободное место, — в хипповском лагере жило много народу.

Не успели передохнуть, как наступил вечер. Наша гора заполнилась многоголосым гулом, смехом, радостным весельем. В связи с чем, мы уже знали. «Система» собиралась отпраздновать день рождения начинающего художника, прозванного Ван-Гогом. Собралось человек двести. На пустом ящике из-под вина восседал сам виновник торжества. Разожгли большой костер. Пламя, взметнувшееся сразу ввысь, колыхалось в разные стороны, повинувшись дуновению ветра, менявшего то и дело свое направление. Огненные

всполохи выхватывали из темноты причудливые наряды длинноволосых, бородатых хиппи и приглашенных на празднество панков с экзотическими прическами — от самой невероятной длины волос разных цветов до бритых наголо. Зрелище просто фантастическое!

Из рук в руки передавались бутылки со спиртным, фрукты, купленные в складчину. Когда многоголосица разгоряченных напитками гостей приутихла, Ван-Гог взял слово:

— Пипл! — сказал он. — Как вам известно, утром меня забрали «менты», несмотря на мой день рождения. За что, не знаю, видимо, не показался им. И вот слышу, некоторые говорят, что я проданся им. Дал, мол, показания, какие требовали. Дабы никто не сомневался, что это гнусная ложь, намерен ее опровергнуть.

С этими словами Ван-Гог достал из «ксивника» паспорт и... швырнул его в огонь. Лагерь огласился восторженными воплями...

Ласковое, теплое море, чудесная природа, свои, близкие по духу люди — что может быть лучше! Но всему приходит конец, закончился и наш отдых в конечном пункте «трассы». Пора в Москву. Как говорил поэт, «покоя сердце просит». Забрав свои вещи, спустились вниз. Прошли метров сто, как вдруг какая-то сила заставила оглянуться. Видим, в сторону нашей горы идет группа пограничников с милицией. Явно разгонять хипповский лагерь, что делали они периодически. Мы уже не оборачивались, шли молча, в подавленном настроении.

Доехав до Симферополя, мы с Мефодием сели на поезд, идущий до Москвы. Только устроились в тамбуре, положив на пол наши нехитрые пожитки, как проводница нас погнала, обругав на прощание.

С другим поездом повезло больше. Удалось проехать в тамбуре до Джанкоя. Дальше проводницы не разрешили. Переночевали на вокзале, да и пошли на трассу. Это привычнее и лучше получается.

...На последнем отрезке пути, ближе к Москве, подвизивший пас «дальнобой» частенько останавливали работники ГАИ. Два оборванца, неопрятных на вид, вызвали у них явное подозрение. Не потому ли так тщательно, с особым пристрастием осматривали они нас, проверяя наши паспорта? Я чувствовала себя при этом чуть ли не преступницей или бомжем. Хотелось сжаться в комочек, стать как можно меньше. Неприветливо встречала столица блудных детей своих, да ничего не поделаешь...

На этом записки обрывались, а я мысленно вновь и вновь возвращался к прочитанному. Как бы повторяя с их автором всю поездку по «трассе». Размышлял о нелегком пути, проделанном девушкой, полным непредвиденных случайностей, риска и опасностей. Не каждый способен на такие испытания. Какая же фальшь, нездоровая обстановка должны быть в семье, чтобы выросшие дети предпочли уйти из дома, фактически на улицу.

Конечно, я понимал, что многие оказались в «системе», привлеченные лжеромантикой хипповского движения, его негативным отношением к изъянам нашего общества. Или же возможностью ничего не делать и предаваться разного рода порокам. Это тоже не следует сбрасывать со счетов, но ясно и то, что «система» создает питательную среду для правонарушений. Разве не употребляют этому бродяжничество, кланченье денег, пьянство, потребление наркотиков? Чем не криминальная обстановка! И далеко не каждому удается благополучно выпутаться из нее. О чем свидетельствует судьба хиппи, с которым я встретился в Бутырской тюрьме.

ПУТЬ В БУТЫРКУ

Я сидел в камере следственного изолятора, стараясь не думать о человеке, с кем должен был встретиться здесь. Пока его не привели, мысленно подытоживал первые впечатления от Бутырской тюрьмы, где размещалось СИЗО. Толстые, на века сделанные стены, многочисленные, перенаселенные камеры, скрежет металлических ршетчатых дверей, открывающихся лишь нажатием кнопки... Попав сюда, невольно задумываешься лишний раз над тем, что значит свобода. Что ее легко потерять, переступив грань дозволенного нормами и правилами человеческого общежития. Грань, за которой начинается нарушение закона.

В камере, где я находился, давно никого не содержали. И использовалась она лишь для встреч подследственных с адвокатами, следователями, свидетелями по делу. В тоскливом ожидании стал изучать неприхотливый интерьер. Зарешеченное окно, два обшарпаанных стула, ввинченных в пол: один у окна, другой в углу. Ветхий, убогий письменный стол без дверцы и полок.

Наконец послышались шаги, и в камере, освещенной мерцающим люминесцентным светом, появился парень в сопровождении конвойного. В полосатой куртке, ниспадающих штанах и шлепанцах на босу ногу, стоптанных не одним поколением узников. Тяжело уселся на стул в углу и застыл, низко склонив голову.

Я смотрел на этого человека и с трудом узнавал черты лица, знакомые по фотографии в уголовном деле. Где длинные, до плеч волосы, озорной, пойманный фотографом блеск в глазах? Короткая стрижка, тусклый, потухший взгляд. Какая-то обреченность в этой согнувшейся не по возрасту фигуре. А ведь парню всего двадцать один год!

— Ну как, — спрашиваю, — самочувствие?

— Тяжко. Пока сижу в СИЗО, двадцать процентов веса потерял. Ломает... Папиросу бы с «травкой», может, и полегчало бы. Да что говорить, здесь нельзя, я понимаю. Эх... — Игорь К. резко, с досадой махнул рукой, как бы отгоняя навязчивую мысль. Дрожь охватывала худосочное тело, то угасая, то вновь усиливаясь. На лице появилась мучительная гримаса.

Потом он немного успокоился, закурив предложенную мной сигарету. Жадно затягиваясь, начал рассказывать:

— Первые дни, когда привезли в СИЗО, гораздо хуже было. Головные боли доводили до полуобморочного состояния, давление падало, руки, ноги тряслись, поясницу ломило. Каждый сустав чувствовал, да так, будто в организме металлические спицы, и кто-то их крутит и крутит...

Я знал, почему этот парень сидит здесь, в Бутырке, и ждет своей дальнейшей участи — суда. Следователь, занимавшийся его делом, показал мне два полиэтиленовых пакетика с марихуаной, изъятые у Игоря. 56 граммов измельченного, зеленоватого цвета наркотика круто изменили жизнь этого хиппи, получившего в «системе» кличку Хирург. Он наркоман. Ему предъявлено обвинение в незаконном приобретении и хранении наркотических средств.

Но только ли в «травке» причина столь резкого поворота судьбы Игоря? А может, еще в чем-то, что не сразу и поймешь, когда загадка, как нередко бывает, не лежит на поверхности? Об этом я думал, беседуя с Хирургом. Вот отчего так внимательно слушал его рассказ о себе, своей недолгой еще жизни.

...Как многие другие молодые люди, Игорь из нормальной обычной семьи. Мать — инженер, отец — рабочий. Зарабатывали вполне прилично. Не нуждались, хотя и изобилия в доме не было. Жили без особых излишеств, но в достатке. Сын, единственный у родителей, с детства увлекался техникой. Постоянно что-то конструировал, мастерил нехитрые поделки, модели автомашин, самолетов, кораблей, простенькие транзисторные приемники. И поэтому не удивительно, что, окончив восемь классов, он твердо решил: «Пойду в ПТУ учиться на радиомонтажника». И родители согласились, хотя мечтали о высшем образовании для сына.

Быстро, незаметно пролетели годы учебы в училище, позади практика на заводе. Приобретена нужная, полезная рабочая профессия. Казалось, найдено свое место в жизни. Но была у Игоря еще одна неудержимая страсть, помимо любви к технике. Музыка, точнее рок-музыка, которой увлекся он в годы учебы.

Ни в чем не отказывавшие сыну родители купили ему магнитофон. И зазвучали в доме записи модных зарубежных, да и отечественных ансамблей. Зачастили друзья. Кто учился в ПТУ, а кто вообще нигде не учился и не работал. Но все такие же меломаны, как и он сам. Слушали последние шлягеры рок-групп. Игорь, как и друзья, отпустил длинные волосы. Приобрел где-то по дешевке потертые, заплатанные джинсы, навесил на себя металлические цепочки, браслеты, «фенки». На джинсовой куртке красовалось вышитое красное сердце, пронзенное белой стрелой. В левом ухе — серьга.

— На кого ты стал похож? — выговаривала мать, до сих пор во всем потакавшая сыну. — Мне перед соседями стыдно. К тому же пьешь, в квартире грязь развел, музыка постоянно орет...

— Ничего, мать, скоро мешать не буду. Еду с хиппи по «трассе» автостопом. Деньги мне не нужны, буду «аскать», просить то есть. А работать не пойду. Не хочу, и не уговаривай. — И не давая опомниться изумленной матери, Игорь ушел, хлопнув дверь, как бы ставя последнюю точку.

Не раз вспоминал Хирург этот разговор, сидя здесь в Бутырке. Но жизнь назад не воротить. Тогда его, выпускника ПТУ, закуружила, завертела вольница хипповской жизни.

— Что связывало тебя, человека рабочей профессии, с хиппи? — спрашиваю Игоря.

— Общие взгляды. Протест против лживого мира взрослых, против их продажности, нечестности, стяжательства. А что касается рабочей профессии, то ее выбор был ошибкой.

Хирург замолчал. Закурив снова сигарету, он тоскливо смотрел через окно на тюремный двор, будто трезво оценивая свое нынешнее положение. Страстная тирада, которую он выпалил, казалась ему, видимо, не к месту здесь, в Бутырке.

Мне трудно было не согласиться по крайней мере с тем, что первоначальный смысл многих высоких, дорогих прежде всем понятий девальвировался, истерся, потерял свою остроту, убедительность и притягательность. Из-за слишком частого их употребления, к месту и не к месту. Из-за того, что те, кто их чаще других произносил, сами не были образцом для подражания. Или потому, что в жизни оказалось все иначе, сложнее, чем на словах. Мало ли причин тому печальному, грустному явлению!

Наверное, неплохо, что в среде хиппарей не приемлют подобное. А что предлагают взамен? Свободу говорить и делать все, что хо-

чесь? Именно этот постулат «системы» прежде всего усвоил Хирург, став хиппи. А что еще? «Нет войне, занимайся любовью»? Первая часть этого лозунга, столь популярного среди «волосатых», явно декларативна. В борьбе за мир они, как известно, никак не участвуют, противопоставляя себя обществу и общественным движениям. Правда, демонстрируя свой показной пацифизм, они рисуют и вышивают на одежде «пацифик» — трехпалую лапку голубя на фоне земного шара. Или же всеми правдами и неправдами пытаются уклониться от военной службы, чем нарушают Закон о всеобщей воинской обязанности. Резон один: антигуманно. Вот и весь «вклад» в дело мира.

Что касается второй части лозунга «...занимайся любовью», то уж в этом «система» явно преуспела. Половая распущенность возводится в культ. Как объясняли мне хиппи, «свободная любовь» — своего рода форма протеста против ханжеской, по их словам, морали общества, ограничивающей свободу личности, право выбирать каких и сколько угодно половых партнеров. Недаром «тусовки» на «флэтах» часто превращаются в разнузданные оргии. Тот же Хирург испил до дна чашу «свободной любви». Сколько их, как зовут встречных-поперечных подруг, не помнит. Да и зачем?

«Раскрепощаясь» от морально-нравственных пут общества, Хирург вкусил в полной мере еще от одного «райского яблока» «системы» — наркомании. Впервые попробовал «травку» в одной хипповской компании в Ленинграде, где сделал остановку в той самой поездке по «трасе» после окончания ПТУ.

— Курили там папиросы с наркотиком, — рассказывал мой собеседник. — Ну и я тоже, отказаться неудобно было. Потом еще раз и еще... Что втянусь, особенно не беспокоило, надеялся на свою волю. Потом привык. Состояние «кайфа» нравилось. Помогало забыть, отвлекать от забот, проблем.

Да, проблем хватало в его молодой жизни. Работать постоянно не хотелось. Да и отвык вставать рано утром и идти, как все, на работу, ведя разгульный, ночной образ жизни. Начались неприятности с милицией. Неоднократно задерживали, когда поутру был под сильным «кайфом», после загула шел, шатаясь по улице.

Иногда устранился грузчиком на временную работу. Занимался мелкой спекуляцией. Тиражировал на своем магнитофоне пленки с записями модных зарубежных рок-ансамблей, продавая их втридорога. Или приторговывал вещами своих друзей, знакомых, беря за услуги комиссионные.

Четыре года пролетели незаметно, бессмысленно, невозвратно потерянными. Компании, пьянки, наркотики. Рок-музыка в записях или на концертах рок-групп, чаще всего самодельных, нигде не зарегистрированных, исполнявших какой-то немислимый, авангардистский рок. Проникали хиппи на их концерты, проходившие в каких-нибудь домах культуры на окраине, не через входную дверь. А... через окна туалетов — билеты, как правило, не покупали.

И вот неожиданный конец «сладкой жизни». Крах всего, что до тех пор было ее смыслом. Хирурга задержали с наркотиками сотрудники милиции. Часто, коротая дни в СИЗО, он вспоминал, как сделал последний шаг по пути в Бутырку.

...Как-то приехал Хирург на Рижский рынок. Беспечно слонялся мимо киосков, переполненных убогими, безвкусными тряпками. Мечтал хотя бы об одной папиросе с наркотиком. Деньги были — продал кое-какие «шмотки»... Вдруг к нему подошел мужчина

в тубетейке. Представился Николаем из Бухары. Узнав, что пужна марихуана, сказал, может помочь. С нетерпением ожидал вечером дома Хирург телефонный звонок от своего нового знакомого. Наконец позвонил какой-то мужчина и сообщил, что он от Николая и «гостинцы» при нем. И вот долгожданная встреча возле Дворца спорта в Лужниках. Хирургу — полиэтиленовые пакетики с наркотиком зеленоватого цвета, незнакомцу — 150 рублей.

Ну, а затем совсем не случайное «рандеву» с сотрудниками милиции, с самого начала не спускавших глаз с хиппи и торговца наркотиками. Как стало известно милицейским работникам о купле-продаже одурманивающего зелья, пусть останется секретом. Одно лишь могу сказать, милиция уже знала по оперативным данным, что Хирург регулярно приобретает «травку». И задержал его с поличным.

...Прощаясь со мной, Хирург вдруг хитровато улыбнулся и таинственно, почти по-заговорщицки сказал:

— Здесь, в Бутырке, я встретил много «системных людей». Уже как-то веселее сидеть, время коротать, зная, что по соседству свои.

Мне было жаль этого парня, радующегося, что где-то рядом его сверстники, с кем он сталкивался на «тусовках», на «трассе». Ее, эту радость, несколько не омрачало, что ожидают они суда или этапа. В основном правонарушения хиппи, которые привели их в Бутырку, связаны так или иначе с наркотиками. И об этом мне говорили сотрудники ГУВД Мосгорисполкома. Одни из подследственных торговали ими, работая на дельцов наркобизнеса. Другие незаконно приобретали и хранили марихуану, гашиш, анашу. Третьи же совершали различного рода кражи, хищения, чтобы иметь средства купить те же самые наркотики. А их, этих денег, у большинства нет, так как не работают и не хотят работать.

...Я думал о том, вернется ли Хирург опять в «систему», отбыв наказание? Казалось бы, он должен порвать с нею после такого печального финала. Но не было в этом уверенности. Как не заметил я в парне раскаяния в содеянном, в том, что стал он наркоманом, совершил преступление.

Как уже давно известно, «зона» воспитывает лишь немногих. И правонарушитель, оказавшийся там впервые, среди преступников, выйдет оттуда отнюдь не ангелом, а с определенным опытом. Более того, очень даже возможно, с новыми преступными наклонностями. Так что «система» пополнится не романтически настроенным «волосатым», а еще одним криминогенным элементом. А сколько хиппи проходят через Бутырскую тюрьму, другие тюрьмы и колонии страны! Хорошенькое же пополнение ожидает в будущем «системных людей».

ВЕРНУТСЯ ЛИ БЛУДНЫЕ ДЕТИ?

Бытует среди наркоманов поговорка: «Если хочешь обрести врага, посади его на иглу». Конечно, в жизни Хирурга и любого хиппи всегда был тот, кто первым услужливо протянул папиросу с марихуаной или вколот шприц с одурманивающим зельем. Но дело не в том, кто конкретно толкнул на путь наркомании. Любой хиппи, наверное, рано или поздно хоть раз, но попробует наркотик. Что же приводит к беде? Прежде всего слабование, желание выделиться в компании, ложный стыд быть «непонятым», осмеянным. А то и элементарное любопытство: «Разок попробую, не понравит-

ся — брошу». Часто, поймав «кайф», молодой человек уже не в силах остановиться. Первая же доза лишает его воли, и организм начинает требовать свое — все новых доз. Так «система» приносит в жертву ненасытному Молоху наркомании очередную жертву.

Конечно, далеко не все хиппи становятся наркоманами. Многих минует эта печальная участь, сгубившая столько молодых жизней. Им повезло, удалось вовремя выбраться из трясины «балдежа» и «кайфа», куда тянет «система» под лозунгами освобождения от морали и пут общества. Но сколько еще жертв перемелют жернова хипповской «системы»!

Не так уж безобидно движение хиппи, как магнит затягивающее в свои сети юношей и девушек, хотя, конечно, не оно определяет лицо нашей молодежи. Хиппуют тысячи молодых людей во многих крупных городах. Это факт нашей действительности, и от него нельзя отмахнуться как от назойливой мухи. Или не замечать, уподобившись страусу, спрятавшему голову в песок. А ведь они, эти юноши и девушки, бесцельно протирают штаны в кафе, толпятся в «трубах» — подземных переходах и других местах «тусовок», «балдеют» на «флэтах». Это они, декларируя уход от общества, фактически противопоставляют себя ему. И дело не в их свалдящихся патлах, неопрятной одежде, украшенной медальончиками, амулетиками, побрякушками.

Главное, они бессмысленно прожигают жизнь, теряя лучшие годы на ничегонеделание, предаваясь худшим порокам. Мир не без добрых людей. Но уповать на них, попрошайничать в цветущем возрасте, как последние бродяги, это уж слишком. Какая уж тут «свобода личности», столь охотно декларируемая «системными людьми»! Такая свобода явно иждивенческого, паразитического свойства. Ведь если ты потребляешь не заработанное тобой, значит это чужое. Другими словами, пользуешься результатами чужого труда.

Аморальность такого подхода очевидна для любого здравомыслящего человека. Кстати, о бродяжничестве. Можно еще понять бомжа, несчастного, забитого, гонимого. Без паспорта, постоянного местожительства, работы, семьи, часто больного. Обстоятельства толкают его на правонарушения, ставят в положение изгоя, когда он вынужден быть в бегах, опасаясь всего и вся, особенно встреч с милицией. Но совсем другое дело, когда скитаются по городам и весям, ночуют по «флэтам» молодые люди. С паспортами, крепкие здоровьем, имея семьи — пап и мам. Попрошайничают, живут на подаянии, не работают, не учатся. Или когда девушки пригоровывают своим телом, расплачиваясь за проезд на трассе. Нет, не может это вызвать симпатии!

Могут спросить: «Куда смотрит милиция?» А милиция делает свое дело, руководствуясь только законом, а не эмоциями. Не задерживает за внешний вид, каким бы вызывающим он ни казался кому-то. Если слишком шумит на улице длинноволосая молодежь, предупреждает. А задержать может, если совершенно правонарушение. Кем бы то ни было, в том числе и хиппи. Так что милиция в данном случае ни при чем.

Прежде всего школе, родителям, комсомолу нужно разобраться в причинах живучести «системы», почему влечет туда юношей и девушек. И уж потом наметить меры, чтобы нейтрализовать это неформальное движение, его пагубное влияние на молодежь. Не стоит себя утешать, что, перебесившись, хиппи образуются и вер-

нутя в родной очаг. Слишком много людей уже сломано в «системе»! Не говоря уж о тех, кто сгинул, пропал без вести во время странствий или встретил неведомо где и почему свою кончину. Можно лишь представить себе, сколь неутешно тогда горе родителей.

Надо всегда помнить, что «система» представляет собой социальную опасность, плодя тунеядцев, бродяг, наркоманов, преступных элементов, растлевая души юных — доверчивых и восприимчивых ко всему, оказавшихся за бортом жизни.

Задумаемся же о том, что нужно нам сделать всем, чтобы блудные дети вернулись!

ИЗ ПАМЯТНИКОВ ПРАВА

Если человек у кого пропало что-либо, схватил пропавшую вещь в руках другого человека, и тот, в чьих руках будет схвачена пропавшая вещь, скажет: «Мне, мол, продал продавец, я купил, мол, при свидетелях», а хозяин пропавшей вещи скажет: «Я, мол, представляю свидетелей, знающих мою пропавшую вещь», то покупатель должен привести продавца, продавшего ему вещь, и свидетелей, при ком он купил; также и хозяин пропавшей вещи должен привести свидетелей, знающих его пропавшую вещь. Судьи должны рассмотреть их дело, а свидетели, при которых была произведена покупка, и свидетели, знающие пропавшую вещь, должны рассказать перед богом то, что они знают, и тогда продавец — вор, его должно убить; хозяин пропавшей вещи должен получить свою пропавшую вещь обратно; покупатель должен взять отвешенное им серебро из дома продавца.

Если покупатель не приведет продавца, продавшего ему, и свидетелей, при которых он купил, а только хозяин пропавшей вещи приведет свидетелей, знающих его пропавшую вещь, то покупатель — вор, его должно убить; хозяин пропавшей вещи должен получить свою пропавшую вещь.

Если хозяин пропавшей вещи не приведет свидетелей, знающих его пропавшую вещь, то он лжец, взводит напраслину; его должно убить.

Законы Хаммурапи, Царя Вавилона.
XVIII век до н. э.

Человек, о котором я хочу рассказать, в длинных представлениях не нуждается. О Юрии Владимировиче Цзян Каньчжене дважды писала «Правда». Большие статьи о нем были в «Труде», «Комсомольской правде», «Медицинской газете», «Неделе», «Сибирской газете», «Красном знамени», «Дальневосточном ученом»... Журнал «Знание — сила» посвятил ему обширную статью «...Что и не снилось нашим мудрецам» (август, 1989). Не менее интригующи и заголовки других публикаций: «Ген выходит на связь», «Право на сенсацию», «Глубже познать процесс жизни», «Тариф для волшебника», «Ключ к биопревращениям», «Открытие Цзяна»...

Вот об открытии доктора Цзяна, а точнее, о связанных с ним перипетиях и пойдет речь. Началась эта история девять лет назад, конца же не видно до сих пор. Впрочем, разберемся во всем по порядку.

Много лет минуло с тех пор, как молодой китайский ученый Цзян Каньчжен, спасаясь от «культурной революции», бежал в Советский Союз, где, как верилось, будут все условия для углубленных занятий любимой наукой. Но не слишком-то радушно встретила доктора Цзяна наша страна. Лишь к осени 1981 года он, успевший к тому времени поработать плотником, истопником, санитаром в глухом леспромхозе, лаборантом в Хабаровском медицинском институте и сторожем в домопостроительном комбинате, восстановил в подвале своего дома установку био-СВЧ-связи, сконструированную им еще в бытность заведующим лабораторией Китайского Медицинского Университета.

На это ушло три года напряженного труда и материальных лишений: все делал за свой счет и своими силами. Цзян не просто воссоздал установку, но и усовершенствовал ее. И уже к осени 1981 года добился на ней хороших результатов по изменению наследственных признаков кукурузы: сделал ее кустистой, облучив биополем пророщенных зерен пшеницы. Это позволило утроить выход зеленой массы с гектара и удвоить количество собираемого зерна.

Полученные еще в Китае и уже здесь, в Хабаровске, результаты были столь многообещающими, что Цзян Каньчжен просто не мог не принятаться за составление заявки в Комитет по делам изобретений и открытий СССР. И хотя он уже десять лет жил в Советском Союзе, но все же не до конца освоил русский язык и все сложности научной терминологии. К тому же являлся лицом без гражданства. А после того как тему «Борьба с раком при помощи био-СВЧ-связи» руководство Хабаровского мединститута закрыло по указанию свыше, вынужден был стать сторожем в домопостроительном комбинате. Заявку же писал если не на открытие, то уж, во всяком случае, на крупное изобретение. В ней речь шла о способе изменения наследст-

венных признаков биологических объектов и устройстве для направленной передачи биологической информации.

Помогли ему в оформлении документов специалисты из Всесоюзного центра патентных услуг, но знающие люди подсказали: заявку в Комитет надежнее отправлять через какую-нибудь солидную организацию, чем лично от себя. Ну кто всерьез воспримет результаты, полученные в подвале частного дома? Тут неминуемо жди отписки, составленной по всем канонам бюрократического словоблудия.

Во всеилии бюрократии Цзян к тому времени убедился на собственном горьком опыте, поэтому советам знающих людей вял и пришел в Хабаровский фармацевтический институт, ректора которого он знал, когда тот был деканом фармацевтического в медицинском институте, а он — лаборантом. М. А. Джумаев объяснил ему, что нужны все материалы по заявке, тогда будет создана экспертная комиссия из специалистов, которая во всем и разберется. Так заявка Цзяна оказалась в фарминституте.

Первую скрипку в той злосчастной для Каньчжена комиссии играл молодой заведующий кафедрой физики, кандидат физико-математических наук, специалист в области твердых сплавов С. Ф. Воропаев.

Сторожу Цзяну пришлось детально и подробно объяснять кандидату наук Воропаеву суть дела. И не напрасно. Сергей Федорович все понял и проявил к работе безвестного китайца весьма обостренный интерес: в течение двух недель осматривал и обмерял его установку био-СВЧ-связи, описывал ее устройство. Вы спросите: зачем? Кажется, только затем, чтобы во всем досконально разобраться и дать объективное заключение. На это надеялся и Цзян, тем более что кандидат наук был тогда не только любознателен, но и доброжелателен. Но... всему свой срок.

Вскоре с ним произошла резкая метаморфоза — почище чем с кукурузой, у которой из одного зерна вдруг проросло до шести стеблей, а на верхних метелках появлялись пшеничные колосья. От показного благодушия С. Ф. Воропаева после того, как он полностью скопировал установку Цзяна, не осталось и следа. «Все идеи этого китайца — ерунда! — безапелляционно отрубил он. — Никакого открытия нет!»

Другой бы на месте Цзян Каньчжена вял научному авторитету и бросил начатое на полпути. Но не тот характер. Несмотря ни на что, он заявил, что больше никаких отношений с фарминститутом у него не будет, и послал-таки заявку в Комитет по делам изобретений и открытий, датированную 30 декабря 1981 года.

...С тех событий минул год. И неожиданно стало ясно, что Воропаев не забыл «бредовые» идеи китайца, у которого и диплома-то о высшем медицинском образовании не было. Снова удостоил его своим визитом, да еще по какому поводу! Он, оказывается, времени даром не терял: за 40 тысяч рублей на кафедре физики ХГФИ была сделана установка био-СВЧ-связи. Все вроде бы скопировал — ведь две недели мерил и записывал! «Почему она не работает?» — с этим вопросом пришел ученый муж к сторожу ДСК.

А тот, хоть и сторож и лицо без гражданства, а возмутился: — Ты не имел права так делать!

— Ладно-ладно, — успокоил его заведующий кафедрой. — Все равно никто твою заявку рассматривать не будет. Ты давай-ка отрегулируй установку, а я тебя за это возьму в соавторы. По рукам?

По рукам они не ударили. Цзян, правда, согласился осмотреть

установку, собранную в подвальном помещении фармацевтического института. Форму новоявленный специалист «по био-СВЧ-связи» малость изменил, а суть, понятное дело, оставил. Но не работал проклятый агрегат! У безвестного китайца работал, а у кандидата наук — ни в какую! Вот бы заставить упрямого Цзяна раскрыть секрет!

И пустился Сергей Федорович во все тяжкие. Первым делом попытался присвоить чужое изобретение. Выступая на научно-методической конференции в г. Хмельницком, он поведал ученому миру «Об информативности собственного электромагнитного излучения биологических систем». Во втором его докладе живописалась «Установка и методика исследования собственного электромагнитного излучения биосистем в микроволновом диапазоне». Материалы конференций были опубликованы. В тезисах выступлений С. Ф. Воропаева, который на всякий случай взял в соавторы еще несколько человек, о Цзяне нет даже упоминания, а вот суть его изобретения изложена довольно подробно.

Чтобы замаскировать свои неблагоприятные действия, Сергей Федорович состряпал «Договор о проведении испытаний». В нем завкафедрой даже пообещал, что в случае получения положительных результатов он поддержит дальнейшие исследования Цзяна. Последний, правда, увидел этот договор лишь спустя несколько лет.

Чтобы как-то усыпить подозрительность несговорчивого Цзяна, С. Ф. Воропаев сочинил свое «Гражданское обязательство». В конце этого, мягко говоря, странного документа, изобилующего натяжками, неточностями и противоречиями, он обязался: «Не публиковать от своего имени материалы, касающиеся вопросов, изложенных Цзяном в своей заявке на открытие», а кроме того, пообещал, что «работы по проверке феномена Цзяна в ХГФИ будут проводиться только при его руководстве и личном участии».

Но упрямый изобретатель не поддавался. Тогда Сергей Федорович решил подключить к делу крупнокалиберную артиллерию. Дважды в Хабаровск из Москвы снаряжались авторитетные комиссии, возглавляемые маститыми учеными, и оба раза были попытки принудить исследователя к сотрудничеству с человеком, который его, если выражаться неллицеприятно, обворовал. Однако крепким орешком оказался Цзян Каньчжен, да и времена начали помаленьку меняться.

Он сам решил защищаться и написал заявления в Фармацевтический институт, в краевой комитет народного контроля, крайисполком и крайком партии. Оттуда ему ответили, что С. Ф. Воропаев, занимавший и опубликовавший его идеи, поступил неэтично, и указали, что окончательное решение споров об авторстве — компетенция правоохранительных органов. Эти, мол, споры решаются в судебном порядке на основании ст. 109 Основ гражданского законодательства, ст. 499 и 519 ГК РСФСР, п. п. 155 и 156 Положения об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях.

Почему-то эти достаточно осведомленные инстанции не упомянули о ст. 141 УК РСФСР, часть вторая которой ложится на «деяния» кандидата физико-математических наук без каких бы то ни было изъяснений. Тут и оглашение изобретения без согласия изобретателя, и попытка присвоить авторство изобретения, и принуждение к соавторству на изобретение — все было. Таким образом, состав преступления налицо. А наказание? Если уж не лишение свободы, то исправительные работы на срок до двух лет или хотя бы штраф до

трехсот рублей. Ничего подобного не последовало. С. Ф. Воропаеву было строго указано на недопустимость подобных действий. И как он перенес столь «суровое» наказание?!

Перипетии этой некрасивой истории длились девять лет. Но вот 27 февраля 1990 года Госкомитет по делам изобретений и открытий принял решение, которым заявка доктора Цзяна от 30 декабря 1981 года признана обоснованной. Таким образом, через 9 лет и два месяца все встало на свои места. Почему так долго рассматривалась заявка, несмотря на всю очевидность и всю уникальность достигнутых изобретателем результатов?

Юрий Владимирович, он теперь, слава богу, не сторож и даже не лаборант, а руководитель Хабаровского филиала отдела общей и клинической патологии Института клинической и экспериментальной медицины Сибирского отделения АМН СССР и с августа прошлого года — полноправный гражданин СССР, по-прежнему полагает, что главный виновник задержки — С. Ф. Воропаев. Однако послушаем самого С. Ф. Воропаева. Беседуя с собственным корреспондентом «Труда» И. Красиковым, он и в 1989 году был все так же категоричен: «Ничего научного в его (Цзяна) теории нет. Это скорее шарлатанское любительство...»

Правильно И. Красиков усмотрел в такой безапелляционности заявкы. Поскольку выяснил, что сам Воропаев делал попытку заявить в Хабаровский филиал Всесоюзного центра патентных услуг о своем изобретении способа передачи наследственных признаков биосистем. Однако эксперт патентного ведомства О. Рубинчик заявку отклонила, усомнившись в авторстве соискателя (слышала об аналогичной работе Цзяна). Больше там Воропаев не появился.

Собкор «Труда» резонно ставит вопрос: мог ли Цзян при таких условиях рассчитывать на бескорыстную помощь со стороны коллег и обеспечение в Хабаровске условий чистоты своих экспериментов? Его работу растаскивали по кускам, оставляя лишь слабую надежду на «соавторство».

Хотел и я встретиться с Сергеем Федоровичем, послушать, как и что он будет отвечать на вопросы, касающиеся попытки присвоить изобретение доктора Цзяна. Увы, мне повезло меньше, чем И. Красикову. Много раз я звонил в отдел кадров Фарминститута, но ни адреса, ни домашнего телефона С. Ф. Воропаева мне там не назвали. Так повисли в воздухе мои вопросы к С. Ф. Воропаеву...

Осталась и серия вопросов не только к нему. Может ли С. Ф. Воропаев и далее возглавлять кафедру, руководить научно-педагогическим коллективом? С кого будут взысканы 40 тысяч рублей, потраченные на копию установки Цзяна?

Институтскому начальству, конечно, виднее.

Вы спросите, почему Цзян Каньчжен не обращался в правоохранительные органы для защиты своих интересов? Слишком уж неприятные ассоциации связаны у него с этими органами. Несколько раз его пытались привлечь к уголовной ответственности за якобы незаконное врачевание, допрашивали, мотали нервы. Даже за пределы Хабаровска, до ближайшего совхоза, где росла выведенная им кукуруза, его и то выпускали с оговорками — лицо без гражданства, а значит, подозрителен, как бы чего не вышло...

Кроме того, хотелось бы высказать такое предположение: может все-таки на Цзяна возможно распространить действие части 6 статьи 2 «Положения о порядке присуждения ученых степеней и присвоения ученых званий», утвержденного постановлением Совета

Минястров СССР от 30 декабря 1989 года? И ему без защиты диссертации присвоить ученую степень доктора наук как автору двух крупных изобретений и одного открытия, обеспечивающих значительный вклад в ускорение научно-технического прогресса в стране? Тысячи больных, которых он вылечил от страшных болезней, думаю, подписались бы под таким ходатайством. Да вот беда, представление в ВАК должны направлять Государственный комитет СССР по науке и технике и Академия наук СССР, а там, видимо, работают несклонные к эмоциям мужи.

Предлагаемое решение, кстати сказать, не противоречило бы части 3 статьи 47 Закона о изобретательстве в СССР, проект которого опубликован для обсуждения. Там тоже говорится, что автору изобретения, использование которого дало возможность решить крупную научно-техническую проблему в народном хозяйстве, может быть присуждена ученая степень кандидата или доктора наук без представления диссертации. На худой конец можно было бы воспользоваться частью 2 той же статьи и присвоить доктору Цзяну почетное звание «Заслуженный изобретатель СССР», чтобы хоть как-то компенсировать те невзгоды, которые он претерпел по вине бюрократов. Но я, видимо, слишком многого хочу. А пока доктор Цзян не получил от государства на свои исследования ни копейки. Кто-то, видимо, считает, что его энтузиазм и силы беспредельны...

И все же мне хочется закончить на оптимистической ноте. Сей час обстоятельства, кажется, повернулись в лучшую сторону. Цзян Каньчжена недавно принял депутат Верховного Совета РСФСР, прокурор Хабаровского края В. Г. Степанков. Больше часа длилась их беседа, о многом наболевшем рассказал Цзян, в том числе и о попытках украсть его изобретение, предпринятых С. Ф. Воропаевым. Прокурор обещал во всем разобраться и принять предусмотренные законом меры.

Может, справедливость все же восторжествует и талант будет защищен, а порок наказан? Поживем — увидим. Но хочется надеяться на лучшее. В заключение позволю себе напомнить известное: талантам надо помогать, бездарности пробьются сами.

Е. ИЦЕНКО,
доктор юридических наук

«ВЫГОДНАЯ» НАХОДКА

Берег Москвы-реки, где находится Центр международной торговли («Совинцентр»), обычно не очень многолюден. Лишь машины пешеходов окружают это здание с зеркальными окнами. Но бывает, что отделению милиции, а затем и Краснопресненскому суду малолюдное с виду, но исключительно деловое место причиняет беспокойство...

Житель Тулы Рафаилов приехал в столицу, как и многие, за продуктами. Но ему в отличие от многих других «повезло» как шикому. Проходя возле гостиницы «Украина», он заметил и подобрал на тротуаре бумажник. В нем были кредитные карточки, на которые можно отовариться в валютных магазинах. Об этом Рафаилову поведал какой-то уличный доброжелатель и показал рукой на другой берег Москвы-реки, где виден «змий-искуситель» — «Совинцентр», в валютных магазинах которого всего полно и не надо носиться галопом по городу, стоять в очереди, чтобы купить какую-то колбасу по 2.20. Стоит лишь перейти через мост и...

Можно догадываться, какие мысли вихрем закружились в голове Рафаилова, когда он направился в «Совинцентр», в магазины «Березка» и «Тройка», находящиеся по соседству на первом же этаже.

Возвращался Рафаилов отягощенный нелегкой ношей. В сумках и свертках находились две упаковки духов, три упаковки туши, две помады, две коробки теней, женские туфли, шесть блоков «Винстон», несколько галстуков, женские и мужские брюки, рубашки; продуктовые дефициты — банки ветчины, севрюги, печени трески, грибы. Всего Рафаилов закупил вещей и продуктов на сумму более 416 инициальных рублей.

Конечно, можно представить состояние человека, который впервые в жизни попал в царство изобилия, но Рафаилова на выходе остановили. Не знал тульский житель, что, покупая вещи и продукты в двух разных магазинах, он путем обмана, то есть выдачи не принадлежащих ему кредиток за свои, завладел имуществом в магазине «Березка», а затем и объединения «Тройка», не являющегося социалистической организацией. Кроме того, при задержании он оказал сопротивление, соединенное с насилием. Короче, действия Рафаилова были квалифицированы как уголовно наказуемые, и Краснопресненский районный народный суд приговорил его к лишению свободы на 1 год и 6 месяцев по ч. 1 ст. 93, по ст. 151, по ч. 2 ст. 146 УК РСФСР.

Ю. МОРОЗОВА,
студентка МГУ

ПРАВО СИЛЬНОГО, или Грустный монолог выпускницы средней школы

Смотрели сегодняшние газеты? Доминирует в них (как вчера, позавчера и, уверена, так будет еще долго) одна тема: закон, право, правовое государство... И вот всякий раз, прочитав обличительное выступление очередного публициста, думаю — а что знаем о законе, о праве мы, недавние школьники, сегодня уже люди со средним образованием? Есть в школьной программе правовая дисциплина, вроде бы все мы проходили, все изучили, но все равно остался вопрос — как соприкасается право, которое преподавалось в школе, с конкретной жизнью? По-моему, не очень... Дело не только в плохом учебнике, а в том, что очень далеко оно от нашей действительности. Убедились мы в этом задолго до выпускных экзаменов, в самой школе.

Пригласили мы с подругами на школьный вечер знакомых ребят, наших друзей. Кто-то из них учился в другой школе, кто-то уже работал. Но вот закончился наш вечер и выяснилось — у одной из школьниц пропала куртка. Все возмутились. И мы возмутились. И вместе со всеми повторяли: «Куда смотрит милиция?»

На следующий день выяснилось, что милиция смотрит непосредственно на нас, ибо мы пригласили в школу «чужих» ребят. Следователь уже в школе. Нас ожидает... Так впервые столкнулась я с «правом», которое, как выяснилось, предоставлено мне было лишь в одном: оговорить себя и признать, что это именно я «навела» ребят на злополучную куртку. Позже выяснилось, что офицер милиции опробовал такой метод на всех нас без исключения — требовал признаний, грозил, оскорблял... Правда, все с глазу на глаз, без свидетелей.

Куртка нашлась через день. Никакого криминала, как выяснилось, нет. И что же? Вы думаете перед нами извинились? Ничего подобного. По какому же праву? Получается, по праву сильного. Станет еще милиция извиняться перед какими-то школярами... Да кто мы такие?

Не сразу забылся тот случай. С трудом утихала обида на несправедливость, на агрессивное хамство (другого слова, вспоминая беседу с милиционером, подобрать не могу). Кругом все осуждают сталинщину, к правовому государству призывают, а ты в своей же родной школе никак не защищена от беззакония и произвола.

С детских лет слышишь: «Гражданин имеет право...» Скажите, где это право? Только ли право сильного? Но оно отвергает. И есть ли надежда на право поистине демократичное, гуманное, справедливое?

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЗАЩИТНИК: КТО ЭТО?

Скажите, положа руку на сердце, часто ли вам приходилось видеть в зале судебных заседаний облеченного доверием трудового коллектива общественного защитника? Слушать его речь... Ведь такой участник процесса действующим законодательством также предусмотрен. А что на деле?

Итак, я — общественный защитник. Коллектив передал мне соответствующие полномочия, закрепив это в необходимых документах, которые, по мнению специалистов, оформлены безупречно. Стремясь оправдать доверие коллектива, старательно готовясь к участию в судебном процессе, усиленно пополняю правовые знания, занимаюсь юридическим самообразованием.

Решила в обусловленный законом срок и в установленном порядке ознакомиться с материалами дела. Но мне это не позволили. Почему? Ведь статья 47 УПК РСФСР существует! В качестве защитника допускаются адвокаты, представители общественных организаций, профессиональных союзов... Обвиняемый, как мне хорошо известно, вправе иметь защиту в лице не только юриста-профессионала, адвоката, но и представителя организации. Упомянутый представитель профсоюзной или иной общественной организации действует от своего имени. Его процессуальное положение, его права и обязанности признаны законом. Он может вступить в процесс со стадии ознакомления обвиняемых с материалами дела.

...Я получила дружный отпор от представительшей нашей Фемиды и не очень внятные объяснения, что-де закон, конечно же, есть, но есть еще и судебная практика. И вот эта самая практика... Словом, нечего общественному защитнику мешать работать юристам-профессионалам, разводить правовую самостоятельность. И все на этом. Какой я должна была сделать вывод? Есть хороший закон, но он не работает. Его, оказывается, можно отвергнуть, ничуть при этом не рискуя. Ответственности никто не несет. Или я сгущаю краски?

Направляя вам это письмо с просьбой опубликовать его и помня о действующем законодательстве, я сознательно опускаю всю конкрету, но, смею вас заверить, бороться за свои законные права намерена до конца, коллектив мне в этом поможет. И, конечно же, мы все очень надеемся на вашу помощь — мы готовы ответить на все вопросы, представить все документы.

Что же касается собственно публикации, то считаю необходимым попытаться хотя бы обозначить проблему — согласитесь, она существует. А может, я не права? Может, поправит меня со страниц вашего журнала тот самый читатель, кому, будучи общественным защитником, удалось реализовать свои предусмотренные советским законом права. А хорошо бы еще с судьями поговорить, с прокурорами, с юристами. С теми, у кого большой профессиональный, жизненный опыт. Что они по этой проблеме думают? Каким видят об-

щественного защитника сегодня, когда реформируется наша жизнь и, стало быть, право тоже, когда активно идет процесс демократизации, день ото дня усиливается роль общественных институтов и все это придает правовым проблемам особую остроту.

Е. ВАРАВА,
общественный защитник

г. МОСКВА

Уважаемые читатели!

КОГДА ВЫ БУДЕТЕ ДЕРЖАТЬ В РУКАХ ЭТОТ НОМЕР ЖУРНАЛА, ПОДПИСКА БУДЕТ В РАЗГАРЕ... И, НАВЕРНОЕ, ВЫ УДИВИТЕСЬ: ОТЧЕГО НАШ ЖУРНАЛ В 1991 ГОДУ БУДЕТ СТОИТЬ ДОРОЖЕ? КОНЕЧНО, НЕ ВСЕМ ЭТО ПОНРАВИТСЯ. НЕ ВСЕМ БУДЕТ ПО КАРМАНУ. НО МЫ, КОЛЛЕКТИВ РЕДАКЦИИ, В ЭТОМ НЕ ВИНОВАТЫ. ТАКОЕ РЕШЕНИЕ ДИКТУЕТ РЫНОЧНАЯ ЭКОНОМИКА И ХОЗРАСЧЕТ. СО СВОЕЙ СТОРОНЫ ОБЕЩАЕМ СДЕЛАТЬ ВСЕ, ЧТОБЫ ВАМ НАШ ЖУРНАЛ ПО-ПРЕЖНЕМУ БЫЛ ИНТЕРЕСЕН.

РЕДАКЦИЯ

Бой в кишлаке

ПОВЕСТЬ*

Есенков вытер пот со лба; и на старуху бывает проруха — почудилось. В это время на улице грохнул выстрел, ему ответила короткая автоматная очередь, затем последовала очередь длинная, отчаянная, на весь магазин, и Есенков, почувствовав недоброе, в несколько прыжков одолел двор, прижался к стенке дома. Выглянул на улицу. Недалеко от Крыгина, раскинув руки в стороны, лицом вверх лежал есенковский тезка и земляк Володя Линеv. Заостренный подбородок его был высоко задран.

— Как же так? Как же так? — у Есенкова дрогнул рот, губы плаксиво, по-мальчишески поползли в стороны. — Володя, — прошептал он, пытаясь справиться с безвольно разъезжающимся в разные стороны ртом. — Володя! — кадык у Есенкова дрогнул, дернулся, пополз вверх, не удержался, съехал вниз. Потом снова пополз вверх, застрял там; Есенков немало видел убитых, и своих, и чужих, всякий раз он воспринимал смерть однозначно — с болью, хотя особой достоевщины в переживаниях не было, на войне не место переживаниям, гибель Крыгина нехорошо встряхнула его, даже кости захрустели — Пинцета было жалко, как и всякого другого человека, а вот Линеv подрубил его под самые колени... Кадык больно дернулся и скакнул вниз. «Володя!» — снова позвал Есенков, но Володя Линеv не откликнулся на зов, он лежал, задрав неестественно острый подбородок, и не шевелился. Автомат выбило из рук Линева и отшвырнуло метров на пять в сторону. Одна нога была с изломом подвернута под тело, руки вольно, словно бы в полете, раскинуты.

Прижав ладонь к губам, Есенков попытался справиться с собой, но и эта попытка не удалась, хотя в следующий миг на смену боли, недоумению, неверию вновь пришло спокойствие, и было оно

* Окончание. Начало в № 9.

каким-то новым — злым, расчетливым. Это было, наверное, то самое состояние, которое возникает у бывалого солдата перед тяжелым боем. Возникает порою из мути, из бешенства, из рвоты, невесте еще из чего, подминает под себя, выпрастывает из оболочки человека, убирая из его непрочной шкурки все слабое, слезное, сомневающееся, оставляя только то, что нужно для войны и боя.

— Ну ладно, ну ладно,— прошептал Есенков, бросил на Линева прощальный взгляд, осознавая окончательно, что Володе уже ничем не помочь,— счет мы сравняем, Володь, за тебя... Обязательно сравняем.

На толстый негнувшийся кусок проволоки, валявшийся под ногами, он снова насадил панаму, высунул ее из-за глиняной стенки — в тот же миг, отзываясь на движение Есенкова, щелкнул, раскάλываясь на несколько частей, сухой воздух. Пуля аккуратно, почти невесомо, проткнула верх панамы, со шмелиным жужжаньем ушла в угол дувала, ударилась о камень, отрикошетила. В ту же секунду одна из овец, заблевав жалобно, попыталась по-собачьи поджать под себя ногу, затем попробовала опереться на нее — узкая изящная нога подломилась, и овца снова жалобно, как-то слезно закричала. Пуля перебила ей кость. Пока стрелок передергивал затвор, Есенков высунулся, дал из автомата очередь по крыше, но не достал. Надо бы ближе, ближе, но как подобраться к стрелку ближе?

— Все равно ты от меня не скроешься, не уйдешь, сволочь! — пробормотал Есенков.— Где же Спирин с гранатометом, где Спирин?

С крыши вновь ударил выстрел. Пуля со смачным чавканьем пробила глиняную плоть дувала — звук был мокрым, будто свинец шлепнулся в грязь,— скользнула вниз, в основание стенки, и увязла в земле. После автоматной очереди стрелок будет держать на мушке Есенкова — значит, очередь он посчитал опасной, а дувал, где находятся ребята, для стрелка менее опасен, чем Есенков. Ну, а если по правде, то стрелку ни Есенков не опасен, ни ребята. Опасен только гранатомет, который что хочешь снесет с крыши, будто сор, не только стрелка. Где же Спирин, где Спирин? Есенков злился на Спирина и одновременно тревожился за него: а вдруг, действительно, они не учуяли бородатого духа, поменявшего обычную земную плоть на бестелесную, дух бесшумно сгреб Спирина и уволок за дувал? Кто за Спирина ответит? Конечно же, старший. По фамилии Есенков.

— Что делать, что придумать? — Есенков погрыз ноготь, потом скусил заусенец — сделал это машинально, не контролируя себя, внимание его было сосредоточено на стрелке и полый, тревожный тишине.

Приподнялся на носках и, прикрываясь углом дома, снова оглядел пустую жаркую улицу. От земли поднимался сизый кудрявый парок, струился невесомо и легко, словно бы шел от догорающего костра. Верно ведь: земля здешняя походит на кострище — место, где разводят огонь, обжигает, выедаёт ноздри, глаза, будто дымом, — пыль, поднимающаяся на дорогах, хуже и ядовитее дыма. Есенков зажато вздохнул — как не походит она на ласковую землю его родины. Что может быть нежнее и добрее своей земли? Если только другая земля, что тоже своя? Ему показалось, что Линева жив — вроде бы донесся глухой стон. Показалось или он услышал стон наяву? Пинцет, точно, убит: пуля перемешала Крыгину мозги, кровь, кости, будто мутовкой, голова у него вспухла от

пробоя, а вот земляк... Хоть и лежал он, как убитый, но, может быть, все-таки жив? Есенков напрягся, всматриваясь в Линева — глазам сделалось больно, пространство зарябило, земля покрылась кровавнистым крапом, крап размазался, пошел мокрыми радужными разводами. Есенков стер слезы с глаз.

Мертв Линева. Что скажет Есенков родителям Линева, когда вернется домой, как посмотрит им в глаза? Ведь Володя единственный у них, больше никого у Линева, только двое в семье и осталось — старик и старуха. Как они будут жить дальше? Уж лучше самому в таких случаях лежать в пыли, облепленным мухами, задрав подбородок и безжизненно раскинув руки в стороны. Радужные разводы перед глазами исчезли, земля очистилась от крапа. С крыши снова грохнул выстрел, пуля срезала с гребня дувала глиняную нашлепку, взбила фонтан. Есенков даже не шевельнулся — пусть бородачатый стрелок бьет, сколько хочет, и пусть бьет именно по этому дувалу, а не по тому, где сидят ребята.

— Давай, сволота, давай, — пробормотал Есенков.

Через несколько секунд выстрел снова ударил. Нет, стрелок теперь не оставит Есенкова в покое, будет бить и бить, раз за разом вылуцивать из стенки глину. Робкая, чуть приметная улыбка скользнула у Есенкова по лицу.

Опять ударил выстрел, пуля с хрустом врубилась в дувал, вернула из стенки камень.

У пули каждый раз бывает разный звук, все зависит от того, что попадет под клюв.

— Давай, давай, дух, пали, пали! Глядишь, в копеечку попадешь, — пробормотал Есенков, лицо его чуть отмякло — он теперь знал, что будет делать. На дедовский манер приложив руку к уху, послушал небо: не идут ли вертушки? Вертолетов не было. Пали, выплевывая боеприпасы!

Он неожиданно понял, что прошлое его, все прожитое ранее — двадцать лет, оставшиеся позади, — это так себе, обычные трепыхание по жизни, веселая возня перед теми страшными минутами, сквозь которые он сейчас пытается пройти, — собственно, ради этих минут он и прожил двадцать лет. Только вот какая штука: именно в эти страшные минуты он вспоминает безмятежное прошлое — очень уж безмятежное, совершенно лишённое темных красок, легкое: вспоминает свой маленький городок, долгие летние закаты, танцы и Люду Гирькову, при упоминании о которой у него щиплет сердце, как перед боем, в те самые опасные минуты, сопровождаемые непонятной опасной тишью.

За спиной, по ту сторону пространства, отделенного домом, опять раскололся воздух — бородачатый снайпер был верен себе, стрелял теперь методично, раз за разом, без выбора. Пуля тонко, по-скворчиному свистнув, вонзилась в стену сантиметрах в шестидесяти от Есенкова, утонула в плоти, — дальнейшее движение ее не было слышным.

Есенков вновь подумал о гранатомете, лицо у него сделалось твердым и тяжелым, губы сжались, был бы Спиринов со своим «самоваром» здесь — душок давно бы прекратил стрельбу. И Володя Линева не лежал бы сейчас в пыли. С Пинцетом было все понятно, Спиринов тут ни при чем — либо Крыгин, либо Есенков, один из них должен был лечь; и душман почему-то выбрал Крыгина, но будь гранатомет — больше бы он не взял ни одного человека, Есенков бы ему не дал. Если бы, да кабы... Есенков сжал кулаки,

Собственная земля, маленький городок с одуванчиковыми полянками и лужайками, с тихим звоном церквей и голубиными стаями остался так далеко, что теперь уже кажется — нет его вообще и, может быть, даже никогда не было. И тихой, с ровным твердым дном реки не было, и крутогоров, спускающихся к воде, и коз с козлятами, этих рогатых чертей почему-то в его городе считали главной домашней живностью, — ничего этого не было.

На плоском, со скособоленной макушкой холме, покрытом нежной, всегда зеленой и мягкой весенней травой — холм назывался по-старинному торжественно Башенной горой, — Володька Есенков часто видел двух коз беспривязного содержания, двух угловатых, с нежными лицами девчонок. Девчонки учили козлят, чтобы те, словно верные собаки, таскали им конфеты, не отказывались даже от леденцов. Иногда это удавалось, и тогда девчонки счастливо смеялись. Есенкову с Линевым очень хотелось познакомиться с ними, да все никак не получалось — робели, тушевались.

— Чего мы ждем? — спросил как-то Есенков.

— Не знаю, — ответил Линева, неопределенно приподнял, устремил виноватый взгляд в небо.

— А они чего ждут?

— Татар, — вдруг весело усмехнулся Линева, сделал резкое каратистское движение — он тогда занимался этим убойным видом спорта, — и Есенков понял, что Володя пытается подавить в себе робость — как подавит, так и подойдет к «козам беспривязного содержания».

Одной из этих девчонок была Люда Гирькова, другая девчонка уехала в областной центр, там теперь дожидается возвращения Володи Линева. А Володька... Стоит ли после этого жить ему, Есенкову? Как он явится в Володькин дом, к его родителям, живой, с руками и ногами, с солдатским орденем на груди, счастливый, когда... кадык у Есенкова снова дернулся, подпрыгнув вверх, уперся во что-то твердое, рот задрожал. Щелкнул очередной выстрел, перед Есенковым со стремительным визгом пронеслась красная муха, шилом проткнула дувал и всадила в землю — душман ударил цветной пулей, трассирующей. Цветные пули бывают очень удобны в бою — видно, куда идет очередь, можно всегда довернуть, поправить.

В последний раз Есенков прислушался к небу — нет ли вертолетов? По времени двойка вертолетов вот-вот должна прийти, придет, и все тогда закончится очень просто и быстро, но вертолетов не было. Задерживаются, не могут пройти — рубят «стингерами»? А если они задержатся до вечера?

Он пересек двор, осмотрелся и бесшумно перемахнул через дувал. Оглянулся на мертвого скуластого душмана в грязном темном халате. Убитый не вызвал в нем ничего: ни сожаления, ни радости. Внутри все было спокойно, холодно, каждая жилка, каждая клеточка знали свое место — Есенков был в сборе, в готовности номер один. Потом перемахнул через колючий рыжий куст, обвешанный звонкими жесткими листьями и беззвучно упал на землю. Прижался к ней, вывернул голову. Далеко-далеко, словно это не здесь, в кишлаке, было, а где-то за горами, за долами, за пределами заставы, мелькнуло и пропало лицо. Есенков не узнал, кто это был, но понял — свои и сделался еще более спокойным: ребята видят его и, если что, подстрахуют.

За кустом, метрах в семи от дувала, в костяной пересохшей зем-

ле была выбита канава. Начинаясь она с широкой, будто ванна, рывины с прочно обитыми краями, уходила вдаль и вверх, сужалась, затем узкой кривоватой строчкой тянулась до окраины кишлака. Эту канаву Есенков приметил еще в прошлый раз, когда смотрел, жив ли душман, пытавшийся подстрелить его со спины, — видать, хозяева земли надеялись получить из кяризов воду и подвести ее к своим участкам, иначе с чего бы рыть эту траншею, — канава получилась славная. Есенков перебрался в нее и пополз вдоль дувалов.

Полз он осторожно и быстро, шупая пальцами землю, воздух, солнце, засекая каждый звук и чох, каждое движение воздуха, пробуя какую вмятину. Иногда останавливался, следил за дувалами. Стрелок, лежащий на крыше, бил из карабина непрерывно, сохраняя равные промежутки между выстрелами.

— Лупи, лупи, друг, — не удержался Есенков, — твори, дерзай!

Минут через семь он поравнялся с дувалами, где находились душманы, прижавшись к земле, затих, пытаясь угадать, что же здесь их задержало. Уверенность в собственных силах, ощущение безнаказанности, самонадеянность, мол, солдат на заставе мало, напасть не посмеют, а если посмеют — получат по зубам, или что-то другое, важное? Может быть, они тащат «блоупайпы» — опасные английские ракеты — либо «стингеры» — американские зенитные ракеты, от которых пока не научились уходить ни самолеты, ни вертолеты, и здесь, в кишлаке, у душков место встречи и передачи ракет в другие руки?

Голоса, доносившиеся из-за дувалов, были глухими, спокойными. Голосов было много. Значит, душманы уверены в своей силе и солдат, пришедших с заставы, не боятся.

Неожиданно через дувал перескочил рослый усатый парень в халате, перепоясанном двумя патронными лентами, словно матрос времен революции, за ним на дувал вскарабкался потный лысый человек, сел, свесил короткие ноги, рядом положил тюрбан. Чалма, чтобы каждый раз с ней не возиться, была намотана на каркас, аккуратно пришпилена и подшита нитками. С другой стороны поставил ручной пулемет. Поболтав немного ногами, он сполз на землю. Оба душмана смотрели в сторону дальнего дувала, где находились ребята Есенкова. Внизу, под дувалом, в рыжей сухой траве также стоял пулемет с тарелкоподобным диском.

Повезло Есенкову, как он понял теперь, угодил как раз на смену караула, иначе пулеметчики не дали бы ему и трех шагов сделать, не то чтобы в канаву скатиться. Осторожно вывернувшись, посмотрел назад, увидел, что от дувалов его продолжают страховать свои — засек промельк напряженного загорелого лица, кажется, Фатахова. Беззвучно втянул в себя воздух, выдохнул, словно бы освобождаясь от некой тяжести, державшей его на месте, как на якоре, и бесшумно, по-зменному, ловко пополз дальше, не боясь, что его увидят, хотя и бояться было уже нечего — он находился под прикрытием: канава углублялась, сверху ее затеняли кусты.

На улице раздался очередной выстрел — Есенков его уже пропустил мимо, не засек — стрельба на него уже действовала от обратного — как некая успокоительная мелодия. Ребята, видя, что он ушел из дувала, сами предпринимать ничего не станут, они будут ждать его. Все теперь зависит от действий Есенкова. Пусть стреляет душок, пусть тешится — хуже будет, если он что-то учует

и прекратит стрельбу, и уж совсем худо будет, когда вновь наступит тишь, в которой слышно, как бьется сердце.

Канаву Есенков прошел быстро. Затем прополз по плоской, выжаренной до каменной твердости равнинке, укрылся за земляным барьером, схожим с грыжей, замер, слушая пространство, дувалы, дома, душманов, землю, небо — небо особенно пристально: не раздастся ли шум «вертушек», потом двинулся дальше, углубился в довольно густые незрячие кусты, покрытые пылью, и минут через десять оказался на краю кишлака.

Есенков пропустил мимо себя очередной выстрел, засек следующий, отплюнул, потом, набрав в грудь воздуха, скатился чуть вниз в лоцинку, низом перебрался на ту сторону дороги, двинулся вверх.

Стрелок, расположившийся на крыше, был отсюда хорошо виден — крыша имела небольшой накат, косо сваливалась в одну сторону, душман расположился на ней вольно, с удобствами, знал, что из автомата его не снять. Есенков сжал зубы: «Ну, Спириин! Одно только может тебя оправдать — ранение. Твое счастье, Спириин, если тебя где-нибудь зацепили либо ты столкнулся нос в нос с душками — ты один, а их трое, — только тогда ты будешь прав. А в остальном...» — Есенков погасил в себе приступ злости. Вдруг действительно со Спириным произошло что-нибудь непоправимое, вдруг его засунули в мешок и утянули в кяриз? Вот тогда тебе и будет остальное!

Рядом со стрелком лежала открытая железная коробка, полная солнечных зайчиков — патроны отблескивали слепяще остро, смотреть на них было больно. Палить душман мог еще долго — коробка опорожнилась только на одну треть.

Приподняв локоть, не боясь никого, душман передернул затвор, дослал в ствол новый патрон и, почти не целясь, выстрелил — он находился у себя дома, а где сейчас находились они, Есенков, погибший Володька Линева, живой Мирза Фатахов, мертвый Кыргин? Тот, кто позвал их сюда на помощь, должен разобратся во всем и отпустить их домой. С миром, с цветами, с улыбкой, погибших проводить салютом и отдать последние воинские почести...

— Но прежде чем грохнет заключительный салют с объявленным финишем, сравняем счет. — Есенкову неожиданно сделалось обидно, что он оказался один, без прикрытия, лицом к лицу с душманами, которые побегут на него широким валом, как только он снимет стрелка... На войне человек часто остается один, хотя рядом бывает много людей, и уж умирает точно один, кто бы ни лежал с ним вплотную.

Плоской, изрытой норами тропкой Есенков пополз вперед. Метрах в тридцати от крайнего дувала природа создала маленькую крепость — там на дорогу угрюмо смотрели ноздристые, иссопанные солнцем и ветром камни. Камни те были вытолкнуты на поверхность земли глубинной массой — вполне возможно, за ненадобностью, либо же, наоборот, погружались, вращались в рыжую, неласковую плоть земли. Пройдет какое-то время — годы, десятилетия, — и они вообще скроются в глубь. Под прикрытием этих камней держаться можно долго. Лишь бы были патроны да харч кое-какой, чтобы на зухах не было пусто, но главное все-таки — патроны.

К тем камням и полз Есенков. Стрелок вновь оттопырил локоть, передернул затвор — движения его показались Есенкову неряшливыми, неточными, сразу видно — не специалист, мажет, суетится —

выстрелил и попал в белый свет. Плохой инструктор был у этого человека. «И хорошо, что плохой,— спокойно подумал Есенков,— был бы хороший, тогда бы на улице не двое наших лежало. Я бы, например, лежал, точно бы лежал, ведь первым должен был пойти по списку я, это душок лопухнулся,— о себе самом Есенков рассуждал, как о ком-то постороннем,— хорошо, что у тебя, приятель, был плохой наставник». Есенков вполз на пригорок, откуда проматривалась часть улицы, увидел, что на земле лежат уже не двое наших, а трое. Из-под панамы у Есенкова полил пот.

«К-как же так? Как? Кто же это? — прошептал он, губы у него были серые, с прозрачной потрескавшейся кожей, чужие.— Кто? Кто? Толмач? — покривился лицом, засек табачный запах и насторожился: а не облюбовали ли уже душманы те камешки? Если облюбовали, то все — Есенкову от них не уйти. Сволочи, вон как табачнице смеют. Небось, американский табачок-то, какой-нибудь «салеи» или «уннстон» — сигареты первого класса». Он не успел испугаться — сработала солдатская привычка оставлять испуг напоследок, многие и умирают, так и не успев испугаться, прикинул только, успеет ли откатиться назад или нет, если из-за камней выскочит вороненый ствол, спокойно отметил, что нет, в следующий миг увидел рядом земляную выковырину, похожую на пепельницу, густо набитую окурками. Вон оно что — оказывается, собрались тут душики на тайную свою вечерю, каждый с собственным курсвом, обсуждали жизнь свою, прогнозы строили, в сторону Пакистана поглядывали...

А ведь недавно, совсем недавно были тут душманы, окурки еще свежие, каждый свой дух сохранил — пахли дразняще, как-то очень мирно. Есенков рывком одолел «пепельницу», на ходу выгреб окурки носком из углубления и через минуту достиг камней.

Кто же еще попал под пулю стрелка, кто? А стрелок старался, бил и бил из карабина, некрасиво оттопыривая локоть и непрерывно работая затвором, нервно дергал ногами, ездил по крыше. Хороший человек. Впрочем, это только казалось Есенкову, что хороший, а на самом деле такой, как все душманы, обычный. С такими же, как и у всех, страстями и желаниями, с болью и сомнениями, с такой же, как и у всякого человека, начинкой — то же сердце, те же легкие, та же кровь... Только почему-то они находятся по разные стороны камней: Есенков по эту сторону, а душок, уложивший трех его ребят, по ту.

Есенков выдвинулся из-за камней, чтобы бить наверняка, потом, прикинув что-то, по-мужички, спокойно, будто хозяин, пекущийся о том, чтобы в деле, которое он ведет, не было дырок, выдвинулся еще немного вперед, к дувалу, за которым находились люди с оружием. Приподнявшись над землей, будто зверь, ставший в стойку перед добычей, Есенков короткой очередью сбил стрелка с крыши — тот, выронив карабин и раскинув руки в стороны, словно птица, дернулся, потом, подсвеченный строчкой пули, которую Есенков видел в пыли, густо взбитой щелчками свинца, поехал вперед, сбил оружие вниз и сам кулем полетел вниз, на землю. На крыше остались лежать нарядный заморский ящик с радостно-блестящими патронами.

В тот же миг Есенков увидел, как из-за дальнего дувала выскочили его ребята. Выгоревшими, под цвет солнца бесшумными тенями понеслись по улице. Над глиняной стенкой, к которой он подполз ближе других, приподнялось несколько голов. Все в чалмах,

глаза смазанные, удивленные. Есенков кинул в дувал две гранаты подряд, одну за другой — гранаты висели у него на поясе, под рукой, очень удобно, две гранаты — это запас сверх того, что он укладывал в лифчик, и в тот же миг совершил стремительный бросок к камням. Чемпион мира мог бы позавидовать скорости Есенкова.

Залег, зажав зубами дыхание. Не только дыхание, кажется, он и сердце зубами зажал, чтобы не выпрыгивало из груди. В следующий миг раздался грохот: по камням, за которыми сидел Есенков, ударил металл, от макушки среднего камня вверх полетела отбитая пулями крошка. Били из-за двух дувалов сразу.

— Ну вот, теперь здравствуйте! — пробормотал Есенков удовлетворенно, с каким-то необъяснимым одобрением прижался к камням. — Здравствуйте! Давайте, давайте, лупите! Хоть ракетой бейте — не возьмете!

Самым главным в эту минуту было одно — отвлечь душманов на себя, дать возможность ребятам уйти, пройти улицу. Ничего не нужно, никаких великих побед, ни золота, ни орденов — только одно: пусть ребята возьмут первый, занятый душманами дувал, и все. Тяжелая пулеметная очередь заставила камни ознобно затрястись, пули всаживались в их старую неподатливую плоть, встряхивали целиком и уходили в сторону — камни прошибить они не могли. Пулеметная очередь слилась с автоматными, звук наложился на звук, все перемешалось.

«Лишь бы проскочили ребята!» — подумал Есенков, машинально сжал побледневшие, словно бы чужие губы и в следующий миг вскинулся, будто освобождаясь от одури, зашептал горячо, жесточенно: «Ну пройдите же, ребята, ну, пройдите без потерь, ну! — Он был готов молиться сейчас какому угодно богу — мусульманскому, христианскому, иудейскому, готов был продаться кому угодно, лишь бы никого из ребят больше не зацепила пуля. — Ну проскочите же, ну! Ну, пожалуйста!»

В щель засек движение за ближайшим дувалом и, пропустив хриплую струю пуль, прошедшую сбоку камней, высунулся, дал очередь по головам, всплывшим над выщербленной глиняной стенкой. Головы немедленно исчезли. Есенков нырнул вниз, замер. Камень, в который он попытался вжаться, вновь задрожал под тяжелой пулеметной очередью.

— Из дешека, из дешека бьют, — проговорил он без особого изумления, хотя изумляться было чему: ДШК — пулемет крупнокалиберный, из него душки только сдают по вертолетам, стреляют экономно, поскольку патроны дороги, иногда даже бьют одиночными, а тут лупят, не жалея... По одинокому сержанту! Тьфу! — плюнул Есенков и выругался.

Очередь перепоясала камень в нескольких направлениях и стихла. Автоматы продолжали трещать. Есенков перекатился на противоположную сторону своего дота и выглянул в другую щель. Ребят на улице не было — их отсекли, и они опять укрылись в дувале. Похоже, на этот раз в том, где сидел Есенков. С овцами, с арбой и подпертыми дверями.

— Та-ак, — поскукневшим голосом проговорил Есенков, — дело ясное, что дело темное. — И ощутил тревогу, что-то недоброе, способное вывернуть человека наизнанку — и не только его, а человека более твердого и опытного. Ребят душманы отсекли, теперь, вторым пунктом, они попробуют отсечь его, окольцевать и выудить,

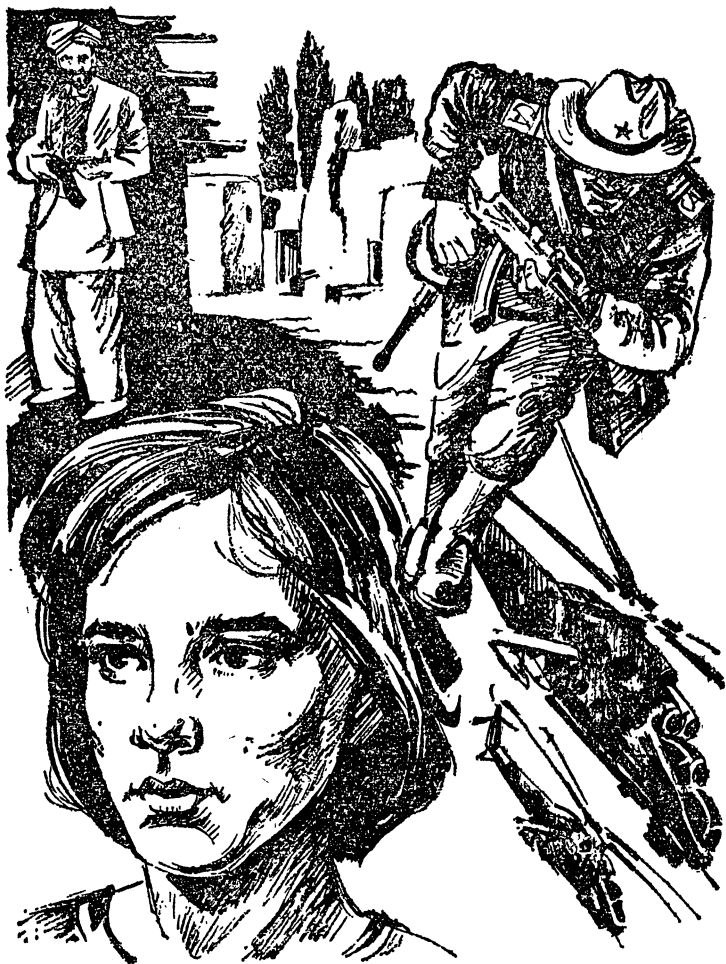

Рис. В. Родина

будто личинку, из каменного кокона. Неожиданно почувствовал, что на него падает тень, словно бы налетает крупный, с жестким нравом орел, отшатнулся, уходя от этой тени в сторону. В следующий миг над ним прошла горячая струя пуль, такая горячая, что Есенков не только лицом и руками, он даже ногами, обутыми в сбитые, но еще крепкие кроссовки, почувствовал ее. — Вот те, бабушка, и серенький козлик.

Сбоку, из ближнего дувала ударили автоматы — душманы очухались, дружно замолотили по есенковскому доту. «Один ствол,

три, четыре, шесть... Семь! Семь стволов, — посчитал Есенков, — в одном дувале семь стволов. А в другом? Столько же, наверное! Во всяком случае, не меньше. Не много ли на одного человека?» Стрельба, что вели из ближнего дувала, стихла, будто по команде. Есенков перекатился к краю, выходящему на этот дувал, выглянул — над дувалом поднялись семь голов в чалмах. Дал короткую очередь — головы исчезли, будто поплавки, утнутые под воду рыбой.

Когда выглянул в следующий раз, голов уже было пять. «Попал? Попа-ал! — возникло в нем ликующее, но радовался Есенков недолго. Стер кровь со щеки. — Ведь криков-то никаких не было. Нет, не попал. Тогда почему же их пять, а не семь? Перегруппировываются? Или ушли через дорогу? Утекли в соседний дувал? Но через дорогу им не дадут перейти ребята — должны же они простреливать улицу. Хотя автоматом не достать — далеко. И все равно не пойдут через дорогу, побоятся! — В это время пулеметная очередь остригла верх у камня, на панаму швырнуло пригоршню крошки, колючие осколки ссыпались за воротник, больно впились в тело. Сержант крепко сжал рот: камень не свинец. — И все же, почему их стало пять, куда испарилась двое?»

Очередь снова встряхнула камни, оглушила Есенкова — пулемет бил теперь часто, не переставая. Есенков наконец понял, в чем дело — пулеметчик прикрывает душков, а те сейчас ползут к камню, чтобы прихлопнуть сержанта. Прямо в каменной коробке.

Губы у Есенкова невольно дернулись — тяжело быть одному. Но хоть бы кто-нибудь прикрыл спину! Он затынулся горьким, пахнущим порохом, железом и чем-то еще противным, перегорелым воздухом — земные запахи, жившие в нем, исчезли, остались только боевые, от которых пахнет смертью, усмехнулся: даже если душки и ползут, накрыть его им в этой коробке все равно будет непросто. Далеко-далеко, в глубине самого себя он услышал голос, и ему сделалось тоскливо — показалось, что звала мать, звала тем неповторимо нежным голосом, который навсегда остается в детстве. Есенков почувствовал, как в глотке у него что-то сухо закрипело, но скрип этот никак нельзя было сравнить с ответным зовом, он сделал ответное движение и в следующий миг осекся — на голову ему снова высыпало пригоршню каменных осколков — пулемет бил, не переставая.

«Точно, он и прикрывает тех двух душков, — спокойно отметил Есенков, — живьем взять думают, — вычленил из общего грохота отдаленный автоматный стук — душманы держали под прицелом и улицу, поливали и ее, чтоб пыли меньше было, не давали ребятам высунуться из дувала. — Берите, берите живьем. Милости прошу!» — Есенков отдернул обшлаг десантной куртки, посмотрел на часы. Вслух произнес:

— Пулемет будет бить еще четыре минуты. Ну-ну!

Пулемет замолчал, словно ему дал команду Есенков, ровно через четыре минуты. Сержант растегнул клапан кармашка на лифчике, вытащил гранату-лимонку, спокойно отжал мягкие усики чеки, выдернул кольцо и, притиснув плоскую, нагретую планку чеки к рубчатому корпусу, перекатился вместе с гранатой к расщелине.

К камням действительно ползли двое. Есенков увидел их сразу, молодых, ловких, чернобородых, по-басмачески уверенных в себе, молко прижимающихся к земле. Пулеметчик, боясь зацепить своих, кончил стрелять рано. Сержант отметил это, послушал недалекий

автоматный стрекот, очень частый, сбивчивый, взახлеб, понял, что ребятам так и не дают высунуть голов из дувала. Пройти задани им не позволит пулемет — значит Есенков продолжает оставаться один.

Он подпустил ползущих еще поближе. Осмелев, те переглянулись и неожиданно враз поднялись — им показалось, что шурави, добровольно забравшись в каменный коробок, оглушен либо ранен и взять его теперь ничего не стоит. Есенков бросил им прямо под ноги лимонку. Граната разорвалась со звонким металлическим треском, осколки встряхнули камни. Душманы молча повалились на землю. Один не колыхнулся, у второго методично и страшно задергалась нога, словно бы она имела свой пружинный завод. Есенков ждал — сейчас пулеметчик ударит снова, но пулеметчик молчал, замешкался либо был удивлен гибелью пластунов — поди, разбери, что таится в его гемной душманской душе, а может, с той стороны тоже ползла пара связчиков? Есенков притиснулся к щели, глянул в последний раз на лежавших душманов — один лежал неподвижно, у второго продолжала дергаться нога.

С одной стороны, это были враги, а с другой — обычные ребята, молодые, его, может быть, ровесники или даже еще моложе, чсм он, им приказали ползти, и они поползли — их было жалко.

Пулеметчик продолжал молчать.

Есенков броском перекинул свое тело к другой стороне камней — неужели и там ползут? А ведь ползут! Ползут, родимые... Тоже двое — душманское начальство изобретательностью не отличается.

Один из ползущих был молоденьким, безбородым, с угольно-непропускаемыми, лишенными блеска глазами и незагорелым пугливым лицом, второй — старый, рыжебородый, с колечками длинных ржавых волос, вылезавших из-под чалмы, светлоглазый — в крови его имелась изрядная доля английской либо ирландской примеси. Экспедиционные корпуса, прибывшие сюда когда-то из туманного Альбиона, наследили здорово, кости тех солдат давным-давно истлели, а кровь осталась.

Рыжебородый был степенным, ленивым, потным. Молодой, уползя вперед, все оглядывался на напарника, досадливо морщил лицо — совсем как Есенков. Сержант засек и это, и ему сделалось неприятно. Молодой останавливался, ждал, когда потомок красавца англичанина, силой взявшего в свое время пуштунку, подтянется, нетерпеливо зыркал глазами по сторонам, дергался, торопился — и жить парень спешил, и чувствовать, и воевать, и богу молиться. Дождавшись рыжебородого, молодой снова делал бросок вперед, взбивал коленями пыль, затем опять тормозил, припадал грудью к земле, глотал противное рыжее сеево, не выдерживал, настороженно, будто ящерица, увидевшая муху, приподнимался на руках. Есенков расстегнул на лифчике клапан второго кармашка.

Молодой душман остановился, резко прижался лицом к земле — чего-то он испугался. Вот чего конкретно, Есенков не понял — душман словно бы наткнулся на взгляд сержанта, и в нем сработал инстинкт, тело само почуяло опасность, и исполнительный мозг незамедлительно дал команду «Стой!». Есенков вытянул из кармана вторую гранату, медленно — торопиться было некуда, это пусть душки торопятся, а не он — разжал мягкие проволочные усики. Но кольцо выдергивать не стал — решил выждать до конца. Он помедлил еще немного, потерся щекой о плечо, словно мальчишка, наблю-

дающий за опытом на уроке химии, ощутил на зубах вкус пыли, потом быстрым движением, словно боялся самого себя, выдернул колышко и швырнул лимонку в душманов.

Граната с чугунным стуком ударилась о землю, подпрыгнула, словно была отлита из резины. Душманы, увидев ее, стремительно поднялись — среагировали одинаково и с криком понеслись в сторону дувала.

Уйти не успели — граната глухо треснула, осколки подняли с земли густую пыль. В этой пыли скрылись оба душмана. Есенков прислушался к автоматному стуку на улице — были густо, плотно, звук один, что у наших автоматов, что у душманских. Камень снова задрожал под пулеметной очередью. Есенкова обложили прочно, он и шага не сможет сделать, пока каменная сфоронка находится под прицелом. Его, конечно, еще раз попытаются взять — душманам всегда нужны шурави, за это им платят деньги — за живых больше, чем за мертвых. Но живым они сержанта не возьмут, чего бы ни предпринимали. Пока есть патроны, душманам это не светит, а когда патронов не будет, то и Есенкова уже не будет, последний патрон он истратит на себя.

Автоматный стук усилился. Есенков встревожился. Когда сам находишься в горячем месте, бываешь спокоен, за себя не боязно и за ребят не боязно, поскольку все происходит на глазах, а вот когда ребята отрезаны и ты не в состоянии им помочь, вот тогда в душе поселяется некая растерянность, против которой нет лекарства.

Пулеметчик, обработав верх камня, переместил ствол вниз, пули глухо врубидись в плоть, звуки сделались глуше. Есенков, выключивая звон из ушей, потряс головой, глянул в щель, выводящую к ближайшему дувалу. Пространство было чистым. Слабый ветерок прогнал по жидкому, с редкой сохлой травой клину земли небольшой султан пыли.

Итак, стрелка он снял с крыши, но что это дало? Душки все равно держат ребят под свинцовым дождем. Сюда лупят из ДШК. Хорошо, что две «смотровые щели» оказались в метровой косой зоне, как хорошо и то, что у душков нет еще гранатомета — они быстро смели бы и дувал, дот Есенкова. Есенков сжал пальцы — вновь вспомнился Спирин. Ударил кулаком по твердой, отбивающей кости земле — не сдержался. Был бы Спирин с гранатометом, все обернулось бы иначе.

По низу камня вновь прошла пулеметная очередь, встряхнула землю, словно бы стремясь вывернуть ее наизнанку, вынуть душу. Есенков не удержался, машинально хватил ртом пыль и выругался.

Как мало, оказывается, надо человеку на войне: всего ничего, пустяк какой-то — жить, и все. Больше ничего не надо. Отплюнулся. Слюна была ржаво-красной:

Пулемет смолк, и Есенков вздрогнул — внутри будто бы боек сработал, ударил острой частью по капсулю. Сержант плашмя подтянулся к одной щели, выведившей на ближний дувал, увидел: там снова ползет пара, очередная, потом перебросил тело к другой щели — от дальнего дувала тоже ползли двое. Выматерился сильным чужим шепотом — гранат оставалось только две, растегнул два жестякки, отвердевших от грязи и солнца кармашка; послушал самого себя — нет ли в груди суматохи, спокойна ли душа.

Внутри было пусто, тихо — никакой суматохи. Он вытащил из кармашков гранаты. Одну, отжав усики, положил перед собой —

готовность номер два, остается только дернуть кольцо. У другой отжал усик, выдернул кольцо и стиснул в руке — готовность номер один. Примерился с броском: удобнее вначале будет кидать, наверное, в тех, что ползут к нему от ближнего дувала, потом перевернуться по-циркачески через голову, на ходу выдернуть чеку из второй лимонки и поверх камня, пустить гранату в пластунов, ползущих от далекого дувала.

Две последние гранаты, больше нет. Как же жить дальше? Есенков почувствовал, что устал — руки дрожат, ноги ничего не чувствуют и тоже дрожат, кожа на них онемела, как онемела на спине и плечах, в разъеме ключиц появилась тупая боль, приползшая откуда-то снизу. Есенков выждал еще несколько минут — первые два душмана были уже совсем рядом, он их не видел, но чувствовал шкурой, костями, одеждой — приподнялся и швырнул гранату. Затем, словно бы откинутой собственным броском, опрокинулся назад, в другой угол дота, поспешно выдернул чеку и, приподнявшись над камнями, чтобы увидеть душманов, швырнул вторую гранату.

Два взрыва раздались почти одновременно, вверх полетела земля, каменное крошево, мятые тряпки, рука с зажатыми в ней четками — душок, оказывается, полз с четками. Есенков засек взрыв, разглядел предметы — на это понадобились малые миги, какие-то краткие доли секунды, в следующий момент нырнул вниз, скрючился, вжал голову в колени и застыл.

В ушах гулко билась кровь. Было тихо. Прошла минута, другая, пулемет молчал. Лишь глухо, скраденные жарой, работали душманские автоматы, сдерживая ребят в дувале. Есенков выпрямился, почувствовал, как вразбой, теряя ритм, у него забило сердце, глухая боль, поселившаяся под ключицами, уползла назад, вызвала тошноту и остоление, кинулся к одной щели — коротенькое, клином уходящее вверх поле боя лустым, кинулся к другой — второй клин, на который так удачно легла последняя граната, был замутнен густой красноватой пылью, в пыли он разглядел неподвижные тела, на несколько секунд его отпустило, боль исчезла, но в следующий миг родилась вновь: приплывший из кишлака ветерок сдвинул пыль в сторону, воздух разделился и в полупрозрачном красноватом свете Есенков увидел людей.

Они шли не торопясь, по-хозяйски уверенно. Двое из них даже четко печатали шаг, сказывалась выправка военных людей. Одеты в новенькие, одинакового цвета халаты, сшитые, похоже, одной рукой, одинаково вооруженные, в новеньких холодно-травяного тона чалмах. Что им автомат и гранаты Есенкова, что им оружие ребят, осевших в дувале, — эти сметут все.

В стороне ударил автомат. Есенков понял — наши били, из дувала. Пули не достали до цели, ушли в землю, расстояние было слишком велико, автоматный треск перскрыл треск пулеметов — это обозначили себя те двое, что на глазах у Есенкова выпрыгнули из дувала с пулеметом, очередь была нескончаемо длинной, в половину ленты — душманы вопреки обычаю не экономили патронов.

Есенков вздохнул, выдернул из лифчика два автоматных рожка и, поглядывая в щель, достал из кармана проволочную скрутку, связал их, чтобы рожки своими рабочими концами смотрели в разные стороны.

Рожки скрепились непрочно, ездил под скруткой, Есенков сплюнул, поморщился и стянул их зубами. Подумал, что так недолго вышелушить челюсть. Теперь это дело десятое, сотое, тысячное,

озноб передернул его. Махнул рукой: «А-а, плевать!» Еще раз подтянул зубами концы проволочной скрутки, сделал один поворот, другой, третий не смог одолеть — зубам стало больно. Для второй пары рожков у него в кармане нашлась изоляционная лента, старая, матерчатая, черно-серая, с клетчатыми прожилками, скатанная в небольшой рулончик. Обработал вторую пару рожков. По камням вновь ударила пулеметная очередь.

Есенков нырнул вниз, больно стукнувшись подбородком о колени и прижался к земле. Сверху сыпнуло крошевом, одна из пуль со звоном отрекошетила, ударила в щель, впилась в противоположную стенку дота, отскочила с хриплым, полупьяным звуком, пробила землю в нескольких сантиметрах от ноги Есенкова. Сержант отпрянул от пули, как от осы, хотя она уже была не опасна — умерла в темной земной глущи.

Пока бьет пулемет, душманов можно не страшиться, когда утихнет, тогда жареным запахнет по-настоящему. Есенков отщелкнул от автомата рожок, вмял патрон пальцем в глубину магазина, пытаясь по нажиму определить, много ли осталось там патронов, определить не удалось — пружина в рожке стояла сильная, подумал, что в рожке патронов семь-восемь, не больше, отложил рожок в сторону. Это будут свои патроны — он так и отметил про себя: «свои», совсем не надеялся это простое обыденное слово страшным смыслом, в мозгу у него одно пока не совмещалось с другим, — когда кончатся патроны и надо будет ставить точку, он поставит ее этим рожком. Вогнал в автомат спаренный рожок, приготовился.

Когда пулемет смолк, Есенков стремительно разжался — как пружина, с которой сняли груз, — выглянул из-за камней: душманская цепь была еще далеко, автоматной очередью пока еще не достать, переметнулся к противоположной стороне, увидел головы, радостно выплывающие над дувалом, пробормотал недобро:

— Чего радуется-то? Чего радуется?

Он был сейчас отрезан от всех — от своих, застрявших в дувале, от заставы, от Кабула, от мира, от родного своего городка, от Люды, от матери с отцом. На него накатила тоска. Спротивляясь ей, Есенков сильно, до хруста, сжал зубы, глянул в глубокое, замутненное жаром небо — глазам сделалось больно от горячей бездони, ничего в небе не было, лишь только высоко, но все же в пределах досягаемости плавными гладкими кругами, неподвижно раскинув крылья, ходил орел. Ловко поймав воздушный поток, орел парил в нем, словно пернатый колдун, заволаживающий взглядом землю, — недобрый, молчаливый, все видящий и ко всему равнодушный.

Есенков взял дувал на мушку, но стрелять не стал — вероятно, что в кого-то попадет, было мало. Снова переместился к первой щели — беспокоила душманская цепь. Где-то он такие цепи уже видел и испытывал невольный нервный холод, когда разглыдал людей с каменными лицами и неподвижными взглядами, мерно вышагивающих под барабанный бой. Тут только барабанного боя не хватает...

Опустил автомат — стрелять было еще рано. В кишлаке пальба так и не стихала, его ребят продолжали держать в дувале — автоматы били зло, дружно, захлебываясь в своем неистовстве.

Он пропустил цепь поближе, ударил по ней длинной прицельной очередью, враз сбив строй и подняв столб рыжей тяжелой пыли;

цепь, хоть и потеряла ровноту и стройность, но среагировала мгновенно. Ответная стрельба была беглой, прицельной.

Стремительно нырнув за камень, Есенков выругался — стреляли люди, хорошо обученные, не привыкшие палить в белый свет, не то что пулеметчик, у которого была только одна цель — держать Есенкова в доте, а попадет он или не попадет, дело такое, которое и сам аллах не всегда может предсказать.

Пули щелкали, свистели разбойно, лихо, с воровским весельем, роем носились над головой, похрипывали, разрезали воздух — эту непрочную материю пространства, будто ножницами, со стоном обкалывали углы ламней, срезали верх и превращали сланец в пыль. Душманы били кучно, носа не высунуть, и все же Есенков выбрал момент, дал ответную очередь, зло отметив, что один из идущих в цепи споткнулся, автомат вылетел у душка из рук, повис на ремне, в следующий миг правоверный ткнулся головой в землю. Есенков перекинулся к другой щели — что там, за ближним дувалом? Увидел, что через стенку перелезает человек шесть душманов.

Пробормотал ровным чужим голосом:

— Куда торопитесь, душки? На тот свет?

Дал по перелезавшим короткую очередь — душманы метнулись обратно. Один зарылся лицом — споткнувшегося оставили стонать под стенкой дувала, но долго лежать ему не пришлось: аллах приказал правоверным забрать раненого. Из-за дувала показались две робкие головы, страху их, выплеснулось несколько автоматных очередей, ударили по камням, под их прикрытием душманы перетащили раненого через стену во двор.

Есенков в это время уже был на другой стороне дота. Огонь цепи чуть ослаб — сопротивления не было, вот и ослаб огонь, а то, что пришло к ближнего дувала, цепь не заметила, звук есейковского автомата растворился в общем грохоте.

Есенков ударил по цепи длинной очередью. Цепь привычно распалась, движение было механическим, какое совершает только единый организм, имеющий один, пусть даже общий центр; подоспевшая группа была хорошо обучена: на каменный дот с советским сержантом накатила лавина. Камни затряслись под пулями. Есенкову показалось — стонали не только камни, стонала и жаловалась, лила сухие слезы сама земля, воздух хрипел — тоже жаловался, орел с неподвижными крыльями во избежание неприятностей поспешил покинуть небо, уплыл в горы, солнце потускнело.

Едва огонь цепи притих, Есенков снова высунулся, дал короткую очередь. Привычно нырнув вниз, выщелкнул рожок из автомата, отбросил в сторону, как ненужную вещь — оба рожка, скрепленные проволокой, были пусты. Быстро тают патроны.

Хрипел не только воздух, не только земля — хрипел и стонал Есенков: внутри словно бы что-то закоротило, вышибло искру, Есенков горел, ему было больно. Никто не увидит, как он погибнет, никто не придет на помощь. А кто увидит, кто ощутил и измерил приборами, как умер Крыгин, как пуля подсекла Володьку Линева, кто сумел им помочь? Есенков злился. На всех злился — на контуженного лейтенанта Николаева, на районного военкома, на Спирина, исчезнувшего вместе с гранатометом, на самого себя. Всхлипнул неверяще — это не плач был, не всхлип, это подала свой голос обида. Есенков стиснул зубы, отпихнул пустой магазин ногой как ненужную железку.

Ведь действительно рожки ему не нужны — отвоевался он!

Сколько минут ему еще осталось жить? Три, пять, семь? Он подпрыгнул над камнями, зацепился за выковырины животом, коленями, высунулся почти по грудь и, не прячась от пуль, дал автоматную очередь по цепи. Цепь, не рассыпаясь, как в прошлый раз, готовно ответила, и, странное дело, пули не зацепили сержанта, он дал еще одну очередь, стараясь рассыпать цепь, это ему удалось — и только потом свалился вниз. Съежился — сверху посыпались каменные осколки.

— Все. Теперь уже все! — Он пожевал непослушными обесцвеченными губами. — Прощайте все! Мама... Не ругай меня, мама... Ладно? Ни за какие проделки меня не ругай, а? Мало ли что я натворил... Может, обижал тебя, сам обижался, горечь доставлял, хлопоты... Прости меня! — Он снова услышал внутренний хрип, горло ему сжало. Кто сжал глотку, он так и не понял, но догадался кто, ноздри сплюснулись сами по себе, в них попала едкая красная пыль, внутри большой, больно острекающей медузой шевельнулся холод, холод быстро размыло, от него немели, сделались чужими пальцы, губы задрожали.

В следующий миг Есенков снова сунулся под пули, показавшись из-за камней чуть ли не по пояс, и опять пули пожалели его, обошли, а вот от есенковской очереди в пыль завалились два душмана, один лег тихо, другой стал биться, стричь длинными ногами воздух, вздымать редкие фонтаны пыли.

Есенков поменял местами рожки, приготовился. Бросил взгляд на магазин, положенный у камня, — обычный тусклый, с вытертой поверхностью рожок, много раз лобывавший в деле, в котором оставались свои патроны. Совсем немного патронов, штук семь, но они отличаются от других патронов. Свои! Отвел глаза в сторону — чем-то этот верно служивший ему рожок был неприятен.

Что вспоминает человек перед смертью? Говорят, вспоминает мать, отца, обязательно — детство, прожитые годы. Не слишком ли много для нескольких кратких мгновений! Есенков сжался — сверху на него свалился обломок, отколотый крупной пулей. Ни прошлое со всем тем, что было в нем, ни мать, ни отца он не думал вспоминать: долгие проводы — лишние слезы. Если будет вспоминать мать, то причинит ей только боль, в узел скрутит тоска, грудь проколется, она охнет от внезапного прокола еще сильнее и подумает о сыне — как-то он там?

А Есенкову хотелось сейчас ощутить запах свежего снега — пусть первого, который он не любил, потому что первый снег ложится на живую, еще зеленую землю, тает, превращаясь в лужи, вызывает недобрые мысли и чувства, делает мир чужим, бесприютным. И так ему захотелось снега или хотя бы затянуться духом снега, что хоть в голос вой. По-бабы, Есенков ожесточенно покрутил головой, изгоняя из себя все желания, пружинисто качнулся на ногах и, выкинув автомат перед собою, вновь появился над камнями. Дал короткую очередь, потом дал вторую — цепь была близко, совсем близко, внезапность решала многое. Есенков был солдатом, но и душманы тоже были солдатами. Есенкова сбilo с камней ударом, он кувыркнулся, ударился спиной о противоположную сторону каменной коробки, сполз вниз.

Левое плечо было горячим, мгновенно набухло жаром, сыростью и кровью. Есенков пошевелил пальцами левой руки. Пальцы слушались. Пока еще слушались, но потом наступит онемение, рука угаснет, мышцы отупеют, сделаются чужими, и что тогда ни де-

лай — ничего не поможет, никакое лекарство.

Сквозь ткань рукава проступила темная мокреть. Есенков, стараясь не глядеть на нее, перекатился к щели, из которой был виден ближний дувал. Ближний дувал был чист — ни одной головы, ни одного человека. И к камням никто не подбирается. Ни в рост, широким шагом, вздымая пыль, как та цепь, ни ползком.

Патронов оставалось чуть, совсем чуть. Есенков, конечно, не считал выстрелы, но по тому, сколько он стрелял, по продолжительности очередей знал — мало дают солдатам патронов. Покосился на рожок, оставленный для себя, — последний путь к свободе, некая тоненькая, плохо пробитая сквозь заросли тропка.

Плечо начало неметь. Есенков достал из заднего кармана пухлый резиновый индпакет, зубами закусил край, второй потянул рукой, разодрал. Наложил на пробой пухлый ватный комок и быстро перехлестнул его бинтом — земля у камней грохотала, зашевелилась, бурло живая. Цепь была совсем близко.

«Только бы успеть, только бы успеть... — неожиданно забилось в мозгу тревожное, — успеть бы расстрелять то, что осталось, успеть бы загнать последний рожок, свой, и нажать пальцами на спусковой крючок». Он сумел свалить последней очередью еще одного душмана, подивился упрямости непи — люди шли, будто наглотались вина; либо накурившись гашиша ничего не боялись, была сокрыта в их механическом шаге некая пьяная удаль белогвардейцев, помноженная на злость басмачей — а это и были потомки тех самых басмачей, что ушли когда-то сюда из Средней Азии.

Есенков загнал в автомат последний рожок и глянул в черный пустой зрачок ствола. Горло у него сжало, дыхание пропало — плевать теперь было на дыхание, левое, задетое пулей плечо уже онемело, но рука, слава богу, еще работала — значит, задело. Не сильно, но лучше бы уж сильно, в лоб, в глотку, которую сейчас стиснули невесть чьи пальцы, в грудь — проще бы было кончать с собой. Никто не знает, как сложно и горько пускать пулю в себя, как этого не хочется делать и приходится собирать в горсть, в кулак все, что в тебе есть, напрягаться и, плача, страдая, матерясь, тянуться к спусковому крючку.

Из автоматного ствола тянуло жаром, дымной вонью, спаленным порохом, еще чем-то кислым, чужим. Есенков сглотнул слюну и потянулся пальцами к спусковому крючку. Коснулся теплой предохранительной скобы, зажмурился, отдернул пальцы, но тут же, одолев себя, вновь коснулся ими скобы, скорчившись, выкашлял из себя стон, боль, нежелание стреляться, вздрогнул, будто от удара — шаги раздавались уже у самых камней, остался лишь один мальский бросок, его уже могут взять не только гранатой — руками. Есенков качнулся и, навалившись грудью на горячий торец ствола, не желая больше видеть пугающей пустоты зрачка, решительно надавил на курок. Сморщился от того, что сейчас последует взрыв, спящий удар, пуля вохнет его в камни, но выстрела не последовало.

Он открыл глаза. Мгновенная радость обожгла его, оглушила и ослепила не хуже пули — не судьба, значит, но в следующий миг Есенкова подмял страх, его даже передернуло от нехорошей мысли — неужто в рожке не осталось ни одного патрона? Есенков побледнел, отрицательно мотнул головой — не приведи господь попасть к душманам в плен, он не раз видел, какими оттуда приносят ребят. Сжал зубы, облегченно выдохнул из себя боль и страх —

вставляя последний рожок в автомат, он забыл передернуть затвор.

Цепко ухватился пальцами за маленький рычажок затвора, передернул, подсунул автомат под грудь, под левую часть, там где сердце, чтобы недолго мучиться, потянулся пальцами к спусковому крючку и в тот же миг услышал тяжелый гулкий выстрел.

Вздрыгнул, откидываясь от ствола наверх — внутри словно бы раздался крик, ему показалось, что он услышал голос матери, именно этот крик, а не выстрел остановил его. Есенков всхлипнул, приподнимаясь на корточках, вновь вздрогнул — раздался второй выстрел, такой же неожиданный и гулкий, как и первый; приподнялся еще больше и тут же понял, что вместе с ним от мощного удара приподнимается земля. В небо густыми струями сыпанула красная пыль, размазалась плоско.

В следующую секунду Есенков увидел над собою задымленное железное пузо вертолета с черными масляными разводами, очень похожими на пропотелости, что возникают на шкурах лошадей от тяжелой работы, стертые до корда мелкие белесые колеса, напоминающие те, которые обычно ставят на детские автомобили, стойки для крепления нурсов — неуправляемых реактивных снарядов.

Вертолетов было три. Они вывернули внезапно, ошеломляюще быстро, почти бесшумно, хотя перегретые моторы работали громко, на полный звук, сумели подкрасться невидимо и неслышимо. Есенков почувствовал, что у него затряслось, заходило здоровое плечо. Раненое, онемевшее, оставалось неподвижным. Заходили, запрядали губы, — он не удержался. Да ч сколько-то лет было Есенкову, чтобы сдерживаться? Семечки, а не годы.

Он уже не слышал, как вертолеты смели цепь, взявшую его в кольцо — по какой-то причине, которую Есенкову никогда не удастся узнать, душманы не убили его, а захотели взять живьем. Окольцевали камни, завязали узел, но затянуть не успели — пришли вертолеты, и правоверные рассеялись по рыжей горькой земле. Вторым заходом вертолеты ударили по дувалам, в которых тоже засели душманы, подняли их в воздух, а еще через минуту высадили десант.

Командиром десанта был рыжий веснушчатый капитан с толстыми детскими щеками и седыми клочками волос на круглой, аккуратно вылепленной голове. С пухлыми, почти бескостными руками, ровно у скрипача. Но по тому, как он держал ручной пулемет, которым был вооружен, приподнимал за воротник убитых душманов, чувствовалось, что пухлые руки эти наделены жестокой силой.

Взгляд голубовато-холодных глаз его, иногда принимающих задумчивое выражение, большей частью тоже был жестким, наполненным жидким металлом.

— Ну, что, сержант, досталось?

— Да-а, — Есенков замаялся, — не очень.

— Плечо как? — капитан скользнул взглядом по окровавленному рукаву есенковской куртки. — Здорово зацепило?

— По касательной. Крови вытекло много — рука онемела. Пинцет пообещал, что через неделю все заживет.

— Ну раз сказал Пинце-ет, — насмешливо протянул капитан, перехватывая пулемет, который держал в одной руке, другой рукой, — Пинцет — это серьезно. Извини, что задержались. Вышли нормально, успевали к тебе — все вовремя, но напоролись на ракету. Один вертолет сбит.

— Я это понял, товарищ капитан, когда увидел три вертушки вместо четырех.

— Знаешь, хоть почему душки цеплялись за кишлак?

— Нет, хотя, как только мы сюда вошли, стало ясно: что-то тут не то.

— Банда охраняла две тонны лазурита.

— А я-то думал, «стингеры!» — не удержался Есенков.

— Не разочаровывайся, сержант. Знаешь, сколько стоят две тонны лазурита?

— Тысяч сто?

— Сто! — капитан покосился на Есенкова одним глазом — Есенкову был виден только один глаз, потому и казалось, что капитан косится на него одним глазом, и цвет роговицы уже был не льдисто-голубым, а рыжеватым, теплым, оттаявшим, каким-то кошачьим. — Полтора миллиона долларов.

— Полтора миллиона! Да что они! — с неожиданной досадой воскликнул Есенков, махнул рукой, ему стало горько.

— Твоих погибло трое.

— Линева, мой земляк, дружок школьный, вместе за партой сидели, ефрейтор Крыгин, только что медаль получил, — Есенков отвел здоровую, не задетую пулей руку в сторону, — поносить не успел... Кто третий — еще не знаю. Показалось — Фатахов, переводчик.

Капитан вытащил из кармана куртки блокнотик, перелистал его.

— По-моему, не Фатахов, — капитан зажал пальцем одну страничку, поднес блокнотик к глазам, будто плохо видел, — Бадин его фамилия.

— Наш повар. Жалко Бадина.

Хотел капитан поправить сержанта — на войне всех жалко: и поваров и санитаров, но не стал, лишь машинально, не обращая внимания на Есенкова, спросил — он, похоже, не Есенкова, а самого себя спрашивал:

— Знаешь, сколько я своих ребят похоронил? А?

— Не знаю, товарищ капитан.

Капитан обреченно махнул рукой.

— Убитых я заберу с собой, в Кабул. — Он вздохнул, сплонул на землю. — Может, тебя тоже забрать? Перевяжут тебя, подлатают в госпитале, отдышишься хоть.

Напрасно тогда Есенков не полетел в Кабул..

— А кто на заставе останется? Александр Сергеевич Пушкин? — Есенков нагрубил капитану, сам того не заметив. Он думал, что капитан обидится, но тот не обиделся, хотя все засея, лишь усмехнулся. Льдисто-голубые глаза его вновь приобрели прежний цвет — теплый рыжий кошачий оттенок исчез.

— И то верно. Пушкина уже не заставишь командовать такими, как мы с тобой. Пушкин гуманист, а мы кто? Возвращайся, сержант, на заставу. У лазурита я оставляю наряд с рацией, пусть караулит. Нар-родное достояние! — капитан выругался. — К вечеру все вывезем. А ты, сержант, возьми у Пинцета медикаменты, побольше бинтов и держись! — он хотел хлопнуть Есенкова по плечу, но посмотрел на окровавленную, уже подсохшую куртку Есенкова и спрятал руку за спину. Во второй руке капитан держал пулемет — здоров и силен был человек с округлыми мягкими движениями и пухлыми бескостными пальцами гитариста.

Вскоре вертолеты поднялись в воздух и низко, опасаясь «стингеров», ушли в Кабул. Есенков направился к своим. Остатки двух

крайних домов, в которых недавно сидели душманы, еще дымились. Около дувала лежали убитые душманы. Есенков на них даже не посмотрел, и в этом не было абсолютно ничего, и тем более некоего презрения победителя к побежденным — не было также ни безразличности, ни отчуждения — была лишь страшная усталость, наполнившая гулом все его тело, была пустота, была боль — болело не плечо, плечо как раз затихло, онемело и перестало ощущаться, хотя крови вылило много, болели кости, мышцы, жилы, болело все, и с этой болью, как и с раздражением, Есенков не мог справиться. Он попытался отвлечься, вспоминая разговор с капитаном, совсем не уставной, улыбнулся тихо — капитан ему понравился, неплохо бы повоевать под его началом.

«Значит, лазурит,— подумал он,— красивый яркий камень, синий, очень синий, хотя и не драгоценный, но дорогой. Дешевые камни только на обочине дороги валяются, бери их — не хочу. Вот значит почему так крепко держались душки за кишляк — пока не передали лазурит каравану, не могли отсюда уйти. А цепь-то, цепь какая была! Словно в фильме, где показана психическая атака. Ах, лазурит, лазурит!.. Привезти бы кусок Люде, вставить в серебряную оправу — полюбовалась бы, порадовалась... Что еще женщине надо?» — от воспоминания о Люде Гирьковой лицо его словно освободилось от некоего обруча, обмякло, распустилось, губы тоже обмякли, уголки рта приподнялись, придав лицу доброе выражение, хотя ничего доброго сейчас в сержанте не было. Он унесся в мыслях домой, в маленький свой городишко, населенный тишиной, счастливыми сказками, неторопливой жизнью, чаепитиями, танцами в тенистом городском саду, ловлей рыбы в темной медленной реке, с трех сторон опоясывающей город, заботами, которые никак не походят на заботы больших городов, но, уносясь далеко отсюда, он все-таки старался брать на мушку все, что видел здесь. Увидел Фатахова и обрадовался ему.

— Сержант! — Фатахов тоже обрадовался Есенкову.

Есенков остановился, покосился глазами на заскорузлое, ставшее от высохшей крови жестяным собственное плечо, потом перевел взгляд на Фатахова.

— Здравствуй, Фатахов!

— Тебя сильно задело? — на лице Фатахова появилась нервная суматоха, — Фатахов боялся боли, крови, бинтов. Редкий случай на войне. Воюющие люди обычно быстро привыкают к крови, переломанные кости, порванные жилы, запах раскученных минными осколками животов и спин не вызывают у них никаких чувств и уж тем более удивления. А в Фатахове это не исчезло, он все еще продолжал оставаться тем, кем был до войны, ну, чуть ли не школьником.

Есенков позавидовал ему, ощутил, что внутри возникло и шевельнулось, причинив секундное неудобство, нечто большее, чем неудобство, неудобство сменилось теплом. Он на несколько мгновений раскрылся перед Фатаховым, улыбнулся ему и тут же, поняв, что раскрыт, весь на виду, снова захлопнул створки раковины — так оно спокойнее и на вопрос, сильно ли его ранило, сделал неопределенный жест. Раз стоит на ногах, значит, рана несмертельная. Спросил тихим, почти бесцветным голосом:

— Спирина не видел?

— Нет.

— Так нигде он и не объявился?

— Нигде не объявился,— лицо Фатахова сделалось чужим,— он, как и многие на заставе, не любил Спирина, а раз не любил, то, значит, ему и дела не было до этого человека. Но потом в глазах его будто огонь запылился, задрожал неровно, нехорошо, и Фатахов перешел на шепот: — Так ты, что, сержант, считаешь, что у нас не трое погибших, а еще и Спирин? Четверо, значит?

— Я ничего не считаю,— приподнял здоровое плечо Есенков,— просто я не видел его в бою. А что это значит?

— И я о том же,— пробормотал Фатахов.

Есенков развернулся и медленно, загребая кроссовками пыль, побрел вдоль кишлачной улицы к дому старика. Надо было вернуться на исходную точку, может, она что-нибудь подскажет? Фатахов пошел следом.

— Я с тобой, ладно?

— Ладно,— сказал Есенков.

— Не нравится мне твое плечо,— сказал Фатахов.

— Мне оно тоже не нравится.

— А нас-то зажали как, ты видел? — Фатахов оживился и подернул автомат на ремне. Когда Фатахов оживлялся, то делал много непужных движений, лицо его раз за разом меняло выражения, глаза польхали ласковыми костерками, он суетился, и его хотелось остановить: «Не суетись, старик!» — Видел, Володь?

— Видел,— усмехнулся Есенков,— дрались вы герончески!

У дувала старика Есенков остановился, поглядел на ворота, украшенные большим ржавым замком. Был бы он здоров — одолел бы дувал одним прыжком, не раздумывая, но сейчас особо не распыряешься. При мысли о том, что надо прыгать, плечо начало саднить. Боль, она ведь как действует — то утихает, делаясь неслышимой, то вдруг стремительно выплывает из глубины, ошарашивает так, что день из обычного, светлого окрашивается в красный кровавый цвет. Фатахов затоптался у ворот, колупнул ржавь на замке.

— Давно дед его не открывал. И не откроет теперь уже никогда. У старика должна быть где-то калитка,— Фатахов, по-детски шмыгнув носом и втянув в себя простудную жидкость, неожиданно живо вознесся на дувал, словно петух, одним махом развернулся к сержанту: — Ты подожди, пожалуйста, я поищу у деда калитку,— затем произнес долгое удивленное,— о-о-о,— спрыгнул на землю.

Слишком уж красноречиво это «о» у Фатахова, слишком-уж оно было окрашено в определенный цвет. Есенков понял — в дувале находится не только мертвый старик. Аккуратно, стараясь не потревожить плечо, он всполз на дувал, тихо развернулся, свесил ноги во двор и увидел Спирина.

— А, сержант,— проговорил Спирин приветливо, улыбаясь и светлея лицом.— Ну и канонаду ты тут устроил — носа было не высунуть.

Спирин сидел на ноздреватом старом камне и чистил щепочкой ногти. Гранатомет лежал рядом. Фатахов, нахохлившись, словно ворон, стоял над Спириным. Угрюмо отвел взгляд в сторону. Есенков почувствовал, что у него противно-противно, ознобно мелко, будто он вновь собрался застрелиться, задрожали руки, в горле, сам по себе родившись, раздался булькающий звук. Спирин заметил это, усмехнулся, но приветливого выражения на лице не изменил.

— Надеюсь, вы там с лютым врагом справились без меня?

— Где ты был? — спросил Есенков, стараясь унять дрожь, боясь,

что голос у него сорвется. Но нет, голос пока подчинился ему, не сорвался, фраза прозвучала спокойно.

— Ну-у, сержант, перестань стискивать зубы, я же не овечка, которую можно пустить на шашлык. Костер не для меня. Я, сержант, несъедобный. Убери руки с горла!

— Где ты был? — повторил свой вопрос Есенков, упрямо поджал губы. Голову по-боксерски наклонил вперед, лбом вниз, словно бы собирался боднуть Спирина.

— Ну, сержант-ант, — протянул тот примирительно, засмеялся. Он продолжал пребывать в радужном расположении и никак не хотел переключаться. — Не надо, а? У меня для тебя сюрприз есть, подарочек... Давай не будем ругаться. Что мы все собачимся да собачимся? Все равно война на спад идет, скоро совсем закончится, хватит и нам собачиться.

— Ты... ты... — Фатахов не выдержал, выдвинулся вперед перед Есенковым, он словно бы собирался заслонить собою сержанта, но что-то в нем заело, будто в испорченной пластинке, и он никак не мог сказать то, что хотел сказать.

— Во-первых, не тыкай мне, — спокойно произнес Спирин, — я не дворник. Во-вторых, я разговариваю с сержантом.

— Там наших трое погибли. А ты?! — наконец справился с собою Фатахов — Знаешь, кто ты? Из-за тебя они погибли.

— Полегче на поворотах, пожалуйста, — в голосе Спирина зазвенел металл, — я этого не люблю. Не клей мне того, чего не было, — Спирин покосился на гранатомет, усмехнулся. — Сейчас возьму эту дуру в руки и огрею тебя, друг, по хребту. Чтоб руль держал крепче и с курса не сбивался, — Спирин пружинисто поднялся, скосил взгляд на раненое плечо сержанта, потом перевел взгляд дальше.

Он не хотел видеть то, чего не хотел видеть.

— Та-а-ак, — сипло протянул Есенков. — Значит, отсиделся в дувальчике...

— Мне эта война, сержант, знаешь, ни к чему. Не я ее затеял! Я не верю в эту войну. Не верю, понял? — в голосе Спирина снова зазвенел металл, струны натянулись, глаза сделались жесткими. — А раз я не верю, то что мне на ней выкладываться? Мне моя жизнь дорога! А ты своей можешь распоряжаться, как хочешь. И другие пусть распоряжаются по своему усмотрению.

Есенков молчал. Он-то верил, что с каждой разбитой бандой приближается победа, что выстрелов будет меньше, но сколько ни воевали — выстрелов становилось больше. Спирин обошел Фатахова, который никак не мог успокоиться, очутился лицом к лицу с Есенковым.

— Смотри, что я нашел, сержант! Дувальчик-то дедов — с сюрпризом, — Спирин медленно, осторожным движением вытянул из кармана серую тряпицу, развернул ее. — Смотри и дивись!

В тряпице зеленоватой неряшливой грудкой лежало что-то такое, чего Есенков, похоже, никогда не видел — изгрызенные кусочки тяжелого металла. Вроде бы это была медь, а может, и не медь.

— Что это? — спросил Фатахов.

— Что? Золото! Это о нем как-то говорил старик, — Спирин посветлел лицом, глазами, он весь посветлел, глядя на горстку металла; ноздри у него упруго сжались, и Есенков понял: Спирин знает, что это такое, а вот Есенков и Фатахов не знают, потому изгрызенная, навозного цвета горстка им и безразлична.

— Эх ты-ы-ы,— произнес Есенков протяжно, с непонятым выражением, на которое Спирин не обратил внимания.

— Старик говорил про золото, но тайну с собой на тот свет уволок. Хорошо, что я вдогонку кишулся. Ну, скажи, сержант, разве я не великий человек?

— Нет,— тихо и твердо проговорил Есенков,— ты подонок.

— Чего-о? — Спирин выпрямился, бережно завернул золото в серую тряпку.— Я тебе сейчас морду бить буду, сержант. Ох, как я тебе морду буду би-ить!

На Фатахова Спирин не обращал внимания, словно бы того и не было в дувале. Фатахов не в счет, совсем не в счет. Ни мышц, ни костей, одно только знание языка, за что, как ему однажды прямо сказал Спирин, и держат в армии. А так давно бы выгнали. Фатахов стушевался, отступил в сторону и, хотя никуда не исчез, находился тут же, в дувале, сделался невидимым и неслышимым.

— Как я тебе буду би-ить морду,— с шипением пропуская воздух сквозь зубы, повторил Спирин.

— Не будешь,— жестко проговорил Есенков. Усмехнулся. У него все лицо подчинилось этой усмешке, даже брови и укрупненные надбровные дуги. Спирину это не понравилось — другого бы нечаянное открытие, может быть, и остановило бы, но Спирина только подогрело.

— Повтори, что ты сказал! — свистящим шепотом потребовал он.— Кто я?

— Ты уже слышал,— спокойно проговорил Есенков,— подонок! Повторить еще?

Спирин оттянул руку назад — в Москве довелось в одном жэковском кружке изучать особую борьбу, которой не обучают даже десантников и против которой ни с ломом, ни с оружием не выстоишь. Овладев приемами, Спирин ничего не боялся и уж, конечно, не боялся сержанта. Что-то торжествующее, жаркое разливалось в нем, когда он увидел, как напрягся Есенков, напрягнул ноги, готовясь отскочить в сторону, а глаза-то, глаза побелели, будто налились молоком. Бонтя его Есенков, ой, как боится, но что-то сдержало Спирина.

— Повтори! — попросил он.

— Подонок,— проговорил Есенков. И у него внутри около самого сердца будто бы несколько пузырей лопнуло — налили туда мыльной воды, пузыри вспенились и лопнули, сделалось тяжело. Видя, что Спирин медлит — удерживает его некий поводок — уж не рана ли Есенкова, да нет, чужая рана его вряд ли удержит, тут что-то другое, вполне возможно, Фатахов, который, если что, может выступить свидетелем,— Есенков продолжал: — Из-за того, что мы оказались без гранатомета, легли ребята, понял? Тебе за это придется ответить.

— Не шей мне чужого,— сквозь зубы проговорил Спирин,— ой, предупреждаю, не шей!

— Я не шью. Это — твое. Кровь на тебе.

— Ну, сообщи обо мне куда следует, сержант, сообщи!

— Что мне до тебя,— тяжело проговорил Есенков,— и что мне о тебе куда-то сообщать. Зачем? Чтоб ты получил полтора года условно и по-прежнему портил своим пребыванием воздух? А ребят нет в живых. Кто объяснится с их матерями, с их отцами, с семьями? Ты, Спирин? — Есенков не боялся Спирина, говорил, что думал, и у него под сердцем раз за разом что-то лопалось, пени-

лось и щелкало. Пузырьки — не пузырьки, а что-то такое, о чем Есенков не знал.— Кровь на тебе, Спирина, понял? И ты за нее должен ответить.

— Смотри, сержант, я тебя предупредил — будешь лежать на земле, как те трое, — в свистящем шепоте Спирина неожиданно появились неуверенные нотки: его сбивало спокойствие Есенкова, твердость глухого, омертвелою голоса, но тем не менее останавливаться и отрабатывать задний ход он не собирался.— Имей в виду, Фатахов — не свидетель, он труслив, как койот, он этого вот боится,— Спирина резко выкинул перед собой руку, пошевелил пальцами, сжал их в кулак, — а тебя я уложу и всем скажу, что так и было. Фатахов это только подтвердит.

— Не подтвердит,— Есенков спокойно стянул со здорового плеча автомат, передернул затвор, увидел, как увеличились, став огромными и объемными, будто два перезрелых яблока, глаза Спирина и, останавливая его бросок, нажал на спуск.

Очередь была оглушающе-гулкой, короткой — в автомат был заправлен рожок, который Есенков оставлял для себя, семь патронов — Спирина откинуло назад, он прокатился по горячей земле, дернулся и затих, успев все-таки напоследок понять, что произошло, хотя и не верил, что это могло произойти.

— Вот и все,— не теряя спокойствия, холодным далеким голосом произнес Есенков, обращаясь к Фатахову, лицо его дрогнуло, сделалось горьким, чужим — перед ним разверзнулась пустота, не имеющая дна, он должен был сейчас унести в нее, но, прежде чем упасть, Есенков успел разглядеть по ту сторону пустоты Фатахова — маленького, съезженного, не похожего на себя, но все-таки это был Фатахов, и поэтому Есенков обратился к нему: — Мне ведь, Мирза, эта война тоже ни к чему, но что я могу сказать матери Володьки Линева? Уж лучше ничего не говорить. А как я могу не говорить? Для этого нужна причина,— на лежавшего Спирина он не глядел,— при-чи-на, понял? Нельзя мне объявляться дома! Ты, Мирза, подтверди, как все было на деле. Там вот Расскажи, ладно! — Он поднял руку, потыкал пальцами в воздух, в небо, где медленно, на неподвижных расправленных крыльях кружил орел. Пик стрельбы он пересидел в горах и теперь вернулся. Орлу не было никакого дела до всего земного, до выстрелов и войны, его интересовало только одно — еда. Будь у орла возможность добывать пищу в небе, он никогда бы не спускался на землю.

Люда Гирькова машинально вставала утром, машинально завтракала, машинально отправлялась на работу, перед ней машинально проходил весь день. Вечером она машинально шла на занятия в институт — жизнь у нее обрела совсем иные черты, стала механической, и механизму жизни была чужда боль. Горькая, лишенная красок жизнь эта протекала теперь по некому обязательному кругу, время вместе с Володькиными письмами было положено в шкапулку.

Вспышка света озарила Людину жизнь через три с половиной месяца, когда запыхавшаяся почтальонша неожиданно вручила ей письмо. Зная, как мается Люда, она мчалась с почты бегом, напрямик сюда, проносясь мимо других домов на скорости, хотя в другие дома тоже пришли письма, и газеты с журналами пришли, и извещения на посылки — все имелось, но она помчалась к Люде:

— Ты читай пока, читай, а я побегу к Есенковым, к матери Володькиной, сообщу, что сын жив и ты от него получила письмо,— почтальонша коротким движением подкинула сумку на плече.

— Номер полевой почты почему-то другой,— посмотрев на конверт прошептала Люда.

— Это бывает, бывает — из одной части в другую перевели, из артиллеристов в пехоту, номер почты и поменялся.

Почтальонша ушла, а Люда долго не могла понять, что же она читает и вообще чье это письмо. Письмо не Володькой вроде бы было написано, а совершенно чужим человеком. Строчки ездили перед ее глазами, буквы выскакивали из рядов и роились, словно пчелы, слова были незнакомыми, от них веяло холодом. Не мог ее родной Володька написать такое.

Письмо было жестким и страшным. «Люда,— писал Володя. Это был он,— извини меня за молчание. Объясняться не буду, извиняться перед тобой тоже не буду. Так получилось. Я лежу в госпитале. Что со мной — не спрашивай, все равно не отвечу. Я даже матери об этом не рассказываю. Скажу только, что такой я, какой сейчас, тебе не нужен. Поэтому забудь меня. Во всем виноват Афганистан. Прощай!» Он даже подписи не поставил под текстом, только две начальные буквы «В. Е.», и все.

Волчком крутанувшись и завившись вокруг себя, Люда молча опустилась на пол. Тетрадочный лист, выпав из пальцев, взвился голубком, повисел немного в воздухе и, косо спланировав, приземлился под столом. Люда же, лежа на крашеном холодном полу, неслась сейчас по узкой жаркой трубе в никуда, стенки трубы гудели тревожно, глухо, в полете у нее боль перехватывала сердце, и Люда, пытаясь обмануть боль, лихорадочно думала о том, что у этой трубы обязательно должен быть выход, скоро страшный полет закончится, и все встанет на свои места. Страшная новость, которую она вычитала из письма — это бред, который не во сне может присниться, а в холодной одури, это дикий, нелепый, глупый розыгрыш, не больше.

Хотя, с другой стороны, из письма она узнала главное — Володька жив, не убит, он дышит, у него целы глаза, целы руки, иначе он не смог бы осилить этот мятый тетрадочный листок. У него на месте мозга — не выбиты из черепа, только что-то в них сместилось, он стал видеть мир по-иному, но Люда сделала все, чтобы произошел возврат к изначальной точке, к тому Володьке Есенкову, которого она полтора года назад проводила в армию.

Несколько дней Люда Гирькова не могла прийти в себя. То плакала так, что теряла сознание и матери приходилось дежурить около нее с нашатырем, то, вдруг высушив слезы, начинала готовиться к отъезду, доставала из-под койки новенький, остро пахнущий пластмассой чемодан и торопливо складывала туда вещи. И когда мать, скорбно поджимая губы, спрашивала у нее, куда же она собирается, Люда отталкивала от себя чемодан, растерянно садилась на табуретку и бормотала едва слышно:

— Да-да, ведь он не оставил адреса. Дома у него тоже не знают, где он находится. Что делать, мама, скажи мне, что делать?

Старшая Гирькова, седая, оплывшая, будто большая рождественская свеча, много пожившая и много повидавшая женщина, не знала, что делать, приподнимала округлые полные плечи, привычноправляла рукою седые волосы и бормотала монотонно, словно у нее за дочь не белело сердце:

— Что делать, милая? Отказ ты получила, от ворот поворот... А раз такое — искать надо себе новую пару.

— Нет! — Люда ожесточенно мотала головой, из глаз вырызгивали слезы. — Не могу.

— Тогда не спрашивай, что делать. Я тебе дельный совет даю — ты отказываешься.

— Я люблю его!

— Считай, он бросил тебя. Ушел и адреса не оставил. Разве можно любить такого человека?

— Он ранен, у него нет ног... А руки? Я не знаю, что у него с руками!

— Тем более нечего его любить. Сядет на шею. И еще как! Будет требовать, кричать и ругаться, только измучит тебя! Ты об этом думала?

— Я буду кормить его.

— На твою-то зарплату? — мать покачала головой и с неожидан- ным любопытством всматривалась в дочь, пытаясь найти в ней са- му себя, свою юность, сопоставить прошлое с настоящим, но обыч- ная пронизательность подводила ее, две истины были несопостави- мы, и лицо у матери делалось невеселым. — Ты, дочка, должна еще научиться зарабатывать деньги, — говорила она, не придавая значе- ния тому, что слова ее имеют двойной смысл.

— Я знаю, что надо делать, — наконец заявила дочь и, высушив глаза платком, села за стол. — Я напишу письмо в часть, где служил Володя, они ответят, ничего скрывать не станут, скажут, где он и что он... И что случилось, и куда был ранен, и самое глав- ное — адрес Володи дадут.

Люда написала письмо в десантный полк и на какое-то время обрела спокойствие, стала сама собой — бледное, отекшее от слез лицо ее, украсилось живой розовиной, глаза тоже ожили, из них исчезла тусклота. Болезненное выражение, плотно припечатавшееся ко всей ее надломленной фигуре, тоже исчезло. Она теперь жила ожиданием. Сходила к Есенковым — узнать, может быть, у них есть новости, но родители Володи тоже ничего не знали. На них страшно было смотреть. Смотреть — только расстраиваться, и это должно было откинуть Люду назад, в слезы, в горе. Но она не да- ла откинуть себя, будто щепку волной, удержалась на плаву у бе- рега, она верила в себя, в свою судьбу, в свою звезду — ведь у каждого человека есть звезда на небе, под которой он ходит. И Людмила ходит под звездой, и Володя...

Ответ пришел через месяц. Люда подержала конверт у лица, словно хотела определить, какие военные запахи он вобрал в себя. Конверт пахнул жарой, пылью, железом, еще чем-то таким, чему она не знала названия, возможно, ружейным маслом, улыбнулась и, не ведая, что ее ждет — бездонный мрак, в который она сейчас сва- лится, будто в пропасть, либо свет, способный оживить мертвую иссохшуюся душу, разорвала конверт. По-детски зашевелила губа- ми, читая письмо.

Ответил на ее письмо заместитель командира полка по политча- сти — она заглянула в конец письма, отпечатанного на машинке, прочитала подпись, должность и звание, потом переместилась в на- чало. И все-таки падение в бездонный тесный мрак, в котором не- чем дышать, было. Она не удержалась, взмахнула подбито руками и заревела. Ответ нехорошо ошеломил ее. Может быть, замполит

и не имел права так отвечать, но он не имел права и играть в кош-ки-мышки — замполит поступал, как солдат.

«В ответ на Ваше письмо сообщая, что бывший военнослужащий нашей части сержант Есенков Владимир Владимирович совершил 2 июня сего года преступление: причинил тяжкие телесные повреждения своему сослуживцу — рядовому Спирину Ю. А., от которых последний скончался.

Военным трибуналом военного округа В. В. Есенков 15 июля с. г. приговорен к лишению свободы сроком на 10 лет. В настоящее время Есенков В. В. находится в исправительно-трудовой колонии усиленного режима на территории СССР.

За время прохождения службы в нашей войсковой части Есенков В. В. на излечении в медицинских учреждениях не находился».

Подпись была простая, ясная. Ниже подписи теснились несколько ровных, наспех набросанных строчек от руки.

«Сообщая также, что назначено повторное следствие. Вполне возможно, что состоится пересмотр дела и тогда приговор будет смягчен. У Есенкова В. В. есть свидетель — Фатахов М., который осужден на два года лишения свободы за преступное невмешательство в действия Есенкова В. В. Если по этому делу будет назначено повторное следствие, то Есенкову В. В. (так же как и прежде) из части будет дана характеристика, не принижающая его человеческих и служебных качеств».

Что-то горячее обожгло Люде язык, горло, будто она случайно хлебнула раскаленного воздуха. Жизнь обернулась для нее той стороной, которую она и не ожидала увидеть. Десять лет заключения... За десятилетие у нее волосы посекутся, в них может появиться седина, веки набрякнут тяжестью, под глазами лесенкой выстроятся морщинки, и станет она Людмилой Акимовной, женщиной с лицом, очень похожим на материнское.

— Что же делать, что же делать? — пробормотала она беспомощно.

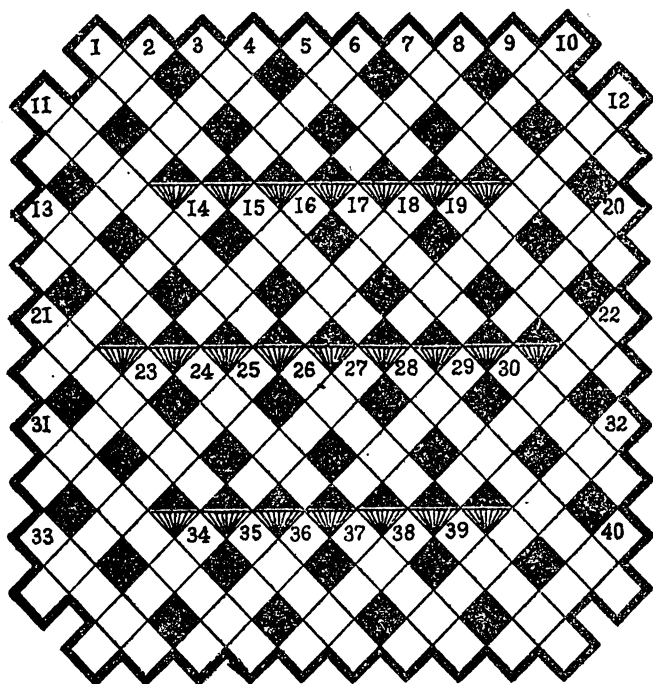
Знакомый вопрос. Что делать... Жить! Володьке она ничем не поможет — что свершилось, то уже свершилось.

Люда удержала в себе стон, опрокинулась на спину. Что же все-таки делать? Для начала — взять себя в руки и не расклевывать. Главное — теперь есть ясность, она знает все. Всю правду. Вся правда — это уже легче можно сориентироваться, рассчитать силы, время, подумать, куда послать ходатайство о снисхождении — Люда рассуждала как взрослая, познавшая жизнь женщина. Она не была взрослой, но беда пробудила в ней взрослую хватку, способность ориентироваться в темноте, в дыму и в боли.

Она должна была бороться с матерью, с жалобью близких, с равнодушием произвестковавшихся сердец, с беспорядком в собственном сердце и с самою собой. Это было самым трудным из всего — бороться с самою собой. Человек часто в такой борьбе изнашивается душой и телом, шалает от усталости, но больше всего она была готова к другому — к долгому ожиданию, к душевному одиночеству, которое обязательно сопровождает ожидание. Она была готова ждать Володьку сколько угодно — пять лет, десять, если срок не состык, пятнадцать, если после повторного следствия ему набавят годы заключения, ждать сколько угодно, лишь бы знать, что он придет.

И лишь бы он вернулся живым, лишь бы... Это — главное.

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ ПРАВО?

1. Пуля особой конструкции для стрельбы из гладкоствольного ружья.
2. Нормативный акт, принятый высшим представительным органом государственной власти.
3. Вещи, принадлежащие пассажиру, сдаваемые им для перевозки под ответственность транспортной организации.
4. Особая мера государственного принуждения за совершенное преступление.
5. Лицо, обращающееся в суд за защитой своего нарушенного или оспариваемого права или охраняемого законом интереса.
6. Установленный государством либо общественной организацией свод правил, регулирующих деятельность организаций, учреждений, их взаимоотношения с другими организациями и гражданами.
7. Форма государственного устройства, существующая, как правило, в многонациональных государствах.
8. Человек, который ловко ведет свои дела, не стесняясь в средствах для достижения своих корыстных целей.
9. Чрезвычайный и полномочный глава дипломатического представительства за границей.
10. Совокупность наследственных земельных владений короля.
11. Отсрочка исполнения обязательств, устанавливаемая правительством на определенный срок или до окончания каких-либо чрезвычайных событий.
12. Ответ на допросе.
13. Наемные солдаты в Индии, вербо-

вавшиеся в английскую колониальную армию из местных жителей. 14. Ассигнования из бюджета на покрытие убытков или сбалансирования нижестоящих бюджетов. 15. Отдых, предоставляемый трудящемуся в качестве компенсации за работу или дежурство в нерабочее время. 16. Неродной отец. 17. Побудительная причина, повод к какому-нибудь действию. 18. Мнение или постановление, выраженное или принятое большинством голосов избирательного корпуса или представительного учреждения. 19. Договор, согласно которому одно лицо безвозмездно передает свое имущество в собственность другому. 20. Документ, удостоверяющий право пользования чем-либо за плату. 21. Незаконное изъятие государственного или общественного имущества в корыстных целях или личной нужды. 22. Административно-исполнительный орган государства, призванный обеспечивать охрану общественного порядка, социалистической собственности, прав и законных интересов граждан, предприятий, организаций, учреждений от преступных посягательств. 23. Название верхней палаты парламента в ряде современных зарубежных государств. 24. Следственное действие, направленное на получение доказательств по уголовному делу. 25. Деятельность уполномоченных законом органов и лиц, заключающаяся в доказывании виновности лица, привлекаемого к уголовной ответственности. 26. Документ, являющийся основанием для заключения договора найма на жилое помещение и вселения в это жилое помещение. 27. Мера пресечения, состоящая в заключении под стражу обвиняемого. 28. Разновидность ценной бумаги на предъявителя. 29. Орган военной разведки и контрразведки фашистской Германии. 30. Прохладительный напиток. 31. Распоряжение гражданина своим имуществом на случай смерти, сделанное в установленном законом порядке. 32. Вводная или вступительная часть законодательного или иного правового акта, а также декларации или международного договора. 33. В буржуазных государствах почетное владетельное, родовое или пожалованное звание. 34. Случайное действие, которое имеет внешние признаки проступка (преступления), но лишено элемента вины и не влечет юридической ответственности. 35. Преступление, состоящее в нанесении потерпевшему множества ударов. 36. Точное воспроизведение текста документа. 37. Щит с появляющимися на нем световыми сигналами или надписями. 38. Один из способов обеспечения исполнения обязательств. 39. Договор двух и более нанимателей о взаимной передаче жилых помещений в пользование с передачей соответствующих прав и обязанностей. 40. Глава, руководитель политической партии.

Составитель И. КОБЫЛКИН

г. СТАРОБЕЛЬСК,
ЛУГАНСКАЯ ОБЛ.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 9

1. Хиппи. 2. Иогансон. 3. Нувориш. 4. Швейк. 5. Кок. 6. Кулешов. 7. Василики. 8. Идентификация. 9. Ялава. 10. Авангард. 11. Даддани. 12. Икаррия. 13. Ян. 14. Негус. 15. Сабиров. 16. Вали. 17. Испуг. 18. Гус. 19. Сатрап. 20. Преступник. 21. Класс. 22. Стортинг. 23. Гангстеризм. 24. Мандат. 25. Таксе. 26. Аллегри. 27. «Интерпол». 28. Лорд. 29. Директория. 30. Ялта. 31. Апаш. 32. Шпион. 33. Неру. 34. Успех.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ЮРИДИЧЕСКОГО ПРАКТИКУМА

Задача 1

Прежде всего никакого согласия Титова на признание его отцом не требовалось. Согласно статье 47 Кодекса о браке и семье РСФСР (аналогичные статьи есть и в КоБС других союзных республик) происхождения ребенка от родителей, состоящих между собой в браке, удостоверяется записью о браке родителей. Лица, состоящие в браке, записываются родителями ребенка в книге записей рождений по заявлению любого из родителей. Однако лицо, записанное в качестве отца или матери ребенка, вправе оспорить произведенную запись в течение года с того времени, когда ему стало или должно было стать известным о ней (статья 49 КоБС РСФСР).

По истечении годовичного срока оспаривать отцовство уже нельзя. Так что алименты Титову платить придется.

Задача 2

Захаров основывает свое требование на статье 21 КоБС РСФСР, в соответствии с которой при разделе имущества, являющегося общей совместной собственностью супругов, их доли признаются равными. Но общей совместной собственностью является лишь имущество, нажитое супругами во время брака (статья 20 КоБС РСФСР). Имущество, принадлежавшее супругам до вступления в брак, а также полученное ими во время брака в дар или по наследству, является собственностью каждого из них (статья 22 КоБС РСФСР).

Поэтому в рассмотренной ситуации Захаров никаких прав на имущество, составляющее домашнюю обстановку, не имеет.

Задача 3

При заключении брака супруги по своему желанию избирают фамилию одного из супругов в качестве их общей фамилии либо каждый из супругов сохраняет свою добрачную фамилию (статья 18 КоБС РСФСР).

Вопрос о предоставлении супругам возможности именоваться двойной фамилией решается в союзных республиках по-разному. В РСФСР такая возможность не предусмотрена, а законодательство Белорусской, Грузинской и Азербайджанской ССР это допускает.

В случае обнаружения полиграфического брака просим обращаться в ОТК типографии, печатающей данную часть тиража журнала.

Сдано в набор 31.07.90. Подписано в печать 24.08.90.
Формат 84×108¹/₂. Печать высокая. Усл. печ. л. 6,72. Усл. кр.-отт. 7,56.
Уч.-изд. л. 9,40. Зак. 2666. Цена 60 коп.

Адрес редакции:
129850 ГСП, Москва, И-110, Олимпийский проспект, 22.
Телефон 281-68-12

Отпечатано 1 600 000 экз. (из общего тиража 9 150 000 экз.) с матриц ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда» в типографии издательства «Советская Сибирь», Новосибирск-48, ул. Немировича-Данченко, 104, Зак. № 58.

Рис. А. Бильжо

Рис. В. Федорова

60 коп.
Индекс 71075

